

Надежда КАЛАШНИКОВА

Шутов не нанимают...

Сказки

Новокузнецк

2019

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Надежда КАЛАШНИКОВА
Шутов не нанимают...

Сказки

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
Издательство «Ник без Компани»
2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К 17

КАЛАШНИКОВА Надежда Николаевна

Шутов не нанимают... : сказки / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без Company», 2019.

12+

© Надежда КАЛАШНИКОВА

На ушко сказочнице. Фото Константина Егорова

Калашникова Надежда Николаевна родилась 27 ноября 1991 года в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии в 2014 году. Работает на кафедре психологии ЦПО НФ КемГУ.

В КЛФ «Контакт» пришла в 2010 году. Первая публикация – сказочка «Как заяц зиму победил» – в газете «Губернские ведомости» за 19 мая 2001 г. С 2009 по 2016 год клубом «Контакт», а позднее издательством «Ник без Company» выпущено около десятка книг прозы Надежды Калашниковой, в 2017 – книжечка стихов «За кулисами улыбки». Лауреат Губернаторской премии в области культуры и искусства за 2014 год (единственная в этом году за литературу).

Вместо предисловия

Попробуй-ка сделать то, чего никогда не делал!

Например, написать предисловие к сборнику.

Да ещё не к своему.

Ну-с, пробуем. Итак, новокузнецкий вполне себе молодой автор. Вернее, авторесса. Надежда Калашникова. Писать, как водится, начала ещё в детстве. Но первая по-настоящему крупная законченная вещь подоспела как раз к выпускному: сказка «Королевство Сердце».

...Жили да поживали на белом свете Покой и Серость, породившие дочку Скуку. А уж от Скуки появились всем известные Дурь, Тоска, да Обида-на-Весь-Свет. Долго ли коротко, но прослышала семейка о процветающем королевстве Сердце, где живут Мечта, Надежда, Лень, Романтика, Совесть, Юмор и маленькая Любовь. Порешили пойти в то королевство, выгнать владельцев, да и жить в своё удовольствие. И совсем это было у них получилось, но пришли на помощь Работа и Неугасимый Огонёк...

«– Но ведь всегда говорят, что работать – трудно...

– Трудно... – Работа ухмыльнулась; белые зубы и белая блузка с передником удивительно гармонировали со смуглой кожей. – Да, я трудная! <...> Я трудная, вредная и ворчливая! Это правда. А что я нудная и монотонно капаю на мозги – нет. Меня такой делает Серость. И Скука. Они кого хошь – хоть Любовь, хоть Мечту, хоть Веру – опошлят, всех красок лишат и такое сделают, что лучше б догола раздеть и через площадь прогнать – и то позору меньше».

Тут тебе и говорящие имена, и характеры им под стать, здоровая назидательность (да-да!) и не менее здоровый юмор. Да и с языком – убедитесь сами – всё хорошо.

Забавную романтически-политическую (здесь должен быть смайлик) «Пушистую сказку» – про отважного кота Коготка, отправившегося выручать капризную кошечку Снежинку в далёкий Лес, где властвует Лев с прихлебателями, – можно цитировать, и с удовольствием: «В последнее время как-то всё пошло кверху лапами и вниз ушами»,

«...порядок в Лесу воцарился в том смысле, что оказались узаконены беспорядки и произвол», барбосу Шавычу: «Она от тебя без ума, а ты – побарбосить и бросить?»

Самые милые моему сердцу тексты оказались – неожиданно, правда? – фэнтезийными. Стильными и романтическими. Словом, моими.

«Русалочка». Продолжение всем известной сказки Андерсена. Вернее, продолжение, буде та закончилась хорошо – в нашем понимании: если бы Принц-таки женился на безмолвной безвестной девушке, отказавшейся ради его спасения и возможности остаться рядом от своих родных и родины-моря.

«Шахматы». Стильная маленькая история, почти зарисовка, о сражении на шахматной доске. И пешке, ставшей королевой.

«Король и шут». В повести всё, как я люблю: «переодевашки», короли, драконы, тайные стороны главных героев... И, разумеется, Любовь.

А есть ещё старая сказка на новый лад: «Про Красную шапочку: как оно было на самом деле». И россыпь сказок «для детей от семи до семидесяти».

А ещё Надежда пишет стихи...
Но это уже другая история.

Наталья КОЛЕСОВА

Королевство Сердце

Жили-были старик со старухой, их звали Покой и Серость. Дочка у них была, Скука. Дочка маленькая была, но родители в ней души не чаяли, и росла она не по дням, а по часам. Порядочно вымахала, только ума не прибавилось. Да оно и верно: откуда у скуки мозги.

Вот выросла, значит, Скука, скучно ей стало в родительском доме. Она и говорит: «Пойду по городам и сёлам, людей посмотрю, себя покажу. Авось не так скучно будет». Родители пытались чадо своё отговорить, но Скуке если что в голову втемяшилось, того топором не вышибешь. Отправилась Скука странствовать.

Где её носило – неизвестно. Вот раз идёт она по городской ярмарке, видит – в сторонке Дурак стоит и глаза на всё пялит. И на Скуку тоже. А надо сказать, что Скука одевалась очень ярко, пёстро и красилась так, что штукатурка сыпалась. Дураку это понравилось. И Скуке Дурак тоже очень приглянулся. Подошла она к нему, разговор завязали. Повёл Дурак Скуку к себе. Пробыла она с ним день, пробыла она с ним ночь... А наутро опять скучно стало, простилась с Дураком и ушла – куда глаза глядят, куда ноги несут.

Дурак с той поры совсем рассудком повредился. Ходит, как неприкаянный, и всё кричит: «Скука! Скука!..» Люди на него косятся, кто-то предлагает: женись, мол, всё и пройдёт, вон девушка какая хорошая есть у нас, Работой зовут... Дурак только руками-ногами машет и кричит пуще прежнего.

А Скуке и горя нет, что она человека с ума свела. Год она по свету бегала, а потом воротилась к родителям и положила на кровать ребёнка: «Нате, воспитывайте, а мне с ней скучно нянчиться». А родила-то Скука Дурь, ту самую дурь, что от скуки берётся. По родителям онанисколько не соскучилась и тут же упорхнула, денька не погостила.

Старикам охота, что ли, с ребёнком нянчиться, с Дурью маяться? Покою, само собой, покой нужен, а от ребёнка покоя не жди. А Серость всякие изменения в жизни ой как не любит. Ей надо, чтобы всё было одним цветом окрашено – и никаких поворотов, никаких встрясок. Потому и жили они с Покоем душа в душу. И никакие внучки им на дух не нужны были.

Сели они рядить, куда девать ребёнка. Утопить – а ну прознает кто, шуму не оберёшься... Покой и придумал: давай, говорит, отдадим её моей сестре, Равнодушию. У той, хоть земля тресни, один ответ: мне всё равно, меня не касается. Вот и сплавим ей девчонку, раз ей всё равно.

Решить-то они решили, да вот беда: Равнодушие от них в пяти верстах живёт, пешком не дойдёшь, ехать надо. Ехать – это такая морока! Трясёшься по ухабам, ветер того и гляди шапку сорвёт, а вокруг мелькает всё новое, незнакомое... Да ещё день выдался солнечный. Покой говорит:

– Нет, не поеду я, растрясёт меня по дороге.

А Серость отвечает:

– Эх ты, старый пень! Тонка у тебя кишка на великие дела. Ветерок подул – ты уже закачался. А мне всё подвластно! Ставь против меня любой цвет – я покрою его серой пылью. Я могу покорить весь мир! Я сильнее всех на свете!..

Но внезапный порыв ветра распахнул форточку, и донеслись негромкие слова: «Есть сильнее тебя...»

Серость, плюнув, захлопнула окно, схватила орущую Дурь и пошла закладывать телегу, бормоча что-то под нос. И пока она ехала, всё вокруг как-то серело, блёкло; смолкали птицы, тускнели цветы и травы. Даже солнце больше не рассыпало своих весёлых зайчиков, а висело в небе мутным шаром.

Наконец, приехали к Равнодушию. Она приняла незваных гостей спокойно и холодно. Когда Серость положила Дурь в угол на кучу тряпья, Равнодушие и бровью не повела.

О ребёнке она совершенно не заботилась, разве бросала ей в угол пожевать чего-нибудь. Когда бросит, а когда и нет. Но Дурь, несмотря на это, живучей оказалась. Подросла и ушла от Равнодушия на улицу. Спит под забором, ходит вечно вся в синяках, платье рваное, волосы невымыты, спутаны... Смотреть страшно. Дурь, однако, о внешности своей не печалилась, умела она людей привлечь бесшабашной удалью, лёгким нравом да громкой славой. Народ за ней табунами ходил.

Время течёт незаметно, как песок сквозь пальцы. Как-то летним вечерком заявила домой Скука, постаревшая, в пыльных лохмотьях. Да не одна, а с двумя дочерьми – Тоской и Обидой-на-Весь-Свет. Вид у этих девиц – краше в гроб кладут. На Тоску глянешь и думаешь, что проще в болоте утопиться. А на Обиду и вовсе смотреть страшно. Она красивая, платье в модную чёрно-жёлтую полосочку, но на лице такое презрение ко всему и вся!.. От подобной красавицы немудрено сбежать хоть к дурнушке какой, только поприветливей.

Вот какой народ пришёл к Покою и Серости. Те, как-никак, дочку столько лет не видели, обрадовались. Правда, Покой что-то тихонько ворчал, но его никто не слышал. Посидели за столом, поговорили, разошлись. И потянулись дальше серые будни.

Скуке, видать, надоело по свету шататься, перешла она на осёдлую жизнь. День-деньской валяется на диване, папироской дымит и в потолок поплёвывает. Тоска по кабакам пошла: каждый вечер с зелёной бутылкой обнимается. Обида-на-Весь-Свет ничего не делает, ходит за околицей и плачется на свою горькую судьбинушку. И пакости соседям по ночам устраивает. А Покой с Серостью кормят всю эту ораву да тихонько вздыхают.

Месяц проходит, год проходит... Неизвестно, сколько годов прошло. В один прекрасный день Скука спрыгнула с дивана, с хрустом потянулась и протяжно так выговорила: «Ску-учно!..» И побежала искать своих дочерей. Всех троих в дом привела, даже Дурь где-то разыскала. Позвала и Серость с Покоем. И когда все уселись, повела речь. О том, как скоротечна жизнь, о великих делах и великой славе, о красоте и богатстве стран, где ей удалось побывать. Но правят этими странами коварные властители Работа, Веселье, Надежда. Где-то живёт принцесса Любовь. А ещё есть такой вредный мальчишка, подручник этих тиранов. Зовут его Негасимый Огонёк. Говорят, на чью сторону он станет, того победить невозможно.

Надо сказать, что Скука даром красноречия владела в совершенстве и могла убедить кого угодно в чём угодно. Даже собственного папашу, уж на что он непробиваемый. Так вышло и на этот раз. А предлагала Скука ни много ни мало – захватить какое-нибудь государство, выбить оттуда самозванных тиранов и царствовать в своё удовольствие.

Идея понравилась. Собрались не спеша все и в путь отправились. Долго ли, коротко шли, вдруг видят – навстречу странница идёт с котомкой. Поравнялась с ними и спрашивает:

– Кто вы такие и куда путь держите?

Обида-на-Весь-Свет отвечает:

– Ты сама сначала представься, а потом уж нас расспрашивай.

Станница усмехнулась, достала из котомки дудочку и заиграла. Полилась такая протяжная заунывная мелодия, что хоть сейчас ложись и помирай. Даже Тоска поморщилась.

Довольная произведённым впечатлением, странница спрятала дудочку и заговорила:

– Я – Уньние. Давно я хожу по свету, играю на дудочке и порабощаю людей. Они легко и с радостью мне покоряются. Но есть у меня злейшие враги – Надежда, Вера да ещё проклятая черномазая Работа. Против них я ничего не могу поделывать... Я сейчас иду из королевства Сердце. Может, слышали о таком? Шикарное владение. Полно, конечно, всякого сброду. Есть и приятные личности, вроде

Лени да Чёрного Омута, но они способны только на мелочи. Я же ищу сильных союзников, чтобы подчинить это Сердце. А вы кто такие?

Рассказали, кто есть кто, и говорят:

– Мы идём с той же целью. Присоединяйся к нам.

Глаза Уныния засверкали.

– Ну, с таким народом я переверну это поганое Сердчишко, а там и за остальных примусь, – пробормотала она, указывая дорогу.

Пока эта честная компания направляется к границе, вынашивая наполеоновские планы, надо посмотреть, куда они так торопятся. Другими словами – узнать, что это за королевство такое.

* * *

Далеко-далеко, за синими морями, за высокими горами, за дремучим лесом раскинулось королевство Сердце. Воздух в нём привольный, луга раздольные, земли плодородные, в земле груды золота лежат.

В центре Сердца стоит замок со шпилями и куполами. Семибашенный. В главной башне живут Мечта, Надежда и Лень.

Мечта главную башню голубым цветом выкрасила. Переливается она на солнце, как волна морская. Да и сама Мечта голубое платье носит. Выйдет на балкон, полной грудью дышит, любитесь на окрестности. И ею все любятесь. Из башни Мечта не выходит. Боится, что обидят её, такую красивую и беззащитную. А тут ещё Лень нашёптывает: «Ты не создана для толпы, она не поймёт тебя, растопчет; изломаешь ты белы ручки; нечего тебе там делать». Мечта послушает, повздыхает, да так и сидит на одном месте.

Бывает, такая тоска на неё найдёт, что с балкона впору бросаться. И бросилась бы, если бы не Надежда. Та взглянет, улыбнётся – и легче станет, жить дальше можно. Надежда – удивительное существо. Юная и прекрасная, а волосы совершенно седые. Мечта как-то спросила, почему так? И почему бы ей не покраситься? Надежда ответила:

– Я живу дольше всех на этом свете, мне суждено умереть последней. На моих глазах умирают друзья, а я не имею права даже заплакать. Я по-прежнему улыбаюсь, обещая свет и добро. А боль выливается вот во что, – и провела рукой по волосам. – И нет на земле такой краски, которая могла бы скрыть её.

Мечта в ответ только глазами хлопала.

Главную башню хороводом окружили шесть башенок поменьше. В каждой из них – по жильцу. Вот в зелёной башне обустроился задорный мальчуган Юмор. Этого дома не застанешь, дни напролёт где-то пропадает, потом опять объявляется.

Рядом с Юмором проживает Великий Скептик. Великим его прозвали за то, что он носит кольчугу и до ушей увешан оружием. Правда, в ход не пускает – и то ладно. Хватит и того, что язвит всё и всех подряд. Больше всего Великий Скептик придирается к Романтике – и платье на ней легкомысленное, и характер вредный, и жильё своё умудрилась в розовый цвет выкрасить, весь вид портит. Свою-то башню Скептик укреплял, будто не сегодня-завтра враги нагрянут. Железом обил, на дверь замок с «секретом» навесил. Мало того – пушку откуда-то приволок, в башню закатил и дуло наружу выставил. В помещении места живого не осталось, так что спал Скептик на полу, съёжившись. А во сне ему снилась Романтика...

А Романтика завела ручного голубя и жалуется ему (а заодно и всем обитателям замка), какой козёл этот Великий, не даёт ей жить, прямо-таки душит. Ночами же, едва ложилась Романтика на свою кружевную постель, снился ей Скептик. Злилась Романтика на саму себя, да ничего не могла поделать.

В одной из башенок окопался Страх. Скрюченный старикашка, он старается не попадаться никому на глаза, а исподтишка строит всякие козни. Башню свою он даже не красил, так она и стоит вся обшарпанная, с отбитыми кирпичами.

Живёт в замке и девочка Любовь. Маленькая она ещё, необстрелянная. Любит спецэффекты. Вот и башню свою красной сделала, за версту горит, как огнём. Кстати, у Любви есть любопытное свойство, как у хамелеона:

у неё волосы меняют цвет под настроение. И становится Любовь то ангелочком белокурим, то рыжей зеленоглазой ведьмой – даром что ей пять годочков на вид.

Последнюю башню занимает Упрямство. Это очень своенравная дама. Дашь ей палец – до плеча руку отхватит и скажет: «Мало!» Ругается, как извозчик, и гоняет на лошадях, рискуя свернуть себе шею.

Чуть в стороне от замка стоит сторожевая башня с вышкой. Там живёт стражник – Совесть. С высоты ей всё как на ладони видно.

И стала как-то замечать Совесть, что дела в королевстве в упадок приходят. Весной сеять пора – сеятели отмахиваются: «А! Успеем! Времени ещё много!» Боронить, пахать надо – пахари дрыхнут до обеда, потом глаза продерут, наедятся прошлогодних запасов и дальше спать завалятся. В замке неделями ничего не убирается – пыль, сор, пауки в углах, тараканы бегают... Все жалуются друг другу: «Ах, какой бардак! Какой ужас! За что нам это наказание!» Вскоре обвинять один другого принялись. Да ещё такими словами, что цветы в горшках окончательно завяли. Они и так-то усохшие были, не поливал никто. А ругань нежные цветы добила хуже засухи.

Ладно бы только ругались, а то до драки дошло: Мечта вцепилась Романтике в волосы и орёт не своим голосом: «Это ты довела нас до такого состояния. Я хоть не лезу, когда меня не спрашивают! А ты только обещать мастерица! Все беды от Романтики!» Позади прыгает Страх; он схватил свой цыганский бубен и выбивает звучную дробь в такт воплям Мечты. Надежда подбежала к драчуньям, хотела разнять – а Мечта ка-ак заедет ей локтём в нос! Надежда где стояла, там и села. Любовь смотрит на всё это безобразие, глазёнками захлопала, побледнела – и в обморок. Совесть кричит с вышки в рупор: «Прекратите!» Куда там!..

Как раз Упрямство домой возвращалась на лихом коне. А тут ещё Скептик зарядил свою пушку да как шархнет в воздух! Лошадь понесла, кого-то сшибла, Любовь чуть не растоптала... В общем, когда все маленько очухались и Юмор привёл Любовь в чувство, никто не мог вспомнить, с чего всё началось. Пока Совесть (ей по долгу службы полагалось всё замечать и соображать быстрее других) не проговорила: «А где Лень?»

В ответ из главной башни донёсся издевательский хохот. Лень стояла на балконе, уперев руки в бока, и от души наслаждалась происходящим.

Совесть выпрямилась и крикнула:

– Это твои проделки! Ты давно Сердце расшатываешь! Убирайся!

Лень хохочет пуще прежнего. Наконец, отсмеявшись, дала такую отповедь:

– Ты, Совесть, глотку зря не дери, ступай на свою вышку и сиди там, как мышка в норке. Руки у тебя коротки – меня выгнать. А вы, остальные, мне сослужили неплохую службу. Будете пайньками, ещё сослужите.

– Не будем мы пайньками! – выкрикнула Упрямство.

– Ты, Упрямство, хочешь со мной силой помериться? – вкрадчиво спросила Лень.

Упрямство как-то сразу скисла и ничего не ответила.

Вскоре после того случая объявился в Сердце очень важный господин, красивый как чёрт. Звали его Чёрным Омутом. Кто такой? Что ему надо в Сердце? Никто ничего не знал. Поговаривали, что настоящее его имя в строгом секрете, что сам он... Но стоит ли передавать досужие толки? Достаточно сказать, что Чёрный Омут поселился в главной башне, закрутил роман с Мечтой и стал править балом во всём королевстве.

Любил он шиковать. Что ни день – то пирушка да попойка. Все запасы в королевстве уничтожили, откуда новые берут – неизвестно. В замке шаром покати, жильцы ходят и зубами клацают, как волки зимой. А в главной башне каждый день веселье. Вино рекой, закуски всякие из окон швыряют от нечего делать. Потом музыка начинается, и Мечта прямо на столе танцует. Лень возлежит на кровати и в ладоши такт отбивает. А чуть погода Чёрный Омут спихивает Лень с кровати и сам её занимает. С Мечтой вместе.

Надежда не выдержала – убежала из главной башни. Походила-походила – куда бы приткнуться? Слышит: зовёт её Романтика к себе. Обрадовалась Надежда. Поднялась к Романтике, сели они рядышком и заплакали навзрыд. А нарыдавшись вволю, принялись утешать друг друга: будет, мол, и на нашей улице праздник, только надейся и жди.

Тут скрипнула дверь, и вошёл Скептик. С минуту он молча стоял, а потом высказался:

– Может быть, уважаемые дамы скажут, чего именно они ждут и на что надеются? Рыцари без страха и упрёка давно перевелись. А если даже и остались, то уверяю вас, от них хлопот ещё больше, чем мы сейчас имеем. Между прочим, у нас уже не королевство, а проходной двор. Я на той неделе встретил Совесть; она в трауре: ах, какой я негодный стражник. А сегодня захожу – Совесть в дупель пьяная и спит мертвецким сном. Остались мы без стражника, а вы тут о всяких праздниках...

– Хоть со стражником, хоть без него – хуже всё равно уже быть не может, – возразила Романтика.

– Девочка моя, поверь, что может...

– Я тебе не девочка! – взвилась Романтика, почему-то краснея. – Убирайся живей из моего дома, пока я с лестницы тебя не спустила!

Скептик, усмехнувшись, вышел. Едва он захлопнул дверь, как услышал грохот и звон осколков. Это Романтика метнула ему вслед ни в чём не повинный глиняный кувшин. Что это кувшин, а не тарелка какая-нибудь – Скептик, конечно, знать не мог. Однако мелодичный звон разбиваемой посуды звенел у него в ушах весь день. И как ни тряс Скептик головой, как ни старался его прогнать – ничего не получалось.

– Мы пришли. Здесь граница, – Уныние бросила котомку на землю.

– И никто не охраняет? – протянула Скука.

– Охрана внутри. Совесть, будь она трижды проклята...

– А мне не страшна никакая Совесть, – сказала Серость. – Она меня просто не увидит. Я пойду первой.

Серость пошла по королевству, с любопытством оглядываясь. Но очень быстро любопытство сменилось недовольством. Слишком ярким и живым было Сердце, по мнению Серости. «Ну ничего, я быстро наведу здесь свои порядки», – пробормотала она, подбираясь к замку.

Обошла все башни, поглядела, кто где живёт, и направилась в главную. Там гулянье в самом разгаре. Но едва Серость переступила порог, как Чёрный Омут мигом развернулся к двери и спрашивает:

– Ты кто и что тебе здесь надо?

– А ты лихой парень. Я всё Сердце обошла, никто не заметил. А ты – сразу... Не зря, видать, в главной башне живёшь. Я – Серость, великая и могущественная. А ты кто такой?

Чёрный в ответ усмехнулся:

– Чёрным Омутом здесь меня кличут, и ты зови также. А не хочешь ли, Серость, заключить со мной дружественный союз? Я бы от такой помощницы не отказался.

– Я согласна.

– По рукам!

Так и осталась Серость жить в главной башне.

Следующим в Сердце отправился Покой. Шёл, опираясь на батожок, часто останавливался и говорил сам себе: «Вот доберусь до тёплого жилья, лягу на перинку и трубочку закурю. И главное – ни о чём не думать. Вот благодать-то!»

Дорога Покою попалась какая-то неровная. В колдобинах да ухабах, бульжники там и сям валяются. Обругал Покой нерадивых строителей и сошёл с дороги. По мягкой травушке пойти решил. Да не тут-то было: сделал два шага – запнулся о корень и полетел вверх тормашками.

– Да что же это такое на свете деется! – причитал старик, поднимаясь и отряхиваясь. – Вот уже замок видно, а в нём непременно перинка пуховая должна быть. Да не одна. Надо добираться...

Не успел он договорить, как земля под ногами заколыхалась. Землетрясение началось. Покою подхватило, швырнуло, перевернуло и наполовину засыпало землёй и всяким хламом.

– Ой-ой-ой! Прекратите! Я... это... ухажу! Не пойду в замок!

Землетрясение остановилось. Покой еле выбрался из завала. «Видно, чует меня Сердце и пускать не хочет, – догадался Покой. – Пойду-ка я лучше куда-нибудь на окраину, найду маленький домишко и буду тихо жить-поживать. А тут, в центре, беспокойно слишком».

Так он и сделал. И зажил припеваючи.

Вразвалочку, вперевалочку двинулась в путь Скука. Заглянула в маленький неприметный домик – и увидела своего отца.

– Слушай, папа, ты чего здесь делаешь?

– Живу. Мне тут, понимаешь, хорошо, спокойно. Соседки сердобольные еду приносят. Лежу да покуриваю. Что старику ещё надо? Кстати, затануться не желаешь?

Скука с наслаждением сделала пару затяжек и вернула трубку.

– Ну что это за жизнь – курить да валяться. Скучно. Я лучше в замок пойду. В замках, говорят, постоянно борьба идёт не на живот, а на смерть.

– Борьба... Ой, слово-то какое сказала ты, доченька! – закашлялся Покой. – Да зачем она нужна-то? Это ж верная смерть!

– Ха! Смерть... Всё равно помрём когда-нибудь. А зачем нужно вообще всё на свете? Чтоб со скуки не подохнуть. И борьба затем же.

– Не ходила бы ты в замок, доченька...

Скука взвилась, будто её кипятком ошпарили.

– Не ходила бы?! Это на кой же тогда ляд мы сюда тащились? Сам трус и других такими же хочет сделать. Я никого и ничего не боюсь! – с этими словами Скука выбежала из дома, хлопнув на прощание дверью. Да так, что с крыши солома посыпалась.

Идёт Скука по дороге и видит – маленькая, худенькая, оборванная фигурка навстречу. И вокруг никого. Остановилась Скука и спрашивает:

– Девочка, как тебя зовут? И почему ты совсем одна? Такой маленькой нельзя гулять одной.

– Меня зовут Любовь. А одна я, потому что у меня совсем не осталось друзей. Раньше... раньше так хорошо было... – и Любовь разревалась.

Скука обняла её, а у самой на уме: «Так вот, оказывается, какая Любовь! Я много о ней слышала. Но она так мала и наивна, что не может быть серьёзной соперницей. И всё-таки её надо устранить».

Любовь между тем кое-как успокоилась и рассказывала:

– Мы живём в большом красивом замке. Вернее, он раньше был красивый. Нам было весело жить. По вечерам мы собирались во дворе, разводили костёр. Мечта танцевала, Романтика пела, Юмор шутил и показывал всякие трюки и фокусы. Упрямство рассказывала истории о смелых людях. А Надежда и Скептик играли в шахматы, Надежда – белыми, а Скептик – чёрными. И мы разделялись на два лагеря и болели за них. И Совесть заглядывала к нам на огонёк. Даже когда Страх делал нам всякие пакости, мы не обижались, только смеялись. Со мной все тогда играли и дружили. И было что покушать. Тогда Лень была маленькая. А потом она выросла, стало так плохо, так плохо! Все стали ссориться, ругаться. Уже костёр никто не зажигал и вместе не собирался. И стало нечего есть. А потом, – Любовь зашмыгала носом, – потом пришёл Чёрный Омут. Я его боюсь. Он такой красивый, а по правде – страшный. Они теперь каждый день в главной башне пируют, а кто с ними не хочет – те голодные. И я теперь совсем одна, и мне кажется, я скоро умру. Тётя, ты нам помочь не можешь?

Скука погладила Любовь по голове:

– Бедная маленькая девочка! Ты, видно, совсем ничего не знаешь о жизни. Все ваши песни и пляски ровным счётом ничего не стоят. Они наводят скуку.

– Нет, нет! Нам тогда не было скучно!

– А если вам не было скучно, что же вы всё забросили? – вкрадчивым голосом спросила Скука.

– Да я же говорю: это всё Лень и Чёр... – Любовь вдруг зевнула. – Мне скучно. Фу, почему ты такая противная, тётя? – Любовь отвернулась, с треском зевнула ещё раз, зашаталась и свалилась в траву.

– Вот и отлично, – проговорила Скука. – Всё, что надо, я узнала, а девчонка будет спать долго. На наш век хватит.

В замке Скука преспокойно устроилась в главной башне. Серость ворчала, но ей пришлось уступить.

Не успели обитатели главной башни договориться – слышат: во дворе какой-то шум, гам, крики, визг, хохот... Выглянули в окно – а это Дурь вокруг себя весь замок собрала и рассказывает какую-то историю. Похоже, ужасно смешную, потому что все от смеха по земле катаются и визжат, как поросята под ножом. Мечта увидела: «Я к ним хочу!» – окошко распахнула да как сиганёт! Ушибла левую ногу и чуть пониже спины. Однако чары Дури оказались сильнее, и Мечта принялась хохотать вместе со всеми.

Оставшаяся четвёрка переглянулась. Чёрный Омут захлопнул окно и сказал:

– Интересная дама. С её помощью можно много сделать.

Скука фыркнула:

– Интересная! У неё папаша полоумный был, вот и...

– Пока дураки кривляются, умные люди за их спиной проворачивают большие дела.

– А мы тут все умные люди, не правда ли? – добавила Лень со своего ложа и ухмыльнулась.

– Давайте заключим союз, – проговорила Серость. – Всегда и везде работать друг на дружку. Тогда мы будем непобедимы.

– Работать! – физиономия Лени скривилась, будто она проглотила лимон с солью.

Скука повторно фыркнула и покосилась на мать.

– То не хотела власть делить, то в союз зовёт... Разберёшь тебя днём с фонарём!

– А что, – задумчиво протянул Чёрный Омут, – это идея. Каждый сам по себе, конечно, очень силен, но что будет, если объединиться!.. А то грызёмся, как пауки в банке. Этак нас враги поодиночке ухлопают.

– Скажешь тоже: враги! В этом королевстве нет ни одного серьёзного противника, – сказала Скука.

Лень тут же откликнулась:

– О, да! Уж я об этом позаботилась. Работы (при этом имени Лень опять сморщилась) в наших краях отродясь не бывало. А эти обормоты... Ну что они могут сделать? Им лень даже думать. Есть, правда, один вредный тип – Почемучка. Ему не лень задавать всякие дурацкие вопросы. Только и слышишь: «почему», «зачем», «как», «а это что, это для чего». Пренеприятнейшая личность. Но он снимает какую-то хибару на окраине, сюда он не сунется.

– На окраине? – переспросила Скука. – Там же Покой поселился. Надо будет найти Почемучку и свести с ним, вот будет умора!..

– С ума, что ли, сошла? – зашипела Серость. – Всё испортишь!

– С каких это пор мне стали рот затыкать? Ты, мать, забыла, кто вас сюда привёл? Не я – так бы и сидела в своей развалюхе. А тут надо же – понравилось...

Серость уже приготовилась метать громы и молнии, но Чёрный Омут встал между ними и проговорил:

– Спокойно, девочки. Предлагаю немедленно заключить союз четырёх и никогда не расставаться. И не ссориться, – добавил он чуть погодя.

– Ладно. Согласны, – пробурчала Серость.

Пока суд да дело, шум во дворе поутих. Дверь отворилась, и в башню вошла, нет, ввалилась Мечта.

– Чёрный Омут! – простонала она. – Спаси меня! Там пришла зелёная тётка, она всем дает пить какое-то зелье, от него так мерзко! А-а-а!..

– А зачем ты пила? – спросил Чёрный, скрестив руки на груди.

– Так все пили, и я... Ой, не могу, мне плохо, меня шас вырвет! Спасите!

– Хороша, однако, у меня дочка, – прищурилась Скука, глядя на Мечту.

– Я не дочка! Я ночка, квочка, – язык у Мечты окончательно заплёлся. Она еле стояла на ногах.

– Дура ты набитая! – не выдержала Серость. – Это Тоска тебя напоила. Ей вон дочка, – махнула на Скуку, – а мне внучка. Поняла, красотка?

Пожалуй, красоткой Мечту назвать было трудно. Мятое грязное платье, мутный взгляд, хватание за стенку... Чёрный плюнул и выбежал из башни.

Слышит: за углом крики и вопли. Ругнулся, выбежал за угол и видит такую декорацию: весь двор залит чем-то тягучим и зелёным, как болотная жижа, валяется пустая бочка, рядом с ней валяется Юмор, Романтика идёт по стеночке, а посреди двора тузят друг друга Тоска и Дурь. И орут дурными голосами:

– Красный!

– Зелёный!

– Красный!

– Зелёный! Зелёный, и точка!

– Я сказала – красный!

Чёрный Омут сначала полюбовался на них, потом расшвырял в разные стороны и спрашивает:

– Это у вас от зелья чердаки поехали или по другому поводу?

Дурь, утирая кровавые сопли, заверещала:

– Я хочу жить вот в этой красной башенке, а эта жаба хочет её зелёной сделать, плесень навести. Не допущу!

Тоска в ответ:

– У меня от твоего красного зубы ноют. Я тоже хочу здесь жить.

Чёрный улыбнулся:

– У нас уже есть зелёная башня. Бывшее вон его, – кивнул на Юмор, – жильё. Пойдём, провожу.

Взял Тоску под руку и удалился. Надолго.

Где-то часа через два Юмор прочухался, кое-как поднялся и – по стеночке – пошёл домой. Приходит – что за юмор! Башенка была весёлого зелёного цвета, а теперь будто в болото окунули. Скоро лягушки заквакают. А из башни чьи-то голоса доносятся.

Юмор послушал с полминуты, ругнулся, пошутил сам над собой и пошёл – куда глаза глядят. Идёт и встречает Романтику. А та взволнованная такая:

– Юмор, ты Любовь случайно не видел?

– Нет. Давно уже.

– А вдруг с ней что-нибудь нехорошее случилось?

– Ну посуди сама, Романтика: что может случиться с Любовью?

– Но она ещё такая маленькая...

Юмору внезапно передалась тревога Романтики.

– А ведь, и правда, я давно её не встречал. Почти с того времени, как пришла Скука.

Романтика подняла сухую веточку и помахала ею. Прилетел белый голубок и сел на руку.

– Тебе сверху всё видно. Подскажи – куда пропала Любовь? – прошептала она птице.

Голубок заворковал и полетел, как бы приглашая следовать за собой.

Романтика и Юмор пошли за ним. Шли, шли и увидели Любовь; она лежала на траве и поначалу показалась им мёртвой. Но Юмор потрогал пульс, послушал сердце и вздохнул:

– Это просто глубокий сон. Но настолько глубокий, что нам её не разбудить. И никто из наших не разбудит.

– Её надо отнести в замок. Нельзя же её здесь оставлять.

– А куда мы её денем? Мою башню заняла Тоска с Чёрным. А где Любовь жила, там Дурь поселилась. И вообще – как бы ей там чего плохого не сделали, – озабоченно сказал Юмор.

– Ты же сам говорил, что с Любовью ничего случиться не может.

– В нашем замке всё может...

– Ну, хватит сопли разводить! Юмор называется! Бери ребёнка и пошли! В моей башне уложим. В случае чего – Скептика кликнем. Он им покажет...

– Ну чего твой Скептик показать может? Фигу в кармане?

– Ничего он не мой, и сам ты фигу без кармана, – непонятно с чего обиделась Романтика и убежала на десять шагов вперёд.

Юмор пожал плечами, глядя вслед Романтике. Затем бережно взял Любовь на руки и понёс. Какая же она была бледная и грустная! Грусть застыла на детском личике, и трудно сказать, шло ему это выражение или нет.

Чудом успел Юмор донести Любовь и спрятать в башне Романтики. Припожаловала в королевство важная персона – Обида-на-Весь-Свет. Зырк-зырк глазами туда-сюда. Зашла в гости к Страху.

– Ты кто?

– Страх. А ты?

– Обида-на-Весь-Свет. Слугой моим будешь?

Страх попытался обидеться:

– Мы все свободные граждане, а тут...

– Заткнись! – перебила Обида. – Ненавижу свободу. Да и ты такой же, иначе не забивался бы в тёмную нору. Так что давай по-хорошему.

– Согласен, согласен, – угодливо забегал Страх.

– Для начала сядь, заткнись и расскажи мне, кто тут есть кто. Только про моих родичей не надо. Я их до печёнок знаю.

– Ну... тут живу я, потом Чёрный Омут, Мечта, Лень... Романтика, Юмор, Упрямство, Надежда и Любовь.

– Что?! – Обида вскочила, опрокинув стул. – Любовь?!

– Успокойтесь, госпожа, успокойтесь, – лепетал Страх. – Я видел, как Юмор нёс её спящую. Она спит вечным сном и никогда не проснётся.

– Спящая – это хорошо... Я предпочла бы видеть её мёртвой, но раз она спит, то нет проблем. А вот с Юмором надо разобраться. – Обида вышла, даже не прикрыв за собой дверь.

Юмор в это время прохаживался по двору, думая, куда бы приткнуться. Вдруг, словно из-под земли, выросла перед ним незнакомка и спрашивает:

– Ты Юмор?

– Да. А...

– А я Обида-на-Весь-Свет. А два козла на узкой тропинке не разойдутся. Убирайся.

– Это ещё с чего?

– Ты ещё задаёшь вопросы? – Обида взглянула Юмору прямо в глаза. Холод пробрался не только в душу, но и в пятки. Что тут сделаешь? Развернулся Юмор и пошёл, куда глаза глядят. «Зато не надо голову ломать, где поселиться, – размышлял он. – Лучше уж под открытым небом ночевать, чем в этом гадюшнике. Только Любовь жалко. Проснётся ли она когда-нибудь? Какой такой принц разбудит нашу спящую красавицу?.. Эх, мне это не по силам, а жаль».

Юмор свернул с дороги и забрёл в лес. Потому и не видел, и не слышал, с каким торжеством шествовала по завоёванному королевству Уныние. Заслышав её музыку, народ разбежался, затыкал уши, зарывался в подушки и в землю. Но всё было напрасно: похоронная мелодия проникала под череп и разъедала мозг, замедляла ход сердца.

В замок Уныние не пошла. Разбила под деревом палатку, лежит, на дудочке поигрывает. Чего-то вроде не хватает. Скука её курить научила. А вскоре они нашли какую-то травку с беленькими цветочками, стали заваривать и пить. Выпьешь – и так хорошо... До вечера. А потом опять выпить хочется...

Как-то они показали эти цветочки Чёрному Омуту. Он посмотрел и говорит:

– Такие штуки называют наркотиками. Я сам люблю этим делом баловаться, только у меня они поинтересней. – Достал из кармана пару круглых конфет и протянул Скуке и Унынию.

Те съели, в голос закричали:

– Давай ещё!

Чёрный смеётся:

– Больше не дам. Со второго раза привыкнете смертно. А я предпочитаю особо ни с кем не делиться.

– Жмот!

– Да, я эгоист, – с достоинством подтвердил тот, – но чья бы корова мычала...

– Это я-то эгоистка? – завопила Уныние. – Да я всей душой!.. Да я всех сюда привела! Да...

– погоди, Уныние, – перебила Скука. – Чёрный, ты лучше скажи, откуда ты каждый раз берёшь вкусности и всякие побрякушки для Мечты. У нас ведь никто ничего не делает, жрут, что найдут, и ходят в репье. А ты Мечту как куколку наряжаешь, и брюхо до отвала набить можно. И сам ты такой обворожительный, что я прямо не знаю... – последнюю фразу Скука чуть ли не промурлыкала.

– Что важнее всего в жизни? Вкусная еда, красивая внешность и приятное времяпровождение, – ответил Чёрный, обнимая Скуку за талию. – А каким способом это добывается – не так уж важно.

– Скука, ты грибы собирать любишь? – спросил он внезапно.

– А?.. Ты о чём? – встрепенулась Скука.

– Я говорю, грибы любишь собирать? А то я недавно грибную полянку нашёл. Да пойдём, покажу.

Уныние мрачно усмехнулась вслед уходящей парочке.

– Грибы... Видала я ваши грибы в белых тапочках в гробу!.. Всё-таки неправ Чёрный, что важнее всего удовольствия. Главное – сила! Власть! Когда перед тобой бессильны тысячи! Вот это я понимаю!!!

Живёт на свете такой непоседливый мальчишка – Негасимый Огонёк. Как все мальчишки, обожает приключения и путешествия. Но в отличие от большинства, на чью долю выпадают лишь мечты да вздохи, Огонёк действительно кочует с места на место. И уж где побывает – там его не скоро забудут.

Вот как-то раз шёл Огонёк, шёл, по сторонам глядел, песенку насвистывал. А чего, спрашивается, не насвистывать? Денёк славный выдался: солнце светит, а если облака его и скроют – так зато ветерок подует. А ветер Огонёк любил едва ли не больше солнца.

Вдруг видит Огонёк: идёт ему навстречу какая-то девушка, да идёт так, что того и гляди свалится. Вовсе остановилась, стоит, качается, воздух ртом хватает. Огонёк подбежал к ней, уложил на траву, напоил из походной фляжки. Девушка очнулась и застонала.

– Кто ты? Что с тобой? Как ты здесь очутилась? – спрашивает Огонёк, а сам смотрит на неё и дивится: девушка вроде юная, а волосы совсем седые. «Может, не надо было спрашивать? – думает он. – Может, у неё какое-нибудь горе?»

– Я не могу больше так жить, – прошептала девушка и закрыла глаза. Но тут же снова открыла.

– Я знаю, мне нельзя расслабляться, ведь я Надежда... Но я, правда, не могу больше находиться там, – и она слабо махнула рукой куда-то. – Я жила в Сердце – это королевство наше, – но там начался ад, и я не выдержала... Я сбежала...

– Так ты Надежда? Что бы у вас ни случилось, раз ты жива – ещё не всё потеряно, ведь надежда умирает последней.

– Да, я жива, но я не там, где должна быть... И вообще от меня нет никакого толку. Как и от всех наших... Я хотела найти Веру и Работу, но я не знаю, где их искать. Кстати, ты сам-то кто такой?

– Негасимый Огонёк.

– Правда? – воскликнула Надежда и схватила его за руку. – Это о тебе ходят легенды, что ты непобедимый?

– Мало ли каких легенд ходит, – проворчал Огонёк. Не любил он излишнюю знаменитость.

– Нет, правда! Я пошла искать кого-нибудь, кто мог бы нам помочь, а тебя встретить я и не надеялась. Помогите нам, пожалуйста! У нас... у нас... – Надежда опять начала задыхаться.

– Да прекрати ты нервничать и расскажи толком, что там у вас стряслось?

Надежда внезапно успокоилась и заговорила коротко и быстро, словно топором рубила:

– Государство на грани развала. Нечего есть. Нечего одеть. Стражи нет. Борьтся некому, да никто и не умеет. Нас оккупировали Лень, Уныние, Серость. И ещё разный сброд.

– Что ж вы позволили оккупировать себя разному сброду? – усмехнулся Огонёк.

– Как-то так вышло... Вначале думали – ладно, авось само всё пройдёт, а потом поздно было... Мы ж ни бороться, ни работать не умеем...

– А вы твердите побольше: «не умеем да не знаем». Думаешь, я умею? Или Вера и близняшки, к которым ты собралась? Просто мы нытья не разводим, а прикидываем, как что лучше сделать – и делаем. Не боги горшки-то обжигают...

Надежда промолчала. Потом, чтобы хоть что-то сказать, спросила:

– А что это за близняшки?

– Работа и Веселье, – Огонёк улыбнулся. – Вообще-то они не сёстры, даже внешне не похожи. Но друг без дружки прожить не могут, всегда вместе ходят. Вот их и прозвали так.

– А ты их знаешь?

– А как же! Давние друзья... Не одно дело вместе проворачивали...

– Ой, Огонёк, скажи, где их искать, а то нам без них не справиться...

– Да вы и не пробовали, – проворчал он. – Кстати, кому это «нам»? От чьего имени ты говоришь?

– Нас мало осталось: Романтика, Скептик, Упрямство непонятно за кого, Юмор выгнали, Любовь усыпили...

– В смысле – усыпили? – спросил Огонёк, чувствуя непонятное волнение.

– Ну, не знаю, спит и всё. Разбудить её кто-то должен. Кто-то пришлый, не из наших... – и Надежда как-то странно взглянула на

мальчишку. Тот отвернулся и зачем-то стал поправлять шнурок на ботинке. Но очень быстро это занятие ему надоело.

– В общем, я гляжу, с вами каши не сварить. Надо самому порядок наводить. Значит, давай говори, в какой стороне ваше Сердце, а Работу и прочих ищи там-то и там-то. И долго не затягивай, а то один в поле, знаешь, плохой воин...

Добрался Огонёк до Сердца, идёт и дивится на царящее запустение. Всюду бурьян, репей; дома иные набок заваливаются; крыши прохудились, плетни покосились... «Работа, милая, как же тебя здесь не хватает», – думает Огонёк.

А вот один домик очень даже приличный с виду. И дымок из трубы идёт.

– Так, а здесь, похоже, нормальным жильём пахнет, – пробормотал Огонёк. Сам-то он был вечным бродягой, не знал ни дома своего, ни родни, но уютные домики очень любил. Правда, дольше суток в них не задерживался.

Постучал в дверь – не заперто. Зашёл. Печка топится, койка с кучей перин, одеял и подушек. Дым табачный коромыслом. Пахнет чем-то пригорелым. И сквозь дым угадываются две фигуры – одна на койке, другая у печи.

– Люди добрые! – проговорил Огонёк. – А нет ли у вас, чем накормить усталого путника?

– А ты ещё кто такой? – заверещала фигура у печки. С ухватом в руках подскочила к Огоньку и начала бесцеремонно его разглядывать. – Да ты рыжий! А ну убирайся!

– Я-то рыжий, а вы каковские?

– Кто там опять воду мутит? – донеслось с перин. – Опять этот проклятый Почемучка? Привычка, гони его в шею!

– Ты, Покой, лежи да помалкивай! – сверкнула глазами Привычка, маленькая вёрткая бабёнка неопределённых лет. – Я сама разберусь, что мне делать!

Огонёк попытался разглядеть Покоя, но сквозь дым это не удалось.

– Сударь Покой, – сказал он, оставив бесплодные попытки, – позвольте представиться: я Негасимый Огонёк, направляюсь в это королевство, и скоро здесь небу станет жарко, а покоя не будет даже в вашей хижине. Моё дело предупредить, а вам решать, можно ли здесь оставаться.

С этими словами Огонёк вышел из дома и направился дальше, нимало не заботясь о том, что делалось после его ухода.

А там началось смятение. Покой даже встал с кровати, что случилось лишь в исключительных случаях. Встал и заходил по комнате, а потом сказал Привычке:

– Мне что-то надоело здесь. То дочь что-нибудь отчебучит, то Юмор нос свой сунет. Почемучка меня чуть в гроб не вколотил... А про Негасимого я слышал. Уж если он сюда притащился, то мне уносить ноги надо. Мы вместе не уживёмся.

– Куда ты пойдёшь? – возразила Привычка. – Я тоже про Огонька слыхала, но это всё трепотня. Он один, а наших в замке куча. Они его сгноят.

– Ох, не верю я... Не дастся он так просто. А помнишь пословицу: если один бросил вызов многим – он уже не один? Эдак у него ещё союзнички найдутся...

– Какие ещё союзнички?! – завизжала Привычка. – С ума ты сошёл, что ли? Откуда?

– Мало ли... Помяни моё слово – добром это не кончится. Покоя тут не жди... Пойду-ка я искать по свету спокойный уголок.

– Может, тебе ещё карету подать? – язвительно прошипела Привычка. – Для удобства поисков?

– Что за дурацкие шутки! – отмахнулся Покой. – Я не переносу езды.

С этими словами Покой, вздыхая, взял из угла посох, распроцался с Привычкой, которая обслуживала его в последнее время, и пошёл куда подальше от такого беспокойного Сердца.

А Привычка долго ещё пряталась по оврагам и задворкам, ночевала под чужими заборами. Живучая оказалась баба и вреднющая – страсть! Столько пакостей жителям понаделала! Кто-то в отместку спалил её дом. Ненадолго это охладило привычкин пыл. А потом опять за старое. И когда случались у жителей какие неурядицы, смущённо говорили: «Вишь ты, опять Привычка куролесит».

Долго ли, коротко ли – шёл Негасимый Огонёк и, наконец, подобрался к замку. Вдруг послышалась откуда-то музыка, да такая замогильная, что зелёная трава под ногами серой сделалась. Огонёк поморщился и пошёл на звук.

Видит: из куска холстины сделана палатка, под ней лежит кто-то в хламиде и на дудочке наигрывает, да так самозабвенно, что и на подошедшего внимания не обращает. Наконец, этот кто-то перестал играть и вопрошает грозным голосом:

– Почему не трепещешь?

Огонёк ошалел маленько. Надо сказать, музыка здорово на нервы действовала. Головой тряхнул и в свою очередь спрашивает:

– А с чего бы мне трепетать? Я вроде не рубаха на верёвке.

– Как ты смеешь со мной так разговаривать, дерзкий мальчишка! Да ведомо ли тебе, что я – Уныние, владычица сего королевства, а в недалёком будущем – всего мира? Мне подчиняются, меня боятся, передо мною трепещут.

– Приветствую владычицу миров, – не удержался Огонёк от издевательского поклона. – Правда, в число ваших подданных входить не собираюсь. Кстати, если ваш титул так высок, почему вы не занимаете полагающиеся вам апартаменты? – и он указал на замок.

Уныние с достоинством выпрямилась.

– Потому что считаю, что настоящая власть не нуждается в игрушках вроде парчи и золота. Если ты имеешь силу и власть над людскими душами, они пойдут в огонь и воду по одному твоему слову. А мне и слов не требуется, – усмехнулась она и повертела в руках дудочку.

– А зачем? – после некоторого молчания спросил Огонёк.

– Что – зачем?

– Ну, власть вот эта...

Уныние что-то недоумевающее возразила, но Огонёк не слушал. Он вспоминал людей, готовых за него не то что в огонь и воду, а и куда похуже... И просить их не надо было даже одним словом.

«Это получается, у меня над ними тоже власть, как Уныние говорит? Вот уж чего меньше всего хотел бы. Или власть разная бывает? Нет, на «добрых» правителей я успел насмотреться... Или это нельзя называть властью – это просто дружба, любовь...» При слове... вернее, при мысли «любовь» всё остальное мигом улетучилось из рыжей головы.

– Слушай, Уныние, – довольно невежливо перебил он, – в этом замке, говорят, принцесса какая-то есть спящая, Любовью зовут... Ты не знаешь, где именно?

Уныние пренебрежительно глянула на Огонька.

– Ты, часом, не будить ли её собрался? Бесполезно. А если и разбудишь – она снова коньки откинёт, не выдержит нашего окружения. Нежненькая девочка слишком...

– Вот погоди, придут сюда Работа с Весельем, ты по-другому запоёшь.

– Что?! – Уныние подскочила как ужаленная. – Эти чёртовы самозванки придут отбирать мою кровно заработанную власть?! Не бывать этому!

– Вряд ли ты её зарабатывала такой уж кровью, – усмехнулся рыжий. – Ладно, я пошёл.

– Эй! – крикнула вдогонку Уныние. – Кто ты есть-то?

Огонёк обернулся и, сложив руки рупором, прокричал, кто он есть такой. Отчего Уныние скривила физиономию как от горькой редьки. Но, поразмыслив, успокоилась:

– Даже если эти стервы сюда заявятся, их никто не признает, все привыкли ко мне. – С этими словами Уныние достала трубку и принялась пускать колечки.

Надо сказать, что встреча Уныния с Огоньком не прошла незамеченной. Проще говоря, на балконе главной башни сидела Мечта и следила за Огоньком, как ребёнок за погремушкой. Она, конечно, ничего не слышала, кроме двух последних реплик, но ей этого было достаточно.

Тяжёлое время наступило для Мечты. Надежда ушла, и жаловаться стало некому. А было на что. Надоела Мечте разгульная жизнь, и Чёрный Омут ей осточертел. А порвать с ним – не может. Силы воли не хватает и страшно: от него я уйду – а с кем буду? Остаться одной Мечта больше всего на свете боялась.

Чёрный откровенно над ней издевался и называл куклой и собачкой. Мечта огрызалась, но вяло. Тем более она видела, что так оно и есть. Но одному так трудно что-то менять! К Романтике Мечта подойти боялась: думала, та с ней и говорить не захочет после той драки. Скептик на неё наводил ужас одним видом. А больше и подойти-то было не к кому...

В таких грустных чувствах сидела Мечта на балконе, и плачевный вид окрестностей добавлял масла в огонь. Но вот она заметила какого-то незнакомого парня, почти ещё мальчика. Он стоял и говорил о чём-то с Унынием, а потом пошёл по направлению к замку. До Мечты долетело: «Негасимый Огонёк!..» Мечта схватилась за перила и хлопала ресницами так, что тушь с них сыпалась.

«Это же то, чего мне так не хватает», – прошептала она.

Мечта уронила голову на руки и заплакала. Но от этих слёз ей стало так светло и хорошо, как не было за всё время, проведённое с Чёрным.

Она встала, пошла смыла всю осточертевшую косметику, скинула шёлковое платье, посрывала золотые украшения. Чёрный глядит на Мечту и спрашивает:

– Ты чего, обкурилась?

– Нет, Чёрный Омут, я не обкурилась, – отвечает Мечта, натягивая ситцевое в цветах платье. – Просто я уйду отсюда.

– Хвалилась синица море поджечь, – ухмыльнулся Чёрный. – Сама же прибежишь, обратно просишься будешь, в ногах валяться.

– Не буду, – Мечта улыбнулась. Такой улыбки обитатели главной башни ещё не видели и впали в некоторый ступор. А Мечта тем временем преспокойно спускалась по винтовой лестнице. Куда она шла, что собиралась делать и как жить дальше – она не знала. Знала только, что назад она не вернётся и что ей очень хочется увидеть незнакомца с загадочным именем...

Незнакомец между тем стоял во дворе замка и раздумывал: куда бы двинуть? Вдруг дверь самой большой башни открылась и оттуда вышла милостивая девушка. Вышла и остановилась. Огонёк обрадовался, что можно разъяснить обстановку.

– Кто ты, красавица? – окликнул он Мечту. Та, вспыхнув, ответила:

– Я Мечта. Здравствуй, Негасимый Огонёк.

– Откуда ты меня знаешь? – удивился тот.

– Разведка доложила, – Мечта вдруг лихо подмигнула Огоньку.

– У вас тут и разведка есть?

– У нас тут и Серость есть, и Тоска, тебя здесь только не хватает, – непонятно серьёзно или в шутку сказала Мечта.

Но Огонёк не вслушивался в интонации.

– Серость?! – закричал он, хмурясь. – Не бывать этому! – И побежал вверх по лестнице.

Мечта подняла прутик и стала рисовать сердце.

– Это что, наше королевство? – прозвучало у неё над ухом.

Мечта отпрянула. Это Романтика вышла подышать свежим воздухом.

– Это... это... – забормотала Мечта, пытаясь стереть рисунок.

– Нет, зачем ты стираешь? – Романтика мягко взяла Мечту за руку. – Красиво.

– Правда что ли? – прошептала Мечта.

– Правда, – Романтика улыбнулась. – Ты и сама сейчас такая красивая, что не узнать. Хорошо, что ты вышла. А то до тебя не добраться в этой башне.

– А зачем до меня добираться... Ой! – сама себя перебила Мечта.
– Ты на меня не сердись?

– За что? – искренне удивилась Романтика.

– Ну... я такая драчунья была...

До Романтики дошло, о чём речь, и она расхохоталась.

– Ты ещё помнишь эту ерунду! – воскликнула она, отсмеявшись.
– Неужели ты никому не веришь?

– Я не умею верить... Но я хочу – и боюсь... – Мечта беспомощно глядела на Романтику.

В это время распахнулась дверь, и оттуда вылетела Серость, а за нею и Скука. С безумными глазами, с проклятиями они помчались, не разбирая дороги, подняли пыль столбом и скрылись из глаз. Навсегда.

Мечта и Романтика на пару захлопали ресницами, и тут до них донеслось звонкое: «Ку-ку!»

На полуразрушенной ограде сидела неизвестная девица и ухмылялась. Прокуковав ещё пару раз, она уже по-человечески улыбнулась, затем спрыгнула во двор и подбежала к девушкам.

– Давайте знакомиться, – сказала она, протягивая сразу две руки.
– Я Вера. Вас я знаю: Мечта и Романтика.

Романтика пожала левую, а Мечта – правую руку Веры. От неожиданности они не знали, что сказать.

А Вера продолжала:

– Знаете, сколько бед происходит оттого, что люди не умеют верить и доверять друг другу. И себе, кстати. А почему?! Может мне кто-нибудь объяснить, почему это происходит? – лицо Веры исказилось неподдельной болью.

– Потому что страшно, – раздался дрожащий голос Мечты.

– А что такое страх? – спросила Вера.

– Ну, не знаю... У нас тоже Страх живёт – вон в той башне.

– Слушайте, – загорелись глаза у Веры, – пойдёмте узнаем, кто он такой.

Пошли. Дверь заперта. Стучат. Нет ответа. Опять стучат. Наконец, донеслось: «Кто?»

– Вера.

За дверью послышался вскрик, а затем воцарилось молчание.

– Померли они там, что ли, – проворчала Вера. – Раз так, я сама открою.

Провела рукой по скважине – и дверь, скрипя, отворилась.

Вера зашла внутрь, за ней робко ступили притихшие Романтика с Мечтой. Их взору предстало давно не убираемое помещение. Освещение – чахлая коптилка под потолком. Окна покрашены. А в углу что-то копошилось, но разглядеть не удалось – снова раздался крик, словно с кого-то сдирали кожу. Затем частой дробью посыпались ругательства.

Вера топнула ногой.

– Мне надоело это! Прекрати бузить, выйди и покажись. Дело есть.

– Это Обида-на-Весь-Свет, – тихо сказала Мечта.

– Что? Обида, да ещё на весь свет? Это же смешно! – и запрокинув голову, Вера рассмеялась.

Ругательства прекратились. Не переставая смеяться, Вера бросилась в угол, из которого они прежде доносились. Но перед носом у неё блеснула сталь.

– Стой!! Убью!!

Вера дунула на клинок – и тот осыпался, как цветочная пыльца.

Рукоятка со звоном выпала из рук Обиды.

– Ты... ты пришла убить меня... – задыхаясь, выговорила она. В её глазах уже плясало что-то, несовместимое с разумом.

– Да постой ты, я просто хочу спросить...

– Нет! – дико вскрикнула Обида, оттолкнула Веру и, не глядя, выбежала из дома. Но вот она обо что-то споткнулась, упала лицом вниз и больше не встала. Вера подошла к ней, перевернула – Обида никак не реагировала. Тогда Вера приложила ухо к груди, послушала, а потом сказала:

– Она умерла от разрыва сердца. Я немного врач и могу определить это...

– Да было ли у неё вообще сердце-то? – вырвалось у Романтики.

– Было... Но оно до краев переполнено было злостью, обидой и надменностью. Такие не живут долго. Но неужели в таких сердцах больше ничего нет, совсем ничего? Как так жить? Я не понимаю... – Вера со своим недоумением напоминала ребёнка, впервые столкнувшегося с несовершенством мира. Но тут её окликнули, и несовершенство забылось само собой, пока она здоровалась со своим давним другом – Негасимым Огоньком.

Наконец восторги встречи поутихли, и Огонёк спросил Веру:

– Как тебе здешнее население?

– Да вот... – Вера повернулась в сторону Обиды и замолчала. Труп не было. – Куда же она делась?

– Кто?

– Да Обида-на-Весь-Свет. Она тут, понимаешь, с ножом на меня бросалась, а потом сошла с ума и померла от разрыва сердца. А куда труп делся – не знаю...

– Делась – и чёрт с ней, – сплюнул Огонёк себе под ноги.

– Огонёк! – укоризненно сказала Вера.

– Прошу прощения, совсем забыл, что нахожусь в дамском обществе... А Уныние ты отправила на заслуженный отдых?

– Не удалось, – грустно сказала Вера. – Она только убежала и спряталась. Надо Работу сюда... Давай ты теперь о своих подвигах рассказывай.

– Да какое там... Серость со Скукой драпанули от меня как от огня, – рассмеялся он. И тут же нахмурился. – А больше я ничего не могу сделать, хоть убей! Жирная туша Лени – её и трактором не сдвинешь. И с Чёрным что делать – ума не приложу. Такое впечатление, что он сильнее нас всех вместе взятых...

– С Чёрным я справлюсь, – раздался тонкий голос.

Все с удивлением обернулись. Это говорила Мечта.

– Ты?! Слабая девушка?! – Огонёк изумлённо глядел на неё.

– А Вера не слабая девушка? – с вызовом спросила Мечта, хорошея под этим взглядом. – А я что, из другого теста? Он слишком долго держал меня в подчинении. Я отомщу ему. – С этими словами Мечта шагнула в главную башню.

Чёрный Омут стоял посреди комнаты с отсутствующим видом. Руки в карманах. Всё-таки Огонёк здорово его напугал, хотя он и не подал вида. Было в Огоньке что-то незнакомое и непонятное Чёрному Омуту, и это «что-то» терзало и не давало покоя.

Увидев Мечту, он ухмыльнулся, чтоб скрыть тревогу, и дьявольски захотал:

– Я же говорил – обратно прибежишь!.. Глотнёшь свободы – и подавишься. Свобода, деточка, дерьмо такое, что лучше не пробовать. Так и быть, на сей раз прощаю, я добрый. Ну, иди же ко мне, моя любимая игрушка, – и сам двинулся ей навстречу, не вынимая рук из карманов.

Мечта стояла на пороге, скрестив руки на груди, и холодно и презрительно глядела на него. И под этим взглядом Чёрному Омуту сначала расхотелось смеяться, потом захотелось вынуть руки из карманов, а потом...

– Ты что делаешь, негодная девчонка! Не смотри на меня так, мне плохо от этого взгляда, он мне напоминает этого рыжего гадёныша... Ты же моя тысячу раз, ну кончай это безобразие, давай помиримся, я хороший, ты, бестолковая скотина, – кричал Чёрный, метаясь из угла в угол, натываясь на стены и предметы обстановки. Вот он налетел на окно, оно зазвенело и треснуло. Звон, что ли, подтолкнул Чёрного: с быстротой молнии он открыл раму, вскочил на подоконник и с неразборчивым криком кинулся вниз. И наступила тишина.

Мечта постояла немного, слушая эту тишину, затем удовлетворённо кивнула. И пошла вниз с тем же гордым, можно сказать – царственным видом, не разнимая рук на груди.

Лень, наблюдавшая за происходящим, была ошарашена. Она по-прежнему лежала на кровати в своём цветастом платье, которое ей, между прочим, очень шло. Да и вообще Лень красива: женщина в теле, в самом расцвете лет и всего прочего...

Лень знала, что она привлекательна, знала, что она сильнее всех в этом королевстве, и поэтому её не тревожил приход Огонька, как Чёрного. Она поязвила в адрес обоих и спокойно перекадилась на левый бок, чтобы дальше заниматься любимым делом: блаженным ничегонеделанием.

Правда, молчаливая Мечта с ледяным взглядом удивила Лень. Глядя, как Чёрный сходит с ума, она даже привстала, что бывало весьма редко. Выгнав Чёрного, Мечта удалилась, и Лени стало не по себе. Но она знала, она была уверена, что её, Лень, никто не в силах побороть, никакая Мечта, никакие негасимые огоньки.

Лень достала из-под подушки зеркало и залюбовалась собой.

– Что, – подмигнула она самой себе, – заключали тут союз четырёх, и все поразбежались, как зайцы, одна я осталась. Что ж, я не против и совсем одной остаться хоть в Сердце, хоть на всём белом свете.

Лень засунула зеркало обратно, натянула одеяло на голову и заснула богатырским сном. Аж потолок задрожал от храпа.

Скептик шёл и ворчал:

– Поди туда – не знаю куда, приведи того – не знаю кого... Взбрело этому Огоньку в голову: давайте позовём Юмора и Почемучку! Ну и звал бы сам, а то за него кто-то отдуваться должен, а у него, видите ли, дела... Он, значит, с Любовью прохладиться будет и драться со всякими гадами, а я тут должен тащиться к чёрту на кулички, неизвестно, где их искать... Сердце-то большое... И наряд мой не нравится ему, и оружия, мол, слишком много. Да какое твоё цыплячье дело!.. Пришёл с ветру и свои порядки устанавливает...

На самом деле Скептик хорошо относился к Огоньку. Он просто немного завидовал этому «цыплёнку» и не отказался бы и сам подраться с гадами, и попрохладиться... ну, не с Любовью, а кое с кем другим... но неважно. Только всё оружие у него было никудышное, неладное для боя. И ещё Скептик довольно скептически относился к себе и побаивался, как бы Огонёк кое-кому не вскружил голову. Но он ни за что не признавался в этом самому себе (как же! такой солидный,

такой умудрённый жизненным опытом – и вдруг ребячество какое-то...), а потому шёл и ворчал – на Огонька, на Любовь и Романтику, а заодно и на всё на свете. Так продолжалось до тех пор, пока Скептик не устал и не свернул к какому-то ручейку. Наклонился и стал пить. И тут его что-то пребольно щёлкнуло в лоб.

Скептик поднял голову, думая, что с дерева что-то упало. Но вокруг стояли берёзы, на которых, как известно, плодов нет и шишек тоже. Скептик непонимающе оглянулся, и тут его вдарило по виску, да так, что в глазах потемнело. А по воде запрыгал, как мячик, лесной орех с кулак размером. И послышался смех.

– Что за хулиганские выходки! – заорал Скептик, прижимая ладонь к ноющему виску. – Вот я щас залезу на дерево и оборву тебе уши!

В ответ смех перешёл в ржач, и из листьев высунулась чья-то башка. Скептик моментально нагнулся, схватил подвернувшийся камушек и швырнул во вредную рожу. Рожа попыталась скрыться, но слишком поздно.

С дерева спрыгнул кто-то в чёрном и, потирая здоровенный фингал, направился к Скептику.

– Ну, ты, дядя, даёшь, пошутить нельзя, – дружелюбно сказал этот кто-то. На нём зачем-то были чёрные очки.

– За подобные шутки можно без головы остаться, – сердито сказал Скептик. Впрочем, зрелище фингала быстро вернуло ему хорошее настроение.

– Где-то я тебя уже видел, – протянул Скептик, вглядываясь в физиономию чёрноочкарика.

– Видел, – фыркнул тот. – Конечно, видел, соседями были.

– Ты Юмор, что ли? – ошалел собеседник. – А чего в чёрное вырядился? Ты же у нас всю жизнь зелёный был. И очки – вроде солнце в облаках...

– А то, что я теперь *Чёрный Юмор!* – и лицо мальчишки перерезала такая усмешка, что Скептик отшатнулся. – Надоело! Зелёный Юмор! Юмор в коротких штанишках! Привыкли, что я – мелочь, к которой необязательно серьёзно относиться. Я хоть и Юмор, а и Юмору не нравится, когда его в расчёт не берут и знай потешаются...

– Да кто над тобой потешается... – изумлённо начал Скептик, но его перебили:

– Заткнись, телега немазаная! Не ты ли вечно скрипел над «молодо-зелено». А теперь у меня штаны длинные, а не короткие, и ни одна зараза надо мной смеяться не будет. А плакать по мне некому...

– Юмор в длинных штанах, – констатировал Скептик.

– А не пошёл бы ты...

Выругавшись, Юмор как-то обмяк, весь его запал улетучился.

– Только странная штука, – вздохнул он, – с тех пор, как я стал Чёрным, мне никакие шутки не удаются.

– Слушай, – вздохнул и Скептик, – мало нам Чёрного Омута, будет ещё и Чёрный Юмор? А Огонёк ещё на тебя рассчитывал...

И Скептик рассказал, что произошло в замке за время отсутствия Юмора.

Юмор обрадовался, что Обиды уже нет, но, когда Скептик предложил идти в замок, поправил очки и ответил голосом потерпевшего кораблекрушение:

– А что я забыл в замке? Там теперь народу хватает, без меня обойдётся... Да и Огонёк этот меня зовёт, наверное, чтоб покуражиться, похвастать, что он сумел, а я собаку съел... А я уже сказал – мне это надоело.

– Да ты не Чёрный Юмор, а просто ходячий комплекс неполноценности! – не выдержал Скептик.

– Ладно, ты у нас самый умный всегда был... Ходячая пыльная мудрость...

Перепапка грозила затянуться надолго, но тут окрестности огласило звонкое «кукареку-у-у!..» – и из соседних кустов вылез какой-то мальчуган, до невозможности лохматый.

– Здравствуйте, – кивнул он Скептику. – Меня Почемучкой звать. Я тут нечаянно подслушал ваш разговор, а потом вы зачем-то начали ругаться, ну я и думаю: пора вылезать...

– Нет, я понимаю, что честности, в общем-то, в жизни нет, – сердито сказал Скептик, – но подслушивать чужие разговоры...

– Это когда о личном говорят – нехорошо. А когда что-нибудь рассказывают – можно.

– А что ж ты тогда говоришь: нечаянно? Что-то мешает сказать: подслушивал нарочно? – испытующе глянул Скептик на Почемучку. И, глянув, рассмеялся. – Да ты чего такой лохматый-то?

Почемучка смутился, непонятно – от «нечаянно» или от лохматости. Выволок из заднего кармана брюк обломанную расчёску и начал смешно и неловко причёсываться. Результат был неважный, похоже, он и сам знал об этом, потому что виновато улыбнулся:

– Это моё обычное состояние – лохматым быть. Хоть волосами, хоть душой... Ну никак не укладывается ровно ни то, ни другое.

– А чего это ты петухом кричал? Не мог под лесную птицу подделаться?

– А это мы специально, чтоб отличать, – встрял Юмор. Надоело ему, что разговор мимо него катится. – Мы уже всех пичужек в округе распугали, половину перебили.

– Герои...

– Может, мы по дороге поговорим, а? И так уже – столько времени потеряно? – спросил Почемучка.

Юмор захохотал:

– Да ты всю жизнь тут ошивался, в замок ни ногой, а сейчас загорелось? Огонёк тебя на расстоянии поджёт, что ли?

– Может, и поджёт, – спокойно согласился Почемучка. – Мне кажется, я с ним подружусь.

Юмор только плюнул: «Тьфу ты!», – но поплёлся вместе со всеми, то и дело поправляя очки. Из-за этих очков он частенько спотыкался, потому что видимость в них была препаршивая. Но снимать не желал ни в какую.

Скептик же успел оценить слова Почемучки «поговорим по дороге». Тот постоянно умудряется в обычных, ежу понятных вещах находить что-то непонятное, с виноватой улыбкой говоря: я же не ёж... И всегда, стервец, ставит вопрос ребром – не отвертишься. И Скептику пришлось вертеться, как угрю на сковородке, вспоминать свой мнимый и настоящий опыт и с удивлением думать, что вот это ему бы и в голову не пришло, а вот то приходило, да он отмахнулся: а, неважно, потом... А оказалось, что важно и что никакого «потом» нет, есть только «сейчас»... И ещё он понял, что не может ответить этому «сейчас» в своей любимой скептической манере. Чего-то не хватало.

Подобные вещи изматывают, и Скептик вздохнул с облегчением, когда, наконец, замаячили остатки прежней замковой роскоши.

– Идут! – завопила Вера (она опять сидела на обвалившейся ограде, теперь уже в дозоре), спрыгнула, побежала навстречу и давай обнимать всех по очереди.

Огонёк тоже перемахнул через ограду, здоровается с новопривывшими. Говорит этак весело:

– Вовремя вы пришли: к нам тут скоро Работа с Весельем должны притопать. Если по дороге нигде не задержатся.

– Ага, – вклинилась Вера, – а от меня Страх убежал. Превратился в мышку серую и юркнул в подвал. Уж я звала-звала – не выходит ни в какую...

– Придут сестрёнки, устроим исторический поединок, – снова заговорил Огонёк, и глаза у него засверкали. – Работа с Ленинью состязаться будут! Ну, Работа у нас огонь-девка, думаю...

– Погоди-ка, балагур, – перебил вдруг Юмор. – Ты Любовь разбудил уже?

– Нет ещё, – растерянно проговорил Огонёк.

– А чего ждёшь? А ну живо иди, буди её! Думаешь, приятно человеку столько спать и не знать, что на свете делается? Будь я на твоём месте... – Юмор не договорил, но Огонёк и не подумал возражать. Развернулся и пошёл в башню, где спала Любовь.

В башне царил полумрак. Романтика отделала её по своему романтическому вкусу, и от убранства веяло чем-то полузабытым, но манящим. Надо отдать должное хозяйке: выглядело это завораживающе.

Огонёк стоял, опершись на спинку кровати, и глядел на Любовь. Она ужасно маленькая, в оборванном и грязном платье, волосы, тоже давно немытые, раскиданы по подушке, а лицо какое-то непонятное: на нём и грусть, и то безразличное выражение, которым её наделила Скука. И вообще, она как будто не вписывается в шикарную обстановку башни.

Огоньку-то наплевать – какая обстановка. Глядит на эту оборванку и глаз оторвать не может. А уж что у него в голове в это время делалось – лучше не спрашивать...

Но так стоять можно до ночи. Будить надо! «А как?» – сам себя спросил Огонёк. И сам же себя дураком обозвал. Уж историй-то про спящих красавиц довелось наслушаться. А вот действующим лицом быть ещё не приходилось.

Подошёл Огонёк поближе, присел на кровать. А сердце стучит, как, скажи, стая волков по пятам гонится. Тут Любовь вздохнула во сне, да так протяжно... Огонёк потрянул головой, отгоняя наваждение, нагнулся и поцеловал девчонку. И гадает: проснётся – не проснётся?..

Веки у Любви задрожали, и, не открывая глаз, она зевнула во всю глотку. Вроде это противно, а Огоньку хоть бы хны. Влюблённые, они все такие – чокнутые малость...

Любовь глаза открыла, кулачками протёрла, ну и увидела над собой какого-то рыжего. Незнакомого.

– Это Скука в тебя превратилась, да? – спросила она, садясь на постели.

Огонёк рассмеялся, и всю его нерешительность как ветром сдуло.

– Нет, – говорит, – Скука от меня быстрее, чем вошь, убежала. А я Негасимый Огонёк, и со мной не будешь ты знать ни скуки, ни серости. Ни покоя, – добавил он чуть слышно.

Любовь хитро прищурилась.

– А я тебя зна-аю, – протянула она. И волосы у неё стали рыжие-рыжие. Ведьма, да и только. Ведьмочка.

– Откуда?

– А вот не скажу, а вот не скажу! – Любовь прыгнула с кровати, показала Огоньку нос и заприплясывала на одной ножке куда-то в угол. Не переставая напевать: «а вот не скажу, не скажу-у...»

– Да стой ты, чего ты не скажешь? Да не мельтеши!.. И почему ты рыжая стала? И... Ну не морочь мне голову! – Огонёк растерянно стоял посреди комнаты.

Любовь в ответ засмеялась, продолжая кружиться. Но вдруг оборвала смех:

– Ты сказал – рыжая? Я тебе рыжая не нравлюсь?

Голос почти прогремел. Она стала фертотом, глаза засверкали зелёным недобрым огнем... «Вот это я влип», – мелькнуло у Огонька, но он сказал:

– Нет, нравишься. А что рыжая – я и сам рыжий. Просто так сразу... непривычно.

Любовь секунду ещё глядела на него в упор, затем взмахнула руками и, смеясь, побежала к выходу.

– Пошли скорей! – прокричала она, обернувшись.

Выбежав из башни, Огонёк остановился и в изумлении протёр глаза:

– Это пока я тебя будил, уже ночь наступила? – Но тут же понял, что ночь не причём.

Небо заволочла сплошная чёрная туча. Она висит низко-низко – шпили башен теряются в ней, мягкой лапой туча касается крыш. Кажется, она охватила кольцом замок: за оградой ничего не видно, всё скрыла чернота. И так неудобно под этой тучей, словно положили тебя под гнёт, как цыплёнка табака, да ещё с боков кирпичами подпёрли.

– Что это такое? – с любопытством спросила Любовь, глядя на тучу.

Огонёк пожал плечами. Он бы и сам был не прочь это узнать.

– Это Страх, – донёсся хриплый срывающийся голос. Никто бы не догадался, что он принадлежит Мечте. Она стояла, опираясь на стенку, то и дело съезжая по ней. Лицо страшно бледное, а глаза... Огонёк отшатнулся, столкнувшись с ней взглядом.

– Ну вот что ты будешь с ним делать, – проговорила Вера, быстрым шагом подходя к Огоньку. – Вылез из подвала, раздулся до размеров бегемота и – нате вам пожалуйста – пугало огородное. Я с ним пыталась говорить – бесполезно. Что ж, если не хочет по-хорошему...

Вера немного отошла от зданий и подняла руки. По ладоням пробежали вспыхнувшие искорки, а затем с рук сорвались и ушли в небо, вернее, в тучу, два луча. На миг полыхнул ослепительный свет... и тут лучи отрикоштели вниз, на обитателей и гостей замка.

Больше всех почему-то досталось Мечте и Любви. Да и остальные выглядели неважно: у кого рука обожжена, кому нос подпало...

– Ничего не понимаю, – растерянно прошептала Вера. Затем схватила походную сумку, в которой ко всему прочему носила ещё и врачебные снадобья, и пошла залечивать ожоги.

...Когда в Любовь ударили отлетевшие лучи, она заревела в голос. Огоньку, ясное дело, эти слёзы – что нож вострый, он и ожога-то на себе не почувствовал. Разозлился ужасно.

– Ах, так! Я, – говорит, – я тогда... А вот я залезу сейчас на крышу и спихну ваш чёртов Страх голыми руками!

Никто и слова сказать не успел, как он скрылся в башне Романтики. И вот он уже вылез из слухового оконца и взгромоздился на крышу. Крыша-то как купол, держаться не на чем и не за что. Ну, каким-то образом Огонёк там угнезвился, обругал Страх по-чёрному, упёрся в него руками и давай толкать! А Страх неожиданно твёрдый, хоть и тучей прикинулся.

С земли кричат: «Слазь! Убьёшься!..»

Огонёк не отвечает, не до того ему. А тут крики сами прекратились: Страх неожиданно пополз вверх. Вот уже видны шпили башен, вот показались обвисшие флаги... Внизу опять заголосили, только теперь преобладали вариации слова «Давай!» И вдруг... стоп. Ни с места. Страх тормознул так резко, что Огонёк полетел с крыши вверх тормашками. Правда, умудрился зацепиться за карниз и благополучно спрыгнуть.

Стоит и пот со лба утирает

– Я, – говорит, – такой бузы за всю жизнь не видел.

– А у тебя такая длинная жизнь? – проворчал Скептик, оказавшийся тут как тут.

– Я жизнь меряю не по количеству, а по качеству, – ответили ему. – Лучше скажите кто-нибудь, чего теперь делать?

– А может, ничего не надо делать, а? – раздался чуть насмешливый голос. Его обладательница резко выделялась среди

местных: смуглая, с чёрными кольцами волос, с полными блеска чёрными глазами, в синей заляпанной спецовке и в ослепительно белом переднике.

– Работа! Ну, наконец-то! – закричал Огонёк и кинулся обниматься.

– Полегче, полегче, – ворчливо сказала Работа. Впрочем, в глазах у неё прыгали весёлые чёртики.

– А меня, Огонёк? – завопила светловолосая девушка в платье, сшитом из разноцветных лоскутков. – А то я обижусь!..

– Ну куда же я без тебя, Веселье! – мальчуган и её сгрёб в охапку.

Мечта наклонилась к стоявшей в сторонке Любви и прошептала:

– Ты не ревнуешь?

– А что это значит? – спросила Любовь, хлопая глазами.

– Как странно, – протянула Мечта, не отвечая на вопрос. – Я тоже...

– ...А я говорю – да не надо с ним ничего делать, пусть висит, как сосиска на ниточке, коли ему любо. А вы своими делами занимайтесь и не обращайтесь внимания. Глядишь, сам слезет, надоест. – Это высказалась Работа, когда опять разгорелись страсти по поводу Страха.

– Как это я могу заниматься своими делами, когда надо мной такие страсти-мордасти! – возразила Романтика и даже поёжилась, глядя на Страх.

Работа фыркнула.

– Разве это не романтично: горстка людей в окружении не сдаётся, а продолжает обычную жизнь? Или вся твоя романтика – только на словах?

– Ну знаешь... – Романтика хотела уже не на шутку обидеться, но не успела: из-за ограды, из непроглядной черноты донёсся стук, треск, конское ржание и проклятия. Все как по команде повернули головы, но разглядеть ничего не удалось. А ржание повторилось, но теперь оно звучало жалобно, почти по-человечески.

Секунд через пять распахнулись ворота, на пороге выросла Упрямство и тут же заслонила левой рукой глаза. Во дворе замка было куда светлее, чем за его пределами. Правой рукой она обнимала за шею коня; тот упирался, прижимал уши и жалобно всхрапывал, но шёл за хозяйкой.

– Может, мне кто-нибудь объяснить, что здесь происходит? – воскликнула она, опустив, наконец, руку.

– Не узнаёшь старого знакомого? – хмыкнул Скептик. – Это Страх решил пошутить.

– Вешать надо за такие шутки! – возмутилась Упрямство. – Я, значит, еду, никому не мешаю, вдруг наваливается тьма – пятерни

своей не увидишь! Конь ошалел, понёс; тут эта чёртова ограда – я и полетела из седла через голову! И поводья порвались, такие хорошие поводья... – Упрямество замолчала и с подозрением начала всех оглядывать. – А чего это вы в пластырях да бинтах? Какое такое великое сражение было?

Когда ей рассказали, в чём дело, она пришла в бешенство.

– Ну, погоди! – заорала она, хлопая себя по карману. Но содержимого на месте не оказалось, наверное, вывалился у забора. Упрямество ругнулась и, оттолкнув коня так, что тот заржал, бросилась в свою башню.

Не успел никто глазом моргнуть и дух перевести, как она уже выбежала с хлопушечным ружьём в руках, которым стреляли под Новый год. На ходу зарядила, остановилась и давай палить! Вспышки, вспышки, хлопушечный мусор... А толку что-то нет...

– Да прекрати ты, – не выдержал Огонёк. – Его, видно, подрутому брать надо...

– Заглохни, – отрывисто и резко сказала Упрямество, не отрываясь от своего занятия. Некоторое время все молчали, лишь слышны были хлопки выстрелов.

– Господа, товарищи или как вас тут называть! – первой потеряла интерес к пальбе Работа.

– Мы – свободные граждане, – поправила Романтика.

– Да уж, свободные, – усмехнулся Скептик. – Штаны полны этой свободой, того гляди – вывалится...

– Да что от тебя слышны одни только гадости! – закричала Романтика. – Надоел уже, сил нет!

– А ты мне дай жизнь без гадостей, – снова усмехнулся Скептик, – я не буду их поминать.

– Да ты... да... – Романтика нервно заоглядывалась, не иначе в поисках подходящего снаряда. Не найдя такового, она просто крикнула так, что даже у Страха уши заложило:

– Как же я тебя ненавижу, козёл!!!

– Милые бранятся – тешатся, – пробормотал под нос Юмор, отнимая руки от ушей, – а окружающие страдать должны...

– Всё сказали, что хотели? – спросила Работа, скрестив руки на груди. – Или ещё в запасе осталось? Так говорите, не стесняйтесь...

Романтика и Скептик молчали, не глядя друг на друга.

– Значит, можно начинать... Да прекратишь ты воздух сотрясать или нет!.. – обернувшись, с раздражением крикнула она Упряместву. – Уши уже болят от шумовых эффектов!

Упрямство, ничего не ответив, включила глушитель.

– Ну вот, – удовлетворенно вздохнула Работа, – теперь нормально... Знаете, свободные граждане, я много где была, но такого, как у вас, ещё не видела...

– Слыхали мы уже это, – хмыкнул Юмор и засунул руки поглубже в карманы. – А я скажу: ещё и не то увидишь...

– Это понимать как мрачное пророчество? – поинтересовалась Работа, глядя на чёрное одеяние Юмора. – Но... Граждане, я не обучена болтать по-пустому! Надежда мне сказала, что вы живёте под гнётом Уныния и Лени. Уныние уже собрала вещички и сбежала, она так смешно кричала что-то про власть... даже дудку свою на бегу обронила. Осталась только Лень, но это ещё хуже... В общем, где она у вас прячется?

– Я бы сказал, где она прячется, – проворчал Огонёк, – да вот...

– Ну и где?

– Да в них же самих! Ты полюбуйся только: пальцем о палец не ударят, чтоб себе же хорошо сделать! Сидят, ждут манны небесной и ещё недовольны. А, ненавижу я такое...

– Ну, знаешь... – на Огонька со всех сторон полетели реплики, причём самая приличная звучала примерно так:

– Если ты, козёл, такой умный, то иди и вытури Лень в одиночку!

– Сдаюсь! – завопил Огонек, поняв, что его сейчас будут бить. Даже руки поднял. – Сдаюсь, но остаюсь при своём мнении, – добавил он нормальным голосом.

– Я бы тебе голову оторвал за твоё мнение, – задумчиво сказал Скептик, – если бы здесь не было доли правды...

«Госпожа Лень! Как Вам известно, королевство Сердце издревле строилось на принципах свободы: каждый может делать всё, что заблагорассудится, но не мешая остальным. За соблюдением этого принципа следила Совесть. Вы и сами его придерживались, и к Вам относились доброжелательно. Но с Вами произошло что-то, непонятное Сердцу. Обманным путём устранив стражника, Вы стали тираном. Это явление было абсолютно неизвестно в королевстве, почему Вы и не встретили сопротивления.

Прознав о лёгкой Вашей удаче, сюда стали стекаться разные вредительские личности, вроде Серости, Обиды и пр. Под Вашим предводительством они довели королевство до грани развала. Однако, если Вы не знаете, – народ терпит долго, но бьёт больно. Вражеский стан разбит, правда, ещё упрямится Страх, но разберёмся и с ним.

Вам же мы предлагаем одно из двух: либо Вы по доброй воле прекращаете своё влияние и нам не мешаете, либо Вас вызывают на поединок. Состязаться с Вами будет Работа. Выходите, как только прочитаете это послание.

Негасимый Огонёк, Работа, Мечта, Юмор, Скептик,
Любовь, Романтика, Вера, Веселье, Почемучка»

Прочитав, Лень швырнула бумагу в угол.

– Какой только им свободы ещё надо? – недоумённо пожалала она плечами. – Меня им мало, что ли?

Лень встала и заходила по комнате.

– Нет, ну подобралась компания, – бормотала она себе под нос. – Принёс же чёрт Работу! Как без неё хорошо было! И Почемучка притащился. Откуда они только его выудили? Да ещё парламентарём отправили. Видеть его рожу не могу...

– А всё этот Негасимый Огонёк! – Лень остановилась и злобно уставилась на шкаф, как будто там и сидел Огонёк. – И чего только он у нас в Сердце забыл?

Лень подошла к окошку.

– Пируют, гады... М-м-м, как я хочу жрать...

А внизу, и правда, шёл пир горой. После долгих препирательств составив, наконец, ультиматум Лени, все вдруг почувствовали себя зверски голодными и усталыми. Усталость – полбеды, а вот голод... И как назло – есть совершенно нечего, хоть шаром кати.

Но Веселье крикнула: «Это моё!» – и пошла по двору, переворачивая каждый камушек, разглядывая каждую былинку. На неё непонимающе заглядывались, но Работа пояснила, завалившись прямо на траву:

– Это действительно её дело. Она кашу не то что из топора – из зубочистки сварит!

И тогда остальные поплюхались на землю – кто куда. Кто-то тут же захрапел, кто-то повёл неторопливый разговор... Веселье тем временем разожгла костёр, приволокла из чьей-то башни котёл (откуда только чутьё взялось!) и колдовала над варевом, напевая песенку и пританцовывая на левой ноге. Складывалось впечатление, что эта девчонка совершенно не умеет молчать и спокойно сидеть на одном месте.

Вскоре по двору поплыл вкусный-вкусный запах. Но странно: он не дразнил, не возбуждал аппетит, а обволакивал мягкой лапой. Навевал дремоту и что-то ещё, приятное такое... И незаметно вытягивал усталость.

– Идите есть! – наконец крикнула Веселье.

Надо сказать, дважды звать никого не пришлось, спящих живо растолкали соседи. И всё-таки у костра собрались не все...

– Упрямество! – позвала Веселье, наливая очередную чашку. – Бросай свою хлопушку, иди поешь!

– Не хочу, – долетело в ответ.

– Да что это, в самом деле! – Веселье даже поварёшку бросила. – Ультиматум ты подписывать не хочешь со всеми, есть не желаешь... Тронулась ты, что ли, на этом Страхе?

– Отстань! – огрызнулась Упрямество. Чтоб добавить какое-нибудь ругательство, ей уже не хватило сил. Она и стреляла-то уже стоя на одном колене. Но – стреляла...

– ...Сидят, ложками стучат, как чертенята на завалинке, – прошептала Лень, прислонившись к стеклу. – Попросить, что ли, чтоб и меня накормили?..

Лень вздохнула: вспомнилось золотое времечко, когда она была ещё совсем юной и не ворочала государственными делами... Весело тогда жилось... Может...

– Ничего не может! – Лень отпрянула от окна, словно кипятком ошпаренная. – Чтобы у меня было что-то общее с этим сбродом, с чернавкой Работой! Да легче сдохнуть!

Лень схватила завалявшуюся корку хлеба и стала нервно грызть, сдирая эмаль с зубов. Немного успокоившись, она принялась шарить по всем углам в поисках расчёски.

– Вот же, ничего найти невозможно, – ворчала она, роясь в кучах неопознанного хлама. – При Чёрном так легко было! Тот пальцами щёлкнет – и готово дело. А тут... О, вот она!

Лень выволокла гребёнку без трёх зубов и принялась расчёсывать волосы. От лежачего образа жизни они ужасно сваялись.

– Я же так стану лысой! – воскликнула она, бросая на пол очередной клочок золотистых волос.

– Ну вот, кажется, всё, – Лень глянула в зеркало, затем швырнула его вместе с гребёнкой на кровать, развернулась и пошла. И пока она спускалась по лестнице, она всё мрачнела и мрачнела и, наконец, сделалась мрачнее тучи.

– Кажется, здесь кто-то осмелился бросить мне вызов? – громом прогремело над беззаботными едоками.

– Да, кажется, – насмешливо сказала Работа, продолжая орудовать ложкой. – Кажется, осмелился, – повторила она и, прищурившись, уставилась на Лень.

Больше половины ложек моментально перестали стучать. На Лень устремились взгляды, но не насмешливо, как у Работы, а с привычной покорностью. Поистине, Лень была сильнее даже Страх.

Работа между тем доела похлёбку и отшвырнула чашку.

– Ну что, – сказала она, поднявшись и одёргивая передник, – я хоть сейчас готова.

– А вот сейчас и начнём, – процедила Лень, пожирая Работу взглядом. – На каких условиях драться будем?

– На дипломатических, – встрял Негасимый Огонёк и потянулся за добавкой к Веселью. – Всякие там холодные, огнестрельные и прочие ядерные погремушки так несовременны...

– Чего? – недоумевающе спросила Лень.

– Расписывать будете свои достоинства, – пояснил Огонек. – Да и недостатки уж заодно. А мы, – он обвёл широким жестом сидящих, – вас послушаем и решим, кто нам больше подходит.

– А кто не подойдёт, – добавила Работа, – тот выметается из Сердца.

– Со своими сторонниками, – уточнила Лень, окидывая взглядом окружающих.

– Да с удовольствием, – фыркнула Вера. – Только их ещё найти надо...

Лень подбоченилась и захохотала:

– Это мне-то искать сторонников! Да всю жизнь Сердце было под моим началом и радовалось этому! Неужели вы думаете, что какая-то вшивая Работка сможет меня переплюнуть!..

– Ну давай, давай, – негромко подбодрила Работа. Она стояла, прислонившись к стене, и даже не глядела на Лень.

– Нет, вы только подумайте, что значит работать! Это же добровольно взвалить на себя громадную и нудную тяжесть. Это же значит продаться в рабство! А вы ещё о свободе говорили... Настоящую свободу могу дать только я! Я – Лень, я – свобода ничего не делать!

Лень все больше воодушевлялась. Она действительно верила в то, что говорила.

– Можно вопрос? – влез Почемучка. – А чего мы жрать будем, не работая?

– Ну какой же ты дурак! – воскликнула Лень. – Мы будем наслаждаться чудесными кушаньями и винами. Ведь всегда есть личности, которые либо будут на тебя работать, либо умеют всё добывать без работы. Надо просто найти кого-нибудь из них. Вот как я Чёрного Омута, пока вы, гады, его не прогнали...

– То есть надо стать паразитом и сволочью? – Огонёк вскочил, будто его подбросило. – Да ты, скотина, за кого нас принимаешь?

– Попрошу не обзывать, – с достоинством ответила Лень. – А то я так отвечу, что тебя пополам согнёт и наизнанку вывернет. А впрочем, – совершенно нелогично продолжила она, – ты правильно сказал. Паразиты и сволочи. Ну, сволочь – сильно сказано. А паразиты точно все. В душе точно все паразиты! – возвысила голос Лень, увидев, что ей хотят возразить. – Потому что каждому, слышите – каждому, хочется чего полегче, хочется, чтоб кто-нибудь ему помог, часть на себя взял, а то и целиком... Кто скажет, что ему этого не хочется, – врёт как сивый мерин. И потом – к чему направлены усилия любой работы? Что получается в итоге? Ну, отвечайте, я вас спрашиваю!

– Наверное, работают, чтобы получить удовольствие, – неуверенно сказала Романтика. – Чтоб обеспечить себя...

– Вот! Вы слышали? – Лень подняла палец. – Работают, чтоб получать удовольствия разной масти. Цель – у-до-воль-стви-я! Работа – лишь средство. И вы после этого обижаетесь на слово «паразит»?

– Ну, нельзя же так всех на один аршин мерить! – воскликнула Вера. – А если кому-то сам процесс работы – это удовольствие?

– Так ведь главное-то ему – что удовольствие получает! Что от работы, а не от чего другого – так это просто мозги набекрень... Ну, у кого ещё есть сомнения, что от Работы никакого толку нет?

– А как же, – раздался тоненький голос Мечты, – а как же тогда... ну, как это называется, что с каждым годом, с каждой эпохой что-то новое берётся, придумывается?

– Прогресс, ты хочешь сказать, – уточнила Романтика.

– Да, точно, прогресс. Откуда бы он взялся, если б никто не работал?

– Милая ты моя, – медленно развернулась Лень всем корпусом, – и вы тоже, милые, хорошие! Да зачем он вам нужен, этот прогресс? Не всё ли вам равно – будет ли у вас туалет под названием унитаз или просто дырка в деревяшке? Приспичит – так под любым кустом штаны снимешь!

Юмор вдруг выбрался вперёд, снял очки и начал разглядывать Лень самым беспардонным образом.

– Что это ты на меня уставился? – недовольно спросила та.

– Да я вот думаю, сколько синяков бы ты имела, если б лежала в первобытной пещере, а не на изобретении прогресса – мягкой перине...

Секунду-другую все переваривали сказанное, а потом захохотали. Да так, что наверху затрясся Страх и стены замка грозились обвалиться.

– Я думаю, штук двадцать пять, не меньше, – заявил Огонёк.

– Почему? – заинтересовалась Вера.

– Ну как... Женщина с объёмами, мечта поэта...

– Огонёк, ну что за дурацкие шутки! Гляди, какая настоящая мечта! – Вера схватила за руку Мечту и поволокла к Огоньку. А та краснела, отбивалась, вырывалась, а потом остановилась и уставилась ему прямо в глаза.

– ...Нет, тогда же были мамонты! И тигры саблезубые, а у них знаешь какие шкуры. Если убить штук сто тигров и мамонтов десяток-другой, Лени хватит, – вклинился Почемучка.

– Фу, Почемучка, ты что такой изверг! – воскликнула Романтика. – Зачем убивать бедных животных! Я бы подошла к ним, погладила, за ухом почесала...

– Саблезубого тигра ты бы за ухом почесала? – спросил Скептик. – Ну-ну.

– Кстати, – повернулась к нему Романтика, – если человек действительно добрый, звери его не тронут. И если он их любит и не боится. Я бы и к тигру подошла, он не страшный...

– Я бы тебе подошёл, – успокоил её Скептик и похлопал по ружью.

– Да ты кто такой, чтоб мне указывать? – всплила Романтика. – Возьму и пойду, и ничего ты своей берданкой не сделаешь! В меня тогда стреляй!

– Значит, я тебя просто не пушу, – Скептик схватил её за руку.

– Отпусти, – Романтика дёрнулась, но вдруг поняла, что совершенно этого не хочет...

Лень глядит на всё это безобразие и ничего не понимает. «Как, – думает она, – они могут спокойно смеяться, разговаривать друг с другом, когда я предложила им такие перспективы! Неужели за такой короткий срок Огонёк со своей компанией сумел их покорить! Ой... Но что же делать *мне*?»

– Ну, вы, хватит ржать! – злобно заорала она, хотя уже никто не смеялся. – Слушайте сюда. Согласны вы меня и дальше признавать правительницей Сердца?

– Так ведь править – тоже работа! – крикнул кто-то сзади.

– Не нужны нам такие правители!.. Люди с голоду подыхают!.. Терпели долго! Надоело! – зашумели со всех сторон.

– На фонарь таких правителей! – гаркнул кто-то шибко радикальный. Толпа зашумела ещё больше, явно поддерживая. И

неизвестно, чем бы всё кончилось для Лени, если бы Юмор не крикнул:

– Верёвка не выдержит!

Тогда перестали обвинять Лень и засмеялись. Не над её весом, конечно, а над её больными взглядами. Да и... над олухами, которые столько времени подчинялись этой болезни.

Юмор тем временем вынул из кармана чёрные очки, бросил их на землю и – хрясь! хрясь! – наступил ботинком. А потом стал разглядывать мелкие чёрные стёклышки...

– Пойдите, господа, – оживился вдруг Огонёк, – у нас же поединок не кончен. Мы выслушали только одну сторону.

– Да, Работа! Давайте сюда Работу! Авось она лучше скажет!

Работа между тем отделилась от стены, которую всё время подпирала, и вышла на середину.

– Господа... или граждане, не помню, как вас тут. Из меня плохой оратор, и я предлагаю состязаться несколько иначе. Жизнь не сахар, все знают, да? И она непредсказуема. Вот взяли вы и оказались на новом месте – без денег, без документов, без... э-э-э... личностей, которые бы желали вас обслуживать. Значит... – Работа откашлялась. – Короче, я предлагаю: выделить нам с Ленью по квадратному метру, а вы глядите, кто из нас быстрее обустроится. Ну и... где понравится больше.

– Отличное решение! – захлопала в ладоши Романтика.

Огонёк схватил палку (благо их валялось, как и прочего сору, на каждом шагу) и принялся отчерчивать квадраты, вымеряя шагами.

– Кстати, – сказала Работа, обращаясь к своей сопернице, – у тебя будет ещё один шанс, и ты сможешь его выиграть.

– Да иди ты!.. – огрызнулась Лень.

– Готово, – сказал Огонёк. – Значит, ваша задача – обустроиться с максимальным удобством за минимальный отрезок времени...

Работа остановилась у своего квадрата и принялась тереть левую бровь: это у неё было признаком думанья. Затем внезапно сорвалась с места и исчезла за оградой.

– Ой! Куда она! Там же Страх... – испугалось женское население.

– Да, кстати, чего это так темно? – осведомилась Лень.

– Да это же Страх, – ответила Романтика. – Упрямство вон в него палит, одолеть думает...

– А-а-а... А я всё думала – чего это она как автомат, только патроны закладывает. В белый свет как в копеечку...

Упрямство стояла в отдалении, но всё же в пределах слышимости. Она слышала весь трёп Лени, но считала, что с Ленью и без неё

разберутся. А вот Страх... К Страху у неё были личные счёты. Он спелся с Обидой-на-Весь-Свет, и вместе они подложили Упрямству ха-а-рошую свинью... Да и при всей своей грубости она любила Сердце и его жителей и хотела, чтоб было ясное небо над головами, а не гнетущая тьма... И характер... ох, уж если Упрямство за что-то взялась, дело чести – закончить любой ценой...

Между тем вернулась Работа, неся четыре больших палки, кучу мелких прутиков и солидный кусок коры. Воткнула палки по периметру, принялась вить веревку.

– Веселье, – сказала вдруг она, – а чего это за гробовая тишина? Я, знаешь ли, не кладбищенский сторож. А ну, вдарь нашу любимую!

Веселье порылась в карманах, вытащила что-то плоское. Дёрнула за верёвочку – с грохотом появилась гармошка. Привычным движением ухватившись за неё, Веселье тронула лады, а потом заиграла. Да куда там заиграла – рванула что есть духу! Ух, эх: заплясали каблук и голые пятки. Ну, кто просто такт отбивал.

Работа постукивала ногой, мурлыкала под нос и продолжала заниматься своим делом. Вот она уже натянула готовую верёвку несколько раз над вбитыми палками. Ловко сплела навес из прутьев и приспособила его на готовый каркас.

– А это на случай дождя, – сказала она и, стянув спецовочную куртку, набросила сверху. И снова убежала за ограду.

Веселье между тем прекратила играть. Её просили на бис, но она сказала, что хорошенького помаленьку.

Не танцевала только Лень. Она стояла, сложив руки, в полной растерянности. Лень совсем не умела «обустраиваться», хотя философией владела хорошо... И ещё – её злила музыка, но внутри сидел маленький чёртик и подзуживал: а ну спляши, у тебя это выйдет. Лень отмахивалась от него и злилась ещё больше.

Работа принесла охапку какой-то травы.

– Это вереск, – заявила она. – На нём мягче всего спать. Я его заметила, ещё когда сюда шли. И дерево поваленное – молния, наверное, – щёлкнула она по палкам. – Сейчас еле нашла это место...

Бросила охапку в свой шалаш, взбила и завалилась на неё. И ногу на ногу закинула.

– Всё, – говорит, – можно лежать и в потолок поплёвывать. По хорошему надо бы ещё еды добыть, но мы только что пообедали...

– Погоди, я хочу спросить, – сказала Мечта. – Вот это называется работать? Это же весело, интересно... Даже... даже незаметно, что надо было что-то делать...

– А Лень вас воспитала, что работа – это обязательно полная нудятина, – улыбнулась Работа.

Мечта смутилась.

– Но ведь всегда говорят, что работать – трудно...

– Трудно... – Работа ухмыльнулась; белые зубы и белая блузка с передником удивительно гармонировали со смуглой кожей. – Да, я трудная! – крикнула она и вылетела из шалаша как резиновый мячик. – Я трудная, вредная и ворчливая! Это правда. А что я нудная и монотонно капаю на мозги – нет. Меня такой делает Серость... – Работа странно изменилась в лице, как будто ей было больно. – И Скука. У вас же они были? Ну вот... Они кого хошь – хоть Любовь, хоть Мечту, хоть Веру – опошлят, всех красок лишат и такое сделают, что лучше б догола раздеть и через площадь прогнать – и то позору меньше. Чего уж про меня с Весельем говорить, – добавила она еле слышно. – Из нас давно уже марионеток сделали...

– И никто с ними справиться не может, – грустно добавила Веселье. – Только Негасимый Огонёк...

– Вот это да! – раздался дружный вздох.

Вечернее прозрачное небо, облака играют в догоняшки. Ласковое солнце над горизонтом. Округа тонет в зелени, и замок – такой красивый, такой родной... И лица вокруг – тоже родные.

Это Страх убежал. Не выдержал натиска Упрямства. Да и то сказать – никто внимания не обращает... Убежал в подвал, мышкой обернулся. Сидит и плачет горячими слезами.

– Бедный я, несчастный, – всхлипывает он. – Никто меня не любит, сам не знаю, что хочу. И никто меня уже не боится... Уйти мне, что ли, отсюда? И правда, уйду – куда глаза глядят...

Мышонком выбрался Страх из подвала, проскользнул за ограду, обернулся собой и пошёл, голову свеся.

Отошёл уже на порядочное расстояние и вдруг слышит в кустах подозрительный шорох. Остановился.

Среди листьев мелькнули белокурые лохмы, и на дорогу выбралась Любовь.

– Ну и чего ты за мной увязалась? – тусклым голосом спросил Страх.

– Страх, – неуверенно спросила Любовь, – а ты уходишь от нас, да?

– А зачем я вам нужен? – фыркнул тот. – Меня тут толкают, обзывают, решето из меня делают...

– Ну, это пройдёт, ты только не уходи. Нам тебя не хватать будет...

– Ой, ладно врать! Кому я тут нужен! – отвернулся Страх.

– Мне...

– У тебя Огонёк есть.

– Да, но мне всех надо! Ты не уходи, а... – Любовь подошла, обхватила ручонками морщинистое лицо Страха и заглянула в глаза.
– Не надо. И не плачь.

– Никто меня не любит, никому я не нужен, – грустно, как побитая собака, сказал Страх. – А я... а я хороший. Я знаешь, чего умею делать? – вдруг оживился он. – Вот, гляди.

Он выгудил из-за пазухи верёвку, привязал между двумя деревьями, лихо взобрался на неё и начал откалывать трюки: то бежит по ней, то на одной ноге крутится. На руках прошёлся...

– Вот это здорово! – захлопала в ладони Любовь. – А меня этому научишь?

– Я ещё могу ходить над пропастью, бегать под пулями, усмирять разъярённых хищников, – продолжал Страх.

– И ты не боишься? – восхищённо спросила девочка. Глаза у неё засверкали зелёным огнем, а волосы – рыжим. И рот открылся.

– На то я и Страх, что меня все боятся, а я – никого, – усмехнулся Страх.

– Ну, я же тебя не боюсь, – ответила Любовь.

– Ты – статья особая, – вздохнул Страх. – А что, коли хочешь, я научу тебя всему, что сам умею. И будет тебе везде дорога, и будешь ты проходить все преграды – на земле, на небе ли, в море или в сердце человеческом. Потому что ты одна – королева по праву...

– Я не хочу быть королевой, – сморщилась Любовь. – Я хочу быть принцессой, это куда веселее.

Страх улыбнулся и почему-то совсем перестал быть страшным.

– Ну и будь ей. Про королев – это так, байки одни... – и он заёрзал на верёвке, усаживаясь поудобнее.

Вдруг Любовь почувствовала, что её кто-то обнимает за плечи. Вздрогнув от неожиданности, она развернулась... и уткнулась во что-то мягкое, зелёное и противное, от чего воняло водкой.

Это Тоска вышла погулять. Надоела Тоске её зелёная башня прямо до зелёных чёртиков. Иногда ещё розовые слоны перед глазами плавали – после бутылки-другой. А чего ещё делать-то, как не пить? Пробовала с Чёрным Омутком роман завести – не понравилось. От прежнего хозяина – Юмора – остались в башне какие-то книжки, Тоска на них поглядела, полистала да и бросила в угол. Вскоре они отсырели...

Вот и пьёт Тоска горькую с утра до вечера. А по ночам не спится ей – бессонница. Лежит Тоска и на звёзды любитесь – койка

её у самого окна стоит. И думает она: может, там, на далёких звёздах, есть другая жизнь... Яркая, наполненная до краев. А здесь... здесь всё не то и всё не так, как должно быть. Здесь жизнь неправильная.

Вконец измотали Тоску эти думы. Перессорилась со всей своей роднёй, забыла, когда последний раз воздухом свежим дышала. А тут сидит, значит, с очередного похмелья и вдруг слышит: наяривает кто-то на гармошке, да так лихо!.. Тоска сморщилась и застонала: мало того, что голову разносит, так ещё и зубы занули! А зубы у неё всегда ныли, едва она видела или слышала что-нибудь весёлое.

Решила Тоска спуститься и посмотреть, в чём дело. Надо сказать, двигалась она со скоростью, приближённой к черепашьей, так что все уже разойтись успели. Кто-то её, правда, окликнул, но Тоска не отозвалась. Её почему-то вдруг потянуло пойти... пойти, куда ноги несут. И странное дело: вынесли они её к тому местечку, где Любовь и Страх болтали.

– ...Не надо меня обнимать! – вырвалась Любовь и отпрыгнула в сторону.

– Да ты, дура-девка, что о жизни знаешь? Тебе напел в уши этот старый болван, ты и поверила... А жизнь, она, – Тоска внезапно наклонилась к Любви и горячо зашептала, – она грубая и жестокая, у неё свои законы. И вся красота, всё, что в ней есть хорошего, – слишком быстро вянет и умирает. Смотри сюда! – Она выпрямилась и сорвала лист с ближайшего дерева. – Видишь? Он зелёный. Сейчас лето. Но будет осень – он пожелтеет, скукожится и упадёт. Да, конечно, скажут, что он удобрит землю, что потом вырастут другие листья... Другие – да. Но не этот. Его уже не будет, – Тоска растёрла лист в ладонях и выкинула.

– А кто знает, какая свежая сила текла по его жилам, как сверкали на солнце и гонялись друг за другом хлороформинки... Какие песни он пел на ветру – этого уже никто никогда не узнает, – задумчиво сказала Тоска и сплюнула.

Любовь хлопала глазами и молчала. Признаться, такое она слышала в первый раз...

– Ну, чё пудришь мозги девчонке? – проворчал сверху Страх. – Ты баба здоровая, чёрт с тобой... А ей зачем? Вырастет, успеет ещё... А сейчас в куклы играть только.

– Назвала я тебя болваном и не ошиблась, – сверкнула глазами Тоска. – Понимаешь ты, нет, что, если она только в куклы будет играть, из неё человека не вырастет!

– Ой, нахваталась ты всяких высоких материй... А они совершенно даже лишние...

– Ну, знаешь!.. – Тоска разозлилась не на шутку. – Высокие материи! Да мне на них начихать! Я даже книжки читать ненавижу, если хочешь знать. А всё, что я говорю, – это всё из жизни, из этой... – и она прибавила заборное слово.

– Да прекратите вы или нет! – срывающимся голосом крикнула Любовь. Она стояла, прижав ладони к вискам, а глаза у неё были каждый с монету. – Это... это получается, мы все умрём? И я, и все, кто там, – она махнула в сторону замка, – и, говорят, за пределами нашего королевства тоже люди живут – они тоже все исчезнут?

– А куда они денутся, – усмехнулась Тоска. – Сдохнут как миленькие...

– Нет, потом снова оживут, – вмешался Страх. – И не будет бед и горестей. Хорошо будет...

– Хорошо? Всегда-всегда хорошо? – спросила Любовь. – Но ведь это... скучно.

– Да он бает – сам не знает, – прошипела Тоска. – Говорю тебе – перемерут все, как мухи, и точка!

Любовь замолчала и уставилась куда-то вдаль. Потом заговорила, ни к кому не обращаясь:

– Я уже умирала. Вернее, я думала, что я совсем умерла, но оказалось по-другому. Я не верю в смерть. Это неправда. Не может вот это всё: и поляна, и деревья, и вот это вдали, такое красивое и непонятное, – она вытянула руку в сторону горизонта, – и что мы все тут живём, такие разные, и мы то смеемся, то что-нибудь у нас не ладится – но вот это всё не может взять и пропасть.

– Много вас было таких... неверящих, – усмехнулась Тоска, но глаза у неё не смеялись. – Не верили, даже когда петля на шею накинута была... Да только чтоб умереть, веры в смерть не требуется. Вот. А все живут, и им на это наплевать. А я-то помню... Только и отрады, что напиться и забыться...

– А зачем забывать? – спросила Любовь.

– Ты... легко тебе говорить! У тебя не жизнь, а прогулка по цветущему лугу. А я пороку нанюхаться успела. В прямом и переносном смысле. На, любуйся! – и Тоска с силой рванула ворот платья. Показался рваный шрам, он шёл наискось от груди через живот.

Страх сначала вытянул голову, потом втянул её обратно и, наконец, ворчливо заметил:

– Это всяко не от пороху, а от холодного оружия – ну там кинжала или сабли какой. Если б тебе взрывным устройством брюхо разнесло, ты бы тут не болтала.

– Цыц, тыловая крыса! – огрызнулась Тоска, запахивая рваное платье. – Сам-то, поди, на печи отлёживался, как Емеля, а – туда же...

– Ну, не скажи! Я тоже, можно сказать, герой: меня сегодня целый день расстреливали, – возразил Страх и напустил на себя гордый вид. – Да вон у неё спроси, соврать не даст.

– Жаль, что не дострелили, – фыркнула Тоска и прислонилась к дереву.

– Мне Романтика и Упрямство рассказывали, конечно, как умирают, но там это по-другому было, – задумчиво сказала Любовь, тербя сорванную травинку.

– Геройски, что ли? – ответили ей язвительным вопросом. – Если б ты знала, какая на самом деле дрянь – все эти ваши геройские смерти...

– Нет, не знаю! Не знаю! – с вызовом повернулась Любовь. – И знать не хочу! Но даже если и так... – она помолчала. – А вот я знаю штуку, которая даже смерть объегорит. Вот!

– Чего ты там ещё придумала? – опасливо спросил Страх.

– Ничего я не придумала, это было, есть и будет! Только я не знаю, как её назвать. И ещё... Тоска, ты не пей больше, ладно? Водка ничего решить не поможет, – Любовь подошла к ней вплотную.

– Да ты просто дурочка... – начала Тоска и вдруг осеклась. – Что это со мной? – вдруг воскликнула она. – Из меня что-то уходит... Я таю... – и она действительно начала обретать прозрачность. Болотно-зелёный цвет платья побледнел, поголубел, вот уже сквозь него просвечивает местность... Черты лица разгладились, ушла излишняя резкость, и лицо тоже стало расплываться, как отражение в ветреный день.

– Что это? Я делаюсь легче, свободнее, – прошелестела Тоска. – Я... я превращаюсь в Грусть, я поняла.

Страх хлопал глазами, рискуя свалиться с верёвки. А Любовь стояла и пристально вглядывалась в Грусть.

От неё уже остался тонкий, еле видный силуэт. Ещё видны брови, изогнувшиеся в удивлении. Но вот уже не видно ничего – лишь лёгкий шелест пронёсся на месте, где только что стояла Грусть, и донеслось: «Я ещё вернусь...»

Страх потёр лоб, затем прыгнул на землю и смотал верёвку. Спрятал её за пазуху.

– Слышишь, Любовь, – проговорил он, – пошли в замок.

Любовь молчала. Потом повернулась, поглядела по сторонам, на небо, на дорогу. Вздохнула и ответила:

– Пошли.

Лень медленно брела по Сердцу. Пинала камушки, что подворачивались под ноги, а один раз даже схватила булыжник и швырнула его в кусты. С обиженным чириканьем оттуда выпорхнула стайка щеглов.

– Ну, вы, паршивцы, – погрозила Лень кулаком вслед улетевшим пичугам. – Кажется, всем уже на меня наплевать, никому нет дела до бывшей правительницы...

Она запрокинула голову, глядя в небо. Там плясали облака и летали бабочки. «Эх, мне бы крылья, как у птицы... А ещё лучше – птицей стать. Я бы слопала всех этих бабочек, а потом полетела – куда глаза глядят, куда ноги... тьфу, крылья несут. Улететь бы в страну, где реки молочные с берегами кисельными... И где вишни сами в рот падают – только рот пошире разинь...»

Замечталась Лень... Аж глаза от удовольствия закрыла. Но тут какая-то бабочка пролетела слишком близко, крыльями по лицу задела. Лень очнулась, выругалась. И разревелась вдруг – ужасно! Развернулась в сторону замка и давай сыпать проклятиями сквозь слёзы. Душу отвела, успокоилась, наконец.

– В общем, – сказала Лень самой себе, шмыгая носом, – я ещё посмотрю, на сколько их хватит и как Сердце их выдержит, а сейчас меня интересует только одно: где бы найти приличную лежанку?!

Неизвестно, из чего она соорудила себе ложе. Не иначе из вереска, по примеру Работы. Ну да хватит уж церемониться с Ленью – никто о ней не горевал в замке. Там и без неё неплохо.

– ...Так! А теперь я бы очень хотела знать, что здесь творится за бедлам! – раздался трубный глас. Глашатай был не в духе – это сразу стало ясно.

– Совесть! – ахнула Мечта.

– Да, я Совесть! Что, не ждали? Напоили меня какой-то дрянью, так что в отключке валялась незнамо сколько! Хорошо жить, когда совесть без задних ног дрыхнет, я не спорю...

– Так хорошо, что лучше быть не может, – пробормотал Скептик.

– Нравится такая житуха? В Сердце бардак развели, проходимцев набилось – яблоку негде упасть! Поди, ещё подрались тут – то-то, гляжу, все перевязанные...

– Да, а повязки-то, наверное, можно снимать? – спросила Романтика и принялась разматывать бинт с руки.

– Конечно! – откликнулась Вера. – Их давно уже можно было снять, я просто забыла про это...

И все принялись сдёргивать бинты и отдирать пластыри.

– Ой, смотрите, – воскликнула Мечта, – на мне даже платье затянулось! Тут дыру прожгло, а сейчас снова ткань целая...

– Это как так? – удивился Юмор.

Вера ухмыльнулась:

– Я ещё и не то умею...

– Хватит зубы заговаривать! – вконец обозлился стражник. – Вы мне отвечайте чётко и толково, что вы тут натворить успели и как вы дальше жить собираетесь! – Совесть всё больше накалялась, как электрическая лампочка.

Все молчали, переглядываясь. Пока сзади кто-то не проворчал: «Нет, братва, так дело не пойдёт», – и вперёд вышел Негасимый Огонёк, засунув руки в карманы.

– Ты вот, Совесть, вылезла из спячки, как медведь, и шумишь, не разобравшись. А если бы ты знала, какая отборная гвардия здесь набилась, и как её лупили в хвост и в гриву – ты бы по-другому разговаривала.

– Мы же Лень победили! – крикнула Мечта.

– Унынию по шее дали!.. Обида-на-Весь-Свет сдохла!.. Чёрный Омут изжили!.. Серость смылась как мыльная пена!.. Покой убежал!.. – со всех сторон зашумели, загомонили... Каждому почему-то хотелось, чтоб именно его услышала Совесть. И потому невольнo думалось – а что я-то сделал там-то и там-то, и вообще что-нибудь сделал хорошего?

А Совесть стояла, вслушивалась в этот шум, и на губах у неё проступала растерянная улыбка.

– Вот вы какие, – наконец медленно проговорила она. – А я совсем ничего не помню... Ровно провалилась куда-то после той чарки...

– Тебе Лень чего-то подмешала, – сказала Романтика. – Мне Надежда говорила – она слышала, как Лень хвасталась Чёрному...

– Хм... Однако... Однако неплохо у вас получилось, в итоге-то! – рассмеялась Совесть. Но быстро став серьёзной, спросила: – Только вот зачем вам стражник, который валялся в пыльном чулане? Получается, я и не нужна вроде?..

– Вроде Володи, под вид Кузьмы! – резко перебил Огонёк. – Ты это брось такие сказки! Здесь ничего ещё не кончено, и, чтобы всякая гадость не мешала спокойно жить, ты нужна.

– Спокойно жить? – переспросила Совесть. – Вы ж вроде сказали, что Покой убежал.

– Не придирайся к словам! – вспыхнул собеседник. – Покой ушёл – и чёрт с ним! Но есть вещи, которые мешают не покою, а *нормальной жизни!* Чтобы их не было, и нужен стражник – почему я должен тебе это объяснять, как малолетке!

– Нормальная жизнь? Огонёк, ты не мог бы уточнить, что это такое? – язвительно спросил Скептик.

– Могу, – улыбнулся Огонек. – Это как раз всё то, что не нормально.

– А что, – внезапно улыбнулся и Скептик, – мне такое определение нравится.

– Значит, я могу быть дальше стражником? – задумчиво спросила Совесть.

– Не можешь, а должна, – откликнулась Романтика.

– Ага. А я вам скажу, что завтра с утра мы начнём это безобразие в человеческий вид приводить, – прорезался голос Работы. – Мне на него и смотреть противно, но сейчас уже поздно...

– Значит, завтра с утра пораньше? – вздохнула Мечта.

– А ты думала, мы будем на твои прелести любоваться? – ворчливо сказала Работа. – Красива ты, спору нет, да с лица воды не напьёшься, а подолом не укроешься... Да ты не бойся, – она обняла Мечту за плечи и, увлекая в сторону, зашептала, – ты будешь придумывать, а я буду делать. Я не умею фантазировать, проектировать – я могу делать что-то конкретное. А ты вся соткана из воображения, но с реальностью связи слабоватые... Вот увидишь, в одной упряжке мы завезём воз туда, куда и Макар телят не гонял! – засмеялась она.

Засмеялась и Мечта... Потом спросила:

– Работа, ты кого-нибудь любишь?

Та прищурилась:

– К чему это подобные вопросыки?..

– Ну... просто интересно. Ты вот вся такая практичная, упрямая – наверное, должна влюбиться в какого-нибудь романтика. Противоположности ведь притягиваются.

– Притягиваются... – вздохнула Работа. – У меня жениха Скука увела.

– Как это?

– А вот так. Взяла и свихнула мозги набекрень. И без неё-то он Дурак был, а сейчас и вовсе...

– Дурак? – удивилась Мечта. – А зачем тебе Дурак-то?

– Во-первых, стара, как мир, фраза: любовь зла, полюбишь – известно кого. А потом... а чем вообще плох Дурак? Вот вы все:

Дурак, Дурак, мол, ногтя не стоит... А он возьмёт и чего-нибудь... такое сделает, вы ахнете. А я – буду женой гения! – с шутливой гордостью сказала Работа. – Только вот, – помрачнела она, – он теперь на меня и смотреть не хочет... Скука, вишь ты, яркая женщина, цветастый полушалочек... А я... – она оглядела свой заляпанный костюм и рукой махнула, – да что тут говорить!

– Да он точно дурак! – возмутилась Мечта. – Я видела Скуку – гроша она ломаного не стоит! Ни рожей, ни характером.

– Гроша... А она не за гроши, она бесплатно. Это за меня гроши и грошики швыряют, как собачке подачку под стол...

– Отбей! У тебя получится! – уверенно сказала Мечта.

– А чего ж ты не отбиваешь? – указала Работа глазами на Огонька.

– Я не умею... и не хочу! На чужом разбитом корыте себе хором не выстроишь. Но у тебя же совершенно другое!

– Что, коли Скука, так у неё разбитого корыта быть не может? – усмехнулась Работа. – Мне на Скуку плевать, но тянуть на аркане – это баржу по реке хорошо. Тьфу, да о чём я, и там паршиво! Ну вот видишь... С практикой арканной тяги я хорошо знакома и скажу, что видела я её в гробу, а на этом гробу пусть танцуют...

На другом конце двора тоже болтали о любви.

– Ты не представляешь, как я по нему соскучилась уже! – говорила Вера, уютно устроившись под сенью красной башни. – Вроде я и ушла-то не так давно, и мне нравится по новым местам бродить...

– И обязательно опять чего-нибудь не поделите, – язвительно вставила Веселье.

– Ой, не говори! – махнула рукой Вера. – Он такой вредный! И въедливый – к чему прицепится, так уж не отстанет, пока до глубинки не докопается.

– И что ты в нём нашла только? – вздохнула Веселье. – Как вспомню этого типа – в этом дурацком клетчатом костюме, в очках, с шарфом и вечной трубкой в зубах! Кошмар!

– Да, с трубкой, – нимало не смутившись, ответила Вера. – Правда, может, из-за меня теперь и бросит – беременным табак вреден.

– Че-го? – у Веселья челюсть отвисла. – Уж не хочешь ли ты сказать...

Вера только засмеялась в ответ.

– Да у вас же детей вообще быть не может! Я до сих пор помню, как на свадьбе вперемешку с «Горько!» орали: бездетный брак!

Вера в ответ лишь хмыкнула.

– Так чего ж ты молчала, зараза! – крикнула Веселье и кинулась обнимать подругу. – Но... постой, как тебя Разум вообще отпустил? Тебе ж нельзя сейчас путешествовать и вообще... по заборам лазить...

– Это кто сказал, кто-то умный? – спросила Вера. – Так передай, что он умный, но не разумный. Бедные наши дети, – вздохнула она и засмеялась.

– Это ещё почему?

Ответить Вера не успела, потому что красная башня ни с того ни с сего заходила ходуном, в ней что-то загрохотало, зазвенело, завопило и завизжало, как будто это была не башня, а мешок, набитый поросятами.

На полной скорости оттуда вылетела Дурь, как всегда лохматая. На шее у неё болтался медный таз вверх дном на верёвочке, она лупила по нему какой-то железякой. На ноги Дурь зачем-то привязала по обломанному кирпичу, на каждом шагу подпрыгивала и потрясала ими.

– Але-гоп! – завопила она и прошлась колесом. Таз свалился с неё и покатился по двору, издавая звон сродни набату.

К упавшей Дури подошла Веселье и спрашивает:

– Послушай, как тебя зовут?

– Меня – Дурь! – крикнула Дурь, яростно блеснув глазами.

– Дурь?.. Но разве не обидно так зваться?

– Обидно? – на минутку она задумалась. – Нет,нисколько! – Дурь резко взмахнула головой, так что волосы стали походить на копну сена. Тут она прыгнула и налетела на Юмора.

– Вот же смерч в юбке, – пробормотал он. – Ты... ты акробатка, что ли?

– А что это значит? – спросила Дурь.

– Это когда всякие трюки делают: прыгают, лазают; колесом ходят, к примеру, как ты сейчас.

– Так чего, я акробатка? – озадаченно спросила Дурь. – Это, а там стучат и гремят ещё, да?

– И вопят, – добавил, еле сдерживая улыбку Юмор. – Всё-таки, зачем тебе это?

– Ну... – Дурь почесала в затылке. Подобных вопросов ей никто не задавал. Её либо гнали взашей и лупили, либо носили на руках и ловили каждое её слово, лексикон коих был весьма убогим. – Ну... Мне так нравится, короче.

– А как, по-твоему, другим нравится? – спросила Веселье.

– А мне какое дело!

– Понимаешь... Конечно, никто не говорит, что любое выступление должно всем нравиться, но... это должно быть чем-то связным, смысл иметь какой-то. Хороший артист долго продумывает и форму, и содержание, прежде чем выступать. Иначе это неуважение к публике.

– Чего? – растерянно спросила Дурь. – Первый раз слышу...

– Знаешь, тебе надо было идти в цирковые артисты, – сказала Веселье, – у тебя бы получилось. Или куда-нибудь в бродячий балаганчик. У меня там есть хорошие знакомые... Могу тебя устроить, если захочешь.

– Что, вдвоём воспитываете одного и воспитать не можете? – спросил подошедший Скептик. – А ты-то не поддаёшься воспитанию, правда? – подмигнул он Дури.

А Дурь стояла с раскрытым ртом и что-то лихорадочно соображала. Но стоявшие вокруг мешали ей это делать, и в следующую минуту она сорвалась с места и убежала в свою башню – для того, чтобы через слуховое окошко вылезти на крышу и усесться там. И думать – наверное, первый раз в жизни... И ещё умудриться при этом болтать ногами.

А внизу народ непонятно почему сконцентрировался у подножия красной башенки. Может, как раз потому, что она такая яркая, зажигающая – говорят же, что и пчела на красный цветок летит.

– Да-а-а, – протянула Вера, – чудесное у вас королевство, спору нет. Да только надолго мы не задержимся. Вот поможем порядок навести – и айда...

– И правда, – откликнулась Веселье, – дел-то у каждого невпроворот... Но вы не думайте, мы по себе память хорошую оставим... – и она начала разглаживать складки на своём цветном лоскутном платье.

– Память! – фыркнула Работа. – На кой чёрт мне память! Я жить хочу здесь и сейчас. Мне тут вообще понравилось. Хорошо здесь... – она привольно вздохнула и запрокинула голову. – И я хочу заниматься тут чем-нибудь интересным, а не чтоб обо мне была всякая дурацкая память, как по мёртвой...

– Не может быть память дурацкой!

– Так ты что, здесь насовсем остаться хочешь?

Это одновременно воскликнули Вера и Мечта. И сразу же после них спросил Скептик:

– Почему тебе так не нравится память, даже о мёртвых? Ты тоже когда-то умрёшь, но от тебя что-то останется – по-моему, это совсем не плохо.

– Я помру? – Работа глянула на Скептика и захохотала. – Ой, умора! Так вот, граждане дорогие, заявляю вам, что я помру не

раньше, чем в день конца света. Да и... – она насмешливо оглядела окружающих, – вы, пожалуй, тоже.

– Так я в это и поверил, – проворчал Скептик.

– Так ты что, и правда, здесь насовсем останешься? – спросила Романтика.

– Этого я не говорила...

– Эй, Огонёк, – окликнул Почемучка, – и ты тоже, поди, смоешься, да?

И все почему-то на Огонька заоглядывались. А тот смутился и нахмурился – страсть как не любил подобных вещей. А потом ответил:

– У меня бродяжничество в крови. Не могу на одном месте сидеть, как бы хорошо не было. Мне это хуже каторги. Но я не забываю мест, где был, бывает, и возвращаюсь...

– Или тебя не забывают, – тихо сказала Мечта.

Огонёк поглядел на неё и засмеялся.

– Дурачьё! Сказал же: возвращаюсь. И сюда вернусь – дайте только срок...

– Люди добрые, видали вы такое: сам на срок запрашивается! – захохотала Упрямство.

Её поддержали, и Огонёк смеялся громче всех. Не смеялась только Любовь. Она слушала, как он смеётся, глядела на его профиль, на то, как резким движением убрал со лба волосы, – и глаза у неё наполнялись слезами, как яма водою в дождь.

– Мы больше никогда не увидимся, – еле слышно проговорила Любовь.

Огонёк услышал, и смех ему будто выключили. Развернулся к ней, на одно колено опустился, чтоб в росте сравняться. За плечи обнял, и наплевать ему, сколько народу на них глазеет.

– Любовь... Ну, что ты, успокойся... Я тебя видеть такой не могу – ты ж того гляди рассыплешься... Послушай, Любовь... – Огонёк отвернулся. – Чёрт, не умею я любовных слов говорить! Ну что нам делать, а? – спросил он у Любви. А та глядела на него, и в глазах у неё двоилось, троилось, плясало и переворачивалось. От слёз, которые почему-то не желали капать.

– Просто ты уйдёшь, а я останусь. Нет, я не держу тебя, но... мы никогда не встретимся.

– Кто это там никогда не встретится? – прозвучал от ворот чей-то знакомый голос.

Все обернулись.

– Надежда! – со всех сторон понеслись восклицания. Пришедшую обступили кольцом и наперебой здоровались. Ещё бы, не она – так

бы и торчали в королевстве Лень да Обида, Чёрный Омут да Скука. Так бы и сидели каждый в своей норе, как сулики зимой. Да и то сказать – без Надежды жизнь... что-то уж совсем несладкая.

Только Любовь с Огоньком остались в сторонке. Огонёк медленно поднялся, отряхнул от земли штанину и зачем-то нахмурился.

Подошла к ним Надежда. Обняла Любовь и говорит Огоньку лукаво:

– Не зря мне, видать, почудилось, что именно ты Любовь разбудишь!.. Так, а с какой стати вы, дурни, расставаться собрались? Или я ослышалась – старая стала... – усмехнулась она, тряхнув седыми волосами.

– Ничего ты не ослышалась, – проворчал Огонёк, – Просто, что нам ещё остается делать, если я не могу оседло жить – и её с собой взять я тоже не могу... Она ещё маленькая и вообще...

– Ну, ты же не сейчас уходишь, верно? – спросила Надежда. – И не завтра с утра пораньше. Так кто вас сейчас-то разлучает?.. А что потом будет – увидим. Наперёд знать не интересно.

Любовь в упор посмотрела на Надежду, затем сорвалась с места, схватила Огонька за руки и закружила, крича что-то несурзное.

– Маленькая... Не гляди, что маленькая! Вырастет! – крикнула Надежда.

Он вырастет, станет известным,
Покинет пенаты свои.
Окажется улица тесной
Для этой огромной любви...

Это говорил Скептик. И говорил, глядя на Романтику. Надо сказать, что толпа вокруг них мигом рассосалась: выдерживать вторую подряд любовную сцену, да ещё ту, что завёл Великий Скептик, – увольте, это было слишком.

– Дошёл я до ручки, – сказал Скептик и опустил голову. – В лирику ударился. Какой из меня теперь скептик...

На всех перекрёстках планеты
Напишет он имя её...¹

– задумчиво глядя куда-то в горизонт, продолжила Романтика.

– Да, я напишу твоё имя на всех перекрёстках нашего Сердца, – просто сказал Скептик, подходя и обнимая её.

– А я внизу подпишу: Скептик! Чтобы уже никто не смеялся, – добавила Романтика, счастливо мурлыкая.

¹ Стихотворение Я. Смелякова «Хорошая девочка Лида».

– Да какое нам дело, если кто и будет смеяться? – возмутился тот.
– Ага, ага, а что ж мы тогда, как дураки, друг от дружки бегали?
– Ну... – Скептик попытался сделать глубокомысленную мину, но это ему не удалось.

– Слушай, Романтика, – сказал он через некоторое время, – я вот думал...

– Индюк тоже думал, – засмеялась она и отбежала в сторону. Стоит и смеётся, а ветер треплет розовое платье.

– Я серьёзно, а ты...

– А я несерьёзная! Твоей серьёзности на двоих хватит и ещё на пол-Сердца останется, а я ей не была и не буду! Лови, не догонишь! – и Романтика побежала. А Скептик... побросал всё своё оружие, кое-как стянул кольчугу (ох и грохоту было, когда он швырнул её на кучу железного хлама!) и побежал за Романтикой. Но маленький кинжал при нём таки остался: с таким народом держи ухо востро!..

В общем, они побежали гоняться друг за дружкой, а вслед им пролетели и шмякнулись, издав очередное грохотанье, два кирпича. Это Дурь, наконец, отвязала их с ног и с улюлюканьем швырнула вслед убежавшей парочке. Те, конечно, даже не заметили, а кирпичи умудрились приземлиться аккурат на брошенную кольчугу Скептика.

– Что ты будешь делать, никакого покоя нет, – проворчал Юмор.

– Какой покой! Ты о чём! – засмеялся Огонёк (он шёл рядом с Юмором, а в серединке, держа их за руки, пристроилась Любовь). – Эх, у нас такая здравая песенка есть про Покой... – и он до того задорно пропел пару куплетов, что все трое захохотали.

– Слушай, Огонёк, – спросил Юмор, отсмеявшись, – это всё хорошо, только... Покоя нет – а что есть? И... что нам вообще делать?

– Это ты меня спрашиваешь? – пожал плечами тот.

– А кого?!

– Вот это здарсьте! Я чего – справочная энциклопедия? Я и сам не знаю...

– Ну, должна же быть у людей цель какая-то...

– Цель... – Огонёк улыбнулся и задрал голову. – Наверное, она скоро появится...

– Она, что, с неба падает? – поинтересовалась Любовь.

– Цель – это же комета. Хвостатая такая, носится среди звёзд...

Любовь тоже глянула вверх и вдруг закричала на весь замок:

– Ой, глядите, какой закат алючий!

Вырвалась вперёд, побежала и взгромоздилась на ограду. Стоит, покачивается.

Мальчишки переглянулись и тоже за ней полезли. И ахнули.

Закат, и правда, алючий – другого слова не подберёшь. Уж так привольно развалился он на горизонте, словно у себя дома на диване. И вроде ухмыляется со своего ложа: дескать, вот я какой красивый. Любуйтесь на меня. А на него и впрямь любят. Слышали, как Любовь кричала, – глотка у неё звонкая.

Небо над головами прозрачное-прозрачное. Будто его и вовсе нет или потрогать можно, руку в него окунув. Но недолго это длилось – вот оно уже густеет, темнеет, закат гаснет...

– Он сейчас исчезнет, – тихо вздохнула Мечта.

– Зато звёзды появятся, – ответила Надежда.

И впрямь – то тут, то там завспыхивали, заискрились звёзды. А среди звёзд...

– Смотрите! Вон она! Ну, я же говорил! – Огонёк даже заприплясывал, рискуя свалиться с ограды. – Вот она, комета-цель!

По небу неслась с шипом и свистом, волоча за собой длиннющий хвост и плюясь огнём, громадная комета. Цветом она вроде красная, но то по ней бегают какие-то синие искорки, то хвост заиграет зелёным или жёлтым, как у хорошего павлина.

– ...Но как же её достать?! – воскликнула Упрямство.

– А знаете, что я вам скажу, – медленно проговорил Огонёк, – гоняться за ней даже интереснее, чем поймать и засунуть в мешок...

Ночь. Темнота и тишина над королевством Сердце. Кое-где мышонком шуршит ветер. Устало за день королевство, спит оно.

Да не все в нём спят. На верхушке сторожевой башни Совести Любовь и Негасимый Огонёк сидят на самом краешке и болтают ногами. Ещё раздобыли где-то мешок сушёных вишен, ягоды уплетают, а косточками плюются: кто дальше. Говорят о чём, молчат ли – неважно.

Сидят, значит, оба рыжие. А оно хоть и ночь, да всё равно светло – от луны ли, звёзд, костров ли далеко в степи. Не сводит глаз с двух рыжих голов на вышке Мечта. Лежит, опершись на локти, и думает. О Чёрном. Об Огоньке. О том, что ей делать дальше. О Сердце и обо всей жизни, такой странной и непонятной, но при всём том в ней хороша даже неразделённая любовь.

Вот уж кому точно не до сна, так это Скептику с Романтикой. Надоело играть в прятки, стали играть в догоняшки. Устали. Ну ничего, на свете игр ещё много... Правда, характер у них не меняется ни на йоту: оба такие же вредные. Разве что Скептик чуточку, самую малую чуточку стал меньше ворчать. Просто затем, чтобы его ворчание не

игнорировали: знаем, мол, чего оно стоит. А Романтика... ох, нет поблизости зеркала, а то бы она не поверила, что может быть такой красивой...

Не спит и Совесть. Выспалась она, все бока отлежала. Теперь ходит по королевству и глядит: везде ли порядок? Там вот надо фонарь навесить, чтоб в яму никто не свалился (ещё лучше и вовсе её засыпать), а тут за кустами кто-то плачет... Чья это всё забота? Ясное дело – стражника.

Вот Почемучка спит. Лежит на спине, раскинув руки и ноги, ещё и улыбается во сне. А снится ему, что он на корабле юнгой. Почемучка давно мечтает о море – стать юнгой и объездить... ну, не весь мир, но половину точно. И вот сейчас ему снятся надутые до отказа паруса, стёртые канаты хлещут по ветру, а капитан кричит: «Девятым вал! Все по местам! Юнга, так держать!»

Юмор тоже спит, он свернулся калачиком. Ему снится, что он качает Любовь на качелях. Качели такие расписные, Любовь взлетает всё выше и выше и так при этом счастливо смеется... И вот, когда качели уже готовы набрать самый высокий оборот, – он вскакивает рядом с Любовью, и они вместе ухают в неведомую глубину...

Без задних ног дрыхнет Упрямство. Ей вроде и сны-то даже не снятся. Но вот откуда-то вылезает рожа Страха и ухмыляется. Упрямство стреляет в него в упор – раз, другой, третий – бесполезно. В отчаянье она хватается револьвер за ствол и швыряет рукояткой в лицо Страху – и он почему-то делается растерянным, отступает, пропадает...

Вера во сне похожа на девочку, но загадочная полуулыбка-полуусмешка выдаёт в ней женщину. А видится ей Разум – сидит он на камушке рядом с глубокой ямой, кругом валяются кирка, лопата, потрёпанная тетрадка, ещё какие-то инструменты... Разум сидит на камушке, смотрит вдаль и не спеша курит, пуская колечки. И мерещится ему вдали Верина усмешка...

А вот Веселье, когда спит, совсем на себя не похожа. Потому что, когда она не спит, она ни минуты не сидит на месте и любит побалаганить. А сейчас лицо у неё спокойное, и спит она без сновидений. Да так крепко, что разбудить раньше времени её может только полк барабанщиков или ведро холодной воды под бок.

Хотя лучше всех спится, конечно, Работе. Стара пословица: поработаешь до поту – так и поешь в охоту. Можно добавить: и поспишь так, как никогда не спится Лени на всех её перинах. Вся заваyka в том, что без Работы Скука одолевает. А кто под её власть попал –

тот форменным дураком сделался. Кстати, Дурак сейчас тоже спит – под чужим забором. Выселили его из дома за неуплату...

Спит и Страх. Во сне он разметался, раскинулся свободно, чего с ним никогда не бывает в бодром состоянии: вечно крючится да по углам прячется. И вовсе не от стариковского ревматизма и не из-за светобоязни, в чём его как-то обвинили... А снятся Страху совсем не кошмары, а такие лёгкие да радужные сны, что и не всякому ребёнку приснятся.

Дурь видит какой-то фантастический сон: громадная арена, куча людей, зачем-то прыгающих прямо по креслам, а по арене бегают медный таз и повторяет считалочку: «Разик, двазик, третий тазик, а четвёртый – безобразик». Потом снимают купол, сверху спускается рояль, Дурь тут же вскакивает на него и начинает плясать на клавишах, горлана при этом какую-то жалостливую песню. Из рояля показывается морда медведя, затем он вылезает полностью; Дурь садится на него, и вот у медведя вырастают крылья, и он летит вверх – сквозь проём в крыше, и дальше, дальше... И деревья машут им ветками: «Счастливого пути!..»

А вот Надежда спала, спала, да что-то её разбудило. Как будто холодком повеяло откуда. Глаза протёрла, видит – это Грусть. Её ни с того ни с сего кошмары замучили. И видятся, и слышатся, и чуть ли уже не руки тянут – полонить бедную и увести в своё царство. Ну, со всех сторон обступили. Куда деваться?.. Надежда на это ответила парой фраз, да таких, что Грусть расхохоталась. После этого они уселись рядышком и проговорили полночи.

Под открытым небом ночует Лень. Странно, но сон от неё бежит. Лень лежит, закинув руки за голову, пытается считать звёзды, но то и дело бросает это занятие и думает: ну почему же она всё-таки проиграла? Почему распался такой крепкий союз четырёх и не спасли даже родственные узы? А какие-то оборванцы, шайка-лейка, разношёрстная компания... Обидно! Но всё-таки – почему?.. Может, у них нашлось что-то такое, чего ни у кого из наших не было? Что? «Вот мне бы такую штуку!..» – ворочается Лень с боку на бок и думает. Пусть подумает. Говорят, иногда полезно.

Безмятежно спит Покой. От хорошей жизни всегда хорошо спится. Это у кого передраги какие-нибудь, так и не уснёшь, простыни миглом жгучими делаются, как на углях лежишь. А у Покоя хорошая жизнь. Ушёл он из Сердца, где всё дико, непонятно, взбудоражено... И правильно сделал. Не созданы они друг для друга – Покой и Сердце.

Не ужиться им. Пускай лучше Покой где-нибудь в другом месте свою хорошую жизнь строит.

А про остальных, что из Сердца сбежали, и говорить-то не хочется. Оставили они по себе худую славу да дурную память – и ничего больше.

А Сердце спит. Пускай спит. У него завтра новый день.

2009

Пушистая сказка

– Ну по проволочке-то и я пройду! – фыркнул серый кот и принялся карабкаться по фонарному столбу.

Рыжий кот с неудовольствием смотрел, как он мелкими шажками передвигается по электрическому проводу. Теперь по другому. По третьему. Ну вот, прошёл по всем трём натянутым в ряд проводам. Спрыгнул вниз, правда, на четыре лапы не сумел приземлиться, завалился набок. Но тут же поднялся, отряхнулся и небрежно бросил:

– Это даже малому котёнку под силу.

– Правда, Когтя, ну что здесь особенного? Нашёл чем хвастать – природой своей кошачьей... – подхватили собравшиеся.

Рыжий кот сверкнул зелёными глазами:

– Ах, так? Котёнку, значит? А вот... – он нервно заоглядывался и вдруг вспомнил, что на улице рабочие укладывают асфальт. И там стоит огромный чан с кипящей смолой. – А ну, давай за мной!

Распушив хвост, он помчался, пересекая двор наискосок, а за ним покатился пёстрый собаче-кошачий клубок, будоража округу мявом и лаем.

Рабочие как раз ушли обедать в свой вагончик. Кругом валялись кайла, лопаты, верхонки, каток отогнали куда-то в сторону, а рядышком, сбоку от тротуара, возвышался огромный котёл с чёрным блестящим варом. Жаром от него несло метра, наверное, за два. И, главное, он так удачно стоял, что прямо над ним оказался натянут телевизионный кабель из соседнего дома. На порядочной высоте, разумеется.

Перемахнув дорогу под носом у проезжающей машины, рыжий кот взлетел на водосточную трубу, добрался до кабеля и прошёлся по нему так, чтобы чан оказался аккурат под ним. Встал на задние лапы и похлопал передними, призывая ко вниманию. Этого не требовалось – на него и так смотрели во все глаза.

Тогда рыжий встал на передние лапы и взбрыкнул задними, как будто он не кот, а лошадь. А потом – алле-гоп! – перекувыркнулся в воздухе и умудрился встать обратно на тонкий проводок.

– Эй-эй, кончай! – закричал барбос Шавыч.

Кот и ухом не повёл. Он снова встал на задние лапы, подбоченился. Как заправский мушкетёр, подкрутил усы и пошёл в пляс. Кабель ходил ходуном. Если кто-нибудь сейчас через него смотрел телевизор, то экран наверняка рябил, а может, и вовсе выключился.

А коту всё это до лампочки, он знай себе отплясывает – и так, и эдак, и хвостом во все стороны вертит – для красоты, а скорее всего – для равновесия. Вот он повис на передних лапах, уцепился когтями. Небрежно закинул на провод заднюю лапу и... ему показалось, что он летит головой прямо в горячую смолу! Каким-то образом он разжал передние лапы, а задняя следом соскользнула. В последний момент ухватился когтем.

Фу ты! Чан вдруг предстал жадно разинутой пастью чудовища, которое так и норовит проглотить бедного котёнка. Жаром обдало из хищной пасти – а на самом-то деле кот просто взмок от страха и боли: ну-ка попробуй удержи целую тушку на одном коготке!

Кое-как он взобрался на проклятый провод и рыжей молнией слетел на землю.

– Bravo! Bravo!..

– М-да, это я, пожалуй, повторить не решусь, – сказал серый кот и протянул лапу рыжему. – Хвостун ты, конечно, ужасный, но основания на то имеются.

Рыжий сперва раскланялся на все стороны, потом стал пританцовывать на месте и вот так, пританцовывая, пожал лапу серому коту. Он не хотел, чтобы заметили, как его трясёт кондрашка. Как только умудрился не заорать на весь городишко, болтаясь сарделькой на сопельке! Наверное, язык отнялся от жути.

Рыжего кота звали Коготок. Это был самый отчаянный забияка по району, а может, и по всему городу. Но ему этого мало, он хотел, чтоб его признали самым лихим, самым замечательным и вообще – самым-самым. Коготок упирал на то, что ему под силу такое, на что ни один кот больше не способен. И вечно пытался это доказать, влезая и вляпываясь в такие авантюры, а порой просто дурацкие вещи, что ни в одну нормальную кошачью голову и впрямь не пришло бы подобное. Даже после целого бутылка валерьянки.

Как ни странно, дружил этот наглый котяра с барбосом Шавычем. А у того характер – как у доброго старика: спокойный такой,

покладистый, рассудительный. Ему на лапу сгоряча наступят, а он только подвинется, даже не тявкнет. И звали-то его тоже по-дедовски: Шавыч. Уважение оказывали.

Коготок Шавыча этого обожал и горой стоял, если вдруг в его адрес что нелестное брякнут. Мигом шерсть вздыбит, хвост веером, зашипит и кинется на обидчика. А драться Коготок будь здоров умеет, это всем известно. И Шавыча старались не трогать.

Хотя его бы и так не трогали, и без Коготиной защиты. Двор у них на удивление дружный и приветливый. Замечательный просто двор. Коготок полгорода, наверное, облазил, а может, и больше. Городишко-то маленький, захолустный. Но каждый раз возвращался обратно, снова убеждаясь, что нигде, ну решительно нигде нету такой душистой и разлапистой липы – так удобно отдыхать на её шершавом изогнутом стволе, свесив лапы... А с чужих крыш обзор, конечно, получше бывает, но на любой из четырёх своих знакома каждая черепица – кажется, она сама под лапы стелется. Это не говоря о том, что здесь своя тесная компания – барбос Шавыч, серый ободранный кот Шпик, смешливая и ужасно плодовитая кошка Тесёмка, романтический спаниэль Ноэль и ещё целая куча подрастающего поколения. Мелочь пузатая, в общем.

Снежинка проснулась. Выбралась из уютного закутка между подушкой и диванной спинкой, прошла по спящей хозяйке – та даже не ворохнулась – и мягко спрыгнула на пол.

С хрустом потянулась. Добралась до своей кормушки, поглядела на ту же картину, что и три часа назад: пусто. Впрочем, под утро, как всегда, есть не хотелось.

Снежинка потрясла головой. Нет, пожалуй, лучше всего вернуться обратно и поспать ещё часок. Вон, за окном уже фонари погасли. Скоро проснётся хозяйка, и начнется кошачий трудовой день, потому как у хозяйки каникулы. А значит, хватает она её и тискает в три раза чаще обычного.

Хозяйку звали Таня, и стукнуло ей на прошлой неделе ни много ни мало восемь годиков. Девчонка всё упрасивала родителей: «Хочу киску или собачку! Хочу братика или сестричку! Ну пожа-а-луйста!..» Но второго ребенка родители по некоторым причинам завести не могли, с собакой возни не оберёшься... В общем, два года назад на день рождения подарили Танечке белого котёнка. Собственно, цвет и решил дело: мама сказала: «Ах, какая лапочка!», а папе ничего не оставалось, как согласиться. Ибо с женщинами без крайней нужды лучше не спорить.

С этого дня девочка забросила все игрушки, даже любимая кукла Барби отошла на второй план. А уж про всяких там меховых слонозайцев нечего и говорить: они только укоризненно качали головами из пыльного угла, подсчитывая, сколько раз за пять минут котёнок взлетит на воздух, то есть на руки. И сколько царапин на этих руках останется, потому как Снежинка оказалась на редкость свободолюбивой особой. Танька ходила, как пацан, вся в царапках: и на руках, и на ногах, один раз даже глаз умудрилась подставить. Слава Богу, обошлось благополучно.

Снежинка любила хозяйку, конечно. Кто ещё будет её кормить, поить и беспрекословно вытирать ароматные лужи? Наглая Снежинка упорно не хотела ходить в предоставленный ей таз. По линолеуму скрестись гораздо приятнее, но разве глупым людям что-нибудь растолмачишь? Они на неё – с тряпкой, они на неё – с веником... Она давай шипеть и брыкаться. В итоге весь уход за зверем взвалила на себя девчонка. И правильно: любишь кататься – изволь и саночки за собой таскать.

Кошка подросла и преподнесла сюрприз: поменяла окраску. Нет, на неё никто не опрокидывал баночку масляной краски. Сама. Уши стали рыжие, а потом рыжие крапинки пошли по всей тушке, включая мордашку. Только пузико так и осталось белым, как напоминание о белом и пушистом детстве. А хвост стал какой-то коричневый. И теперь кличка «Снежинка» ну никак не подходила.

Танька не стала её переименовывать, просто часто называла «моя конопушка», и это словцо приклеилось как второе имя. Конопушка. Снежинка-Конопушка. А вообще, девочка как только её ни называла: и Снежка-Рыжка, и просто Рыжая, и Мохнатка, и даже непонятно с чего величала Шпунтиком. В общем, хоть горшком назови...

Кошка не обижалась на такое разнообразие, наоборот, ей льстило, что вот у неё такая уйма эпитетов, прям как у шахини персидской.

Конопушка была домашней кошечкой. Во двор она выходила редко, он её пугал. Шумно, беспокойно. А как-то раз её напугали... голуби! Она только было прыгнула с карниза, как фр-р-р! – из-под носа целая стая вылетела, дико хлопая крыльями. Кошка смотрела в другую сторону и потому их не заметила. Обидно было.

Так что Снежинка предпочитала поглядывать на мир с удобного окошечка на третьем этаже, под самой крышей. И в этот раз она, плотненько закусив, уселась на привычное местечко и принялась облизываться. А это было кухонное окно, оно выходило на улицу, комнаты же во двор гляделись. Снежка вылизывается и поглядывает,

что на белом свете делается. А там как раз Коготок смертельные трюки канатоходца откалывал. Кошка даже умываться перестала.

«Ну до чего меня раздражает этот придурак, – с отвращением подумала она. – Вечно куда-то лезет, всё ему неймётся... Колючку ему, что ли, под хвост воткнули? Или на голову кирпич свалился и мозги последние вышиб... Но это же опасно в конце концов!» – уже с тревогой нахмурилась кошка, глядя, как он повис вниз головой. «Нет, это безобразие, надо это прекращать! Он же так убьётся когда-нибудь! Почему его никто не остановит? Идиот, конечно... но не кончать же теперь всех идиотов. Всё, решено: я ему выскажу всё, что думаю!»

– А-а, рыжий, – зевнула Конопушка. – Ну что валяемся-то, как половая тряпка? Давай, отмочи чего-нибудь... Ты ж себя только тогда и чувствуешь хорошо, как дурью маешься.

Она сидела на узеньком карнизе, а Коготок лежал на козырьке подъезда и блаженно жмурился от солнышка. Но от этих слов блаженство мигом куда-то улетучилось.

Он обиженно протянул:

– Почему это – дурью?

Та фыркнула:

– А как же ещё обзывать твои пляски на проводе? Думаешь, я не видела, как ты вниз башкой висел? Ой, какое великое и важное занятие!.. – Она закатила голубые глаза. – И очень интеллектуальное, пардон, а я-то, глупая, не поняла всего сразу... Это такой новый способ мозги от мусора чистить – кровь к ним приливать...

Помянутая кровь заходила в Коготке ходуном. Даже в глазах от злости потемнело.

Подпрыгнул, как резиновый мячик, спину выгнул и зашипел:

– Ты... ты... что ты несёшь вообще, соображаешь?

И тут ещё подал голос маленький котёнок, пригревшийся на соседнем подоконнике:

– Ну з-зачем Коготка обзывать? Он совсем не этот... не антулектный...

Тихонько так и неуверенно промяукал. Но его услышали, и Снежинка рассмеялась:

– А ты прав!.. Да у него не то что интеллекта – у него даже чувства собственного достоинства нет! Лезет во всякую бяку, ерундой занимается... Разве это кот? Фи!.. – наморщила розовый носик и пошла себе по карнизу независимой походкой. На ходу бросила котёнку: – А вы его слушаете, восхищаетесь им.

Коготок ошарашено смотрел ей вслед, даже не сообразив, что ответить. Так мерзко он себя не чувствовал даже когда на него опрокинули ведро с помоями. Было дело – ткнулся как-то одной бабке под ноги, а у той руки дырявые оказались, ведро и вывалилось на чудесную рыжую щётку. Ух, и зол он тогда был на бабку! Перед всем двором его опозорила. На неё тогда хоть дворник наорал – всё-таки какое-то моральное удовлетворение. А на эту, похоже, орать некому, сама на кого хочешь наорёт...

Кот глядел на удаляющуюся белую спину в рыжих крапинках. Спрашивается: чего она такая крапчатая? Пегая какая-то... Надо будет задразнить. Нет, ну чё прикопалась? Ну вот ни с чего совершенно. Да хоть вниз головой он висит, хоть вообще без этой самой головы останется – ей-то какое дело?! Сиди себе, молчи в тряпочку...

Тут рядом снова мякнули, и Коготок воззрился на мелкого свидетеля его незаслуженной взбучки.

– А ну брысь отсюда, – рывкнул он и наподдал котёнку лапой. Да так, что бедный слетел вниз, прямо на клумбу с пионами. И сломал при падении самый большой и красивый цветок. А разъярённый Когтя прыгнул следом и сломал ещё один пион – для комплекта.

Коготок привычным жестом открыл холодильник, подцепил хорошенький кружок колбаски и скинул на пол. Толкнул дверцу, чтоб захлопнулась. Бр-р-р, наверное, опять регулятор на восьмёрку поставили. Вредные всё-таки у него хозяева. А главное, чудные, – наивно полагают, что какие-то несчастные дверцы могут помешать коту на пути к желанной цели!

Слопав колбасу, котяра бесцеремонно взгромоздился на стол и развалился. Хор-рошо!.. Как любой кот, Коготок любил тепло, уют и покой. А уж вкусненьким брюхо набить – ну, это святое...

Но в последнее время как-то всё пошло кверху лапами и вниз ушами. Настроение постоянно мерзкое, не удаётся поднять его даже колбаской. Эта зараза Снежка, чтоб у неё вся шерсть на лапах повылазила!.. То её не видать не слышать было, а тут глянь-ка – взяла моду по двору шастать и шпильки вставлять куда надо и не надо. Не знаешь, как от неё отбрехаться. И ведь именно к нему привязалась, как репей прошлогодний. Нет бы к этому лопухому Ноэлю, который помешан на своих утках и ждёт не дождётся, когда же хозяин снова на охоту отправится... Он вообще смешной, этот Ноэль, и неуклюжий – вечно путается в собственных лапах. Как только эдакий увалень может уток на болотах выслеживать – вообще непонятно.

Ну и дразнила бы его эта конопатая... Или вон Шпика – он всегда взъерошенный, как воробей, ободранный, как бомж у помойки. И манеры соответствующие. Или Ша... ну нет, Шавыча он никому дразнить не позволит. Но это же не значит, что он крайний?! Вон, с Тесёмкой бы поцапалась, та ей живо всю морду раскровянит. Мамаша, спуску никому не даёт, что за себя, что за детей.

Детей... Коготок вдруг хищно прищурился. А что, если этой фифе взять и преподнести такой подарочек? Детишек сотворить... Дарёному коню, как известно, в зубы не плятятся. Как-то она тогда мявкать будет?

Но, поразмыслив, кот откинул этот привлекательный план мести. Во-первых, он не любил грубость, а второе и самое главное – ему хотелось не просто отомстить, а заставить себя уважать и восхищаться. Отдал бы, кажется, копчёную колбаску, да что там – любимую липу под сруб бы пустил, лишь бы Снежка на него не холодно и презрительно посмотрела, а тепло и удивлённо... Ну а уж тогда он не ударит в грязь ни хвостом, ни усом: гордо продефилирует у неё перед носом, скажет что-нибудь... обидное-обидное, плюнет в самую душу. И, распушив хвост, уйдёт. Пропадёт денька так на три, а вернувшись, небрежно уронит: «Ах, какое было умопомрачительное свидание!..» И пусть тогда уже о н а от злости лопается и от зависти на стенку лезет.

Кот поднялся, как следует потянулся и решил, что валяться хватит, а не худо бы пойти прогуляться. Может, развеются всякие паршивые мысли.

По двору бродил Ноэль, уткнув нос в землю и, как всегда, спотыкаясь. На ушах у него торчали какие-то травинки и мусоринки.

– Эй-эй, Ноэль, – окликнул Коготок, – никак охота грядёт долгожданная?

Пёс вздрогнул и поднял смешную морду.

– Фу, ты меня напугал, – вздохнул он. И тут же засветился радостью, как фонарик: – Точно, охота! Хозяин двустволку чистит и приговаривает: эх, и настреляем мы с тобой, Ноэль, уточек! В субботу пойдём, как раз выходные, на пару денёчков... Ух, красота!

И Ноэль перекувыркнулся на траве. Мусору на ушах прибавилось.

– Слушай, а откуда ты узнал? – недоумённо спросил пёс.

Коготок расхохотался:

– Сбегай в лужу поглядишь!.. На ушах у тебя – чёрте-чё и сбоку бантик! А кувыркаешься ты – только когда тебя на охоту берут.

Ноэль обалдело ощупал уши, охнул и начал отряхаться. А Коготок сморщился, будто лимон проглотил, – сзади послышался звонкий ехидный голосок:

– Да Коготок-то у нас, оказывается, дедуктивным методом владеет в совершенстве! Не хуже Шерлока Холмса. Может, и впрямь в сыщики подашься? Будешь преступления распутывать... Сыскной кот! – хихикнула Снежка. – А то такой талант пропадает...

Спаниэль удивился:

– Да какие у нас преступления-то? Отродясь их тут не бывало...

Снежинка фыркнула:

– Ну значит, надо создать прецедент! А то вот этот деятель с тоски зачахнет.

Коготок хотел было, по обыкновению, зашипеть и зафырчать, как чайник, но передумал. Развалился на травке и принялся вылизывать левую заднюю лапу.

– Ладно, ребята, я пошёл, – непонятно с чего сказал Ноэль и затрусил по двору. А Коготок тоже пошёл себе, демонстративно медленно. Он решил тренироваться. И украдкой оглянулся, лишь отойдя на порядочное расстояние. Снежинка растерянно смотрела ему вслед.

Всё так же медленно кот продефилировал до угла. А потом сорвался и помчался, не разбирая дороги. Люди шарахались, принимая его за огненный вихрь мелкого масштаба, машины злобно и испуганно визжали тормозами, а коту всё было до лампочки. «Получилось! Получилось!» – ликовал он. Она удивилась! Она растерялась! Она, небось, не знает, что теперь с ним делать и как себя вести! Зато он знает.

Коготок остановился. «Чего это я бегу как помешанный», – пробормотал он и огляделся. Никогда здесь не был, местечко незнакомое. Это даже ещё и лучше, интересно посмотреть.

Кот не спеша побрёл, принохиваясь и тараща во все стороны зелёные глаза. На асфальте тут и там блестели лужи от ночного дождя. А в них отражалось голубое небо, и лужи казались голубыми. Особенно одна, такой изящной миндалевидной формы. Очень похожа на голубой глаз. А второй... второй озорница прижмурила, подмигнуть решила.

Когтя загляделся на эту лужу. Ему всё казалось, что сейчас откроется второй глазок, такой же голубой и лукавый, и зазвучит ехидный звонкий смех. Ехидный – и... милый...

«Тьфу! Что за поганые мысли лезут сегодня в голову!» – очнулся кот. Прохожие охнули, какая-то легковушка от резкого торможения ввалилась в кювет, а мусорный ящик с симпатичной надписью «Брось в меня!» щедро поделился с мостовой всем, что в него успели набросать. Огненный вихрь вновь загулял по городу.

Рыжий приоткрыл один глаз. Заметил неторопливо ползущего по полу таракана и прижмурил глаз обратно. Можно, конечно, коршуном налететь и пригвоздить рыжего гада (ну натуральные гады! такой замечательный цвет себе заграбастали) острым коготком. Но спросонья заниматься общественно-полезным трудом не тянуло. Пусть лучше хозяева уборку почаще проводят. В конце концов, дихлофосу купят или как там эта дрянь называется... А ему эта вялотекущая война с переменным успехом уже и поднадоесть успела.

Кот завозился, устраиваясь поудобнее на своем любимом диване. Диван старый, местами облезлый и ободранный, но главное его достоинство – в разболтанных пружинах. На них очень хорошо прыгается и кувyrкается, к тому же они так мелодично звенят при этом... И есть такое замечательное местечко, где одна из пружин вообще вылетела, и теперь там уютный прогиб, как раз по кошачьему размеру. Коготок, если ночевал дома, всегда здесь укладывался. Хозяйка всё грозит диван выкинуть да купить новый – интерьер, мол, портит. Слыша подобные заявления, кот возмущённо фыркал: «Где это видано, чтоб интерьер противоречил удобству? Это уже не интерьер, а голубиный помет на голову получается!..» Но денег на новый диван у хозяев всё равно не было, так что можно наслаждаться уютом сколько влезет.

Ага. Сколько влезет. Похоже, в него не лезет уже ни капельки. Кот вертелся и так и эдак, глаза укрыл хвостом от световых раздражителей – бесполезно. Не спится, не ложится, не уютится. А ведь такая дикая рань! Пяти утра, наверное, нету.

Помаявшись ещё минут десять, кот решительно вскочил и лягнул предавший диван так, что тот взвыл на весь дом, моля о пощаде. Но Коготок не стал его слушать, а взял да и ушёл.

Он долго сидел на крыше и смотрел, как тают звёзды. А потом с крыши сиганул прямо в мокрую росную траву. Бр-р-р, хуже, чем в холодильнике! Лапы мгновенно намокли. А потом кот ни с того ни с сего принялся кататься по этой самой мокрой траве. Решил взбодриться холодным душем, раз уж не судьба как следует выспаться.

Мозг работал. Соображал помаленьку: что бы такого отмочить? Чтобы Снежинка ахнула. Планы роились в кошачьей голове, как комары перед дождём. И кот от всех них отмахивался, как от комаров, ничто его не удовлетворяло. Всё казалось мелким, плоским, пошлым, тусклым. Хотелось чего-то огромного, из ряда вон выходящего, а ничего такого не придумывалось.

Всё-таки кот надеялся, что он по ходу что-нибудь сообразит, но Снежинка всё не выходила. Он расстроился: неужели она тоже характер решила проявить? Да её характер и без того уж такой явленный-проявленный, что дальше некуда. А вот поди же ты: целый длиннющий день прошёл, а она не удосужилась выйти для вынесения очередного вердикта. Вот зараза! Обиженный Коготок вгромоздился на липу, свесил хвост и провалился в мрачный сон без сновидений.

А на следующий день его разбудил чей-то всхлипывающий голос: – Снежка! Снежинка-а-а!.. Отзовись, где ты, Конопушечка моя...

Кот продрал глаза и увидел зарёванную Снежинку хозяйку. Она потерянно бродила по двору, заглядывала во все мыслимые и немыслимые закоулки, размазывая по лицу слёзы пополам с грязью.

За ней исподлобья наблюдал барбос Шавыч. В нём боролись противоречивые чувства: он рад был, что эта вредная кошонка куда-то пропала и теперь никто не будет задевать его друга. Шавыч ведь переживал за Коготка, только поделаться ничего не мог: состязаться в остроумии и подколах – не в его компетенции. И теперь он вздохнул с облегчением, что всё это наконец закончилось. Но, с другой стороны, на Таньку невозможно было смотреть без жалости: она поникла, потухла как будто. Казалось, она свою любимицу уже похоронить успела. И Шавычу ужасно хотелось выволочь негодную кошку за ухо к хозяйке, чтобы та повеселела.

Между тем Коготок без всяких раздумий спрыгнул с дерева и подошёл к Тане. И требовательно спросил:

– Когда пропала Снежка?

А надо сказать, когда у человека горе, он становится более восприимчивым. И он может понять много чего такого, на что в иное время и внимания бы не обратил. Девочка даже не удивилась, что с ней говорит кот и она его понимает. Только носом зашмыгала:

– Вче... вчера. Нет, позавчера, наверное. Она днём ушла и... и всё, и не ночевала. Я думала, придёт, а её всё нет и нет... А вдруг она под машину попала? – заплаканные глаза широко раскрылись от ужаса. – Или её живодёры какие-нибудь украли? Ой, нет, нет, Конопушечка, ну как же так...

– Да не ной ты! – резко прикрикнул кот и насупился. Конечно, ни под какую там машину эта зараза не попадёт, скорее у несчастной машины полетит карбюратор или мотор заглохнет, если Снежка перебежит ей дорогу. Но у кота возникли нехорошие подозрения по поводу кошки, ему очень хотелось их развеять, но что возьмёшь с бестолковой человеческой девчонки. Вон, снова в слёзы...

– Сказал, хватит реветь! – гаркнул кот. Подействовало. Он продолжал спокойным, но мрачным голосом: – Подожди пару деньков, сама заявится.

– Не заявится, – прошелестело откуда-то сверху.

Девочка и кот вскинули головы. В кустах сирени, среди перепутанных ветвей, сидел большой сизый голубь.

– Эт-то ещё что такое? – зашипел Коготок. Нет, ну куда катится мир – какие-то пичужки имеют наглость перебивать кота, да ещё возражать ему! Эдакое хамство!

Голубь нахохлился и на всякий случай перемахнул на ветку повыше. И оттуда продолжал:

– Её уболтал попугай Кару. Скользкий тип, никто из птиц его не любит. Он жил у людей какое-то время и нахватался разных словечек, в которых ни бельмеса не смыслит. Ходят слухи, что он подался в местный лес, так сказать, на волю.

– Ну и для чего ты мне травмишь эти байки? – раздражённо прорычал кот. Но тут торопливо заговорила Таня:

– Ой, ты знаешь, куда девалась Снежка? Скажи, пожалуйста, только поскорее!..

– Не знаю, – отрезал голубь. – Досуг мне разбирать дела всяких кошек!.. Я только слышал, как Кару плёл что-то про тюрьму и волю, а потом он полетел, а она пошла следом.

– Но она же вернётся? – спросила девочка.

Голубь похлопал крыльями и зачем-то ткнулся клювом себе под крыло.

– Там, где Кару, там обязательно какая-нибудь гадость, – наконец заявил он. – Это всё, что я могу тебе сказать.

Он сорвался и полетел искать более спокойное и безопасное место.

Как водится, за городом лепились дачные домики с огородами, а за ними начинался Лес. Большой, тёмный и страшный. Но это он только с виду таким кажется. На самом деле он разный: с дремучими чашобами и пёстрыми полянами, с шорохами и шумом. А ещё – с кучей лесного народа.

Ох уж этот народ лесной! Шебутной, бестолковый. Учудят чего-нибудь, а потом сами же страдают. Но, в общем, ничего, жили – шибко не тужили. Порядок всё-таки какой-никакой соблюдался. Хищники в кормёжку себе брали хилых да больных, чтоб те генофонд не портили, а здоровых гоняли по всему лесу от зари до зари. А притеснения какие чинить – это ни-ни! Попробуй только – сороки живо на

хвостах по всему Лесу разнесут славу незадачливому хулигану, с ним свои же собратья здороваться перестанут. А если не помогает – тогда Медведя на помощь кличут, и уж он так-то тепло и дружески бока намнёт безобразнику, что тот ещё долго ходит почёсываясь.

Медведь в Лесу за главного. Вроде регалий никаких не носит, властью своей не кичится, а вот уважают его. Кто ни встретит – всяк ему дорогу уступит и Михайло Потапычем назовёт. И вовсе это никакое не подлизывание – лизоблюдов Медведь терпеть не мог. Как хватанёт такого за шкурку, раскрутит хорошенько да зашвырнёт на верхушку дерева: «Посиди-ка!» А потом ещё слезь самостоятельно. Зубы застучат, поджилки задрожат, и тут уже не до придворных тонкостей.

Но вот неожиданно-негаданно беда приключилась: захворал Медведь. Лежит, встать не может, сопит, кряхтит, и день за днем свечечкой тает. Большой такой мохнатой свечкой. Медведица уревелась вся, медвежата знай себе бегают да кувыркаются – что с малышни возьмёшь? А Медведь лежит и переживает: «Ох-ох-ох! Что же без присмотра в Лесу-то деется?!

А в Лесу – полный беспредел. Лиса поймала Сороку. Да не обычную, а над всеми сороками начальницу. Откусила ей полкрыла и говорит:

– Медведь совсем плох, помрёт не сегодня-завтра. В завещании все свои полномочия передал Волку. И сказал, чтоб тот приступал, не дожидаясь его смерти. Переживает за Лес, беденький, – засветилась сочувствием лисья мордочка. – В общем, ты это разнеси по своим каналам всему Лесу, да поживее.

Сорока встрепенулась:

– Какое завещание? Кто его видел-слышал? Не мог Медведь такого сделать, и вообще он...

Мягкая-мягкая, нежная-нежная лапа легла на вертлявую сорочью шею и выпустила острые-острые коготки.

– Ты что же это, бесстыжие твои глаза, удумала? Неповиновение оказывать? Ну, этого я в Лесу не потерплю!..

– Ай! – вскрикнула бедная Сорока.

Лиса ослабила хватку.

– В общем, марш выполнять что сказано. А будешь возникать... – Лиса прищурилась и облизнулась. – Ты теперь с одним крылышком не улетишь далеко, я тебя найду и съем!

– И учти, – добавила она вслед ковылявшей Сороке, – ты отвечаешь за весь ваш кагал. Если хоть одна из пернатых будет болтать что не положено – твоей голове хана. Так что изволь держать дисциплину.

– Но почему я? – в отчаянии воскликнула пичуга.

Лиса ухмыльнулась:

– Ты главная.

И ушла делиться с Волком своими замыслами. Точнее, с волчьим вожак. Тот, конечно, одобрил, сообщил это стае. Дружным рёвом поддержали, а тут и лесная служба новостей подоспела: сороки на всех ветвях трещат о смене власти.

Только волки – это волки. У них вожак – ну для красоты, что ли. Им ох как не любо, если кто больше остальных себе хапает. Начались претензии, выяснения отношений на всех уровнях – от рыка до клыка. В итоге вся стая стала шастать по Лесу гоголем и качать права направо и налево. Лес по швам затрещал.

Ничего хорошего из этого, конечно, не вышло. Банда серых разбойников круглые сутки выясняет, кто из них тут самый крутой – а как это лучше сделать? Правильно, самоутвердиться за счёт беззащитных лесных жителей. И пошло-поехало: разных там зайце-бурундуков в шеренги строят и назначают, сколько и куда должно прибыть. Чтобы, значит, сами в пасть прыгали. Хилых бракуют, здоровых да упитанных подавай. А хилые тем временем заразу по всему племени разносят... В общем, бардак полный.

И вот нашёлся печальник за всё лесное общество. Выразитель, так сказать, народных дум и чаяний.

Очередное утро началось с суматошного крика:

– Кар-р-раул! Абр-ракадабра!.. Полный мр-рак!

На сосне сидел красно-зелёный попугай с жёлтым хохолком и орал громче петуха на заре.

– Ужас! Катастр-рофа! Светопр-реставление! Р-рвался на свободу, к вольному ветру и пр-риличному обществу, а наткнулся на темноту и невежество. И никакого культурного общения! Только и р-р-разговоров, что про гнезда и яйца.

– Яйца? – облизнулась Лиса. – Ты не мог бы передать этот разговор поточнее?

Попугай поперхнулся и, видимо, решил сменить тему.

– У вас полная анар-рхия! Беспор-рядок. Дезор-рганизация!.. – он перевёл дух. – Я р-решительно выр-р-ражаю пр-ротест!

У подножия сосны собралось уже пол-Леса. И ни Лисе, ни сбежавшимся волкам не понравилось, как глядят на попугая. Вожак уже собрался было рывкнуть как следует, но тут Кару (а это был именно он) заявил:

– Вам нужна хор-р-рошая властная лапа.

Его слова потонули в шуме и гомоне. Кто вспоминал Медведя, кто открыто возмущался, серые бандиты пытались навести порядок... А Кару под шумок слетел к Лисе и что-то зашептал ей на ухо.

– Здравствуйте, – низкий звучный голос разнёсся над поляной.

Его обладатель восседал в самом центре и тряс роскошной золотой гривой, дико выглядевшей в северном Лесу.

– До меня дошло, что Лес ваш богат и процветающ, не хватает только властного правителя для наведения порядка. Можете радоваться: такой правитель найден. Это я, Лев! – он раскрыл пасть и издал такой оглушительный рёв, что даже волки испуганно поджали хвосты. А уж прочие и вовсе попадали на землю и попытались в неё зарыться.

Лев между тем продолжал:

– Как вам известно – а если неизвестно, то я сообщаю, – что порядок держится на строгой иерархии. Вот, скажем, самый главный здесь – я. Моё слово – закон для всех и каждого. Дальше идёт небольшая избранная часть общества. Это должны быть сильные и уважаемые личности, могущие внушить почтение. Они пользуются определёнными привилегиями, их требования должны выполнять все остальные. Кто это будет – я пригляжусь и назначу. Да, и ещё – с сегодняшнего дня все должны соблюдать комендантский час. После захода солнца чтоб никто по Лесу не шастал, а сидел в своём домике. Ночами спать полагается, а не рыскать.

Лев тряхнул гривой, оглядел притихшее зверьё и милостиво добавил:

– Пока можете расходиться.

И все потихоньку, бочком-бочком стали убираться. На поляне остались только волчья стая и Лиса.

Рыжая плутовка подошла к новоиспечённому правителю и враждебно заговорила:

– У вас такая шикарная грива. Мне ещё не доводилось видеть подобное чудо. Но, кажется, она вам несколько мешает? Позвольте, я помогу. – И, не дожидаясь согласия, принялась заплетать львиную гриву в косички.

Лев блаженно откинулся и заурчал от удовольствия, как кот. Его хорошим настроением немедленно воспользовался волчий вожак. Подошёл и хрипло откашлялся. Лев открыл глаза.

– Мы... это... – отвечая на незаданный вопрос, начал вожак. – Насчёт сильных личностей, чтоб, значит, порядок держать. Ребята способные, этому делу обучены...

Прищурясь, Лев оглядел стаю. А те, как по команде, оскалили клыки и зарычали. Хором получилось чуть ли не громче самого Льва. Он послушал, махнул хвостом с кисточкой и ответил жожаку:

– Я обязательно учту ваши предложения, когда займусь вплотную кадровыми вопросами.

И учёл. Как и следовало ожидать. Так что порядок в Лесу воцарился в том смысле, что оказались узаконены беспорядки и произвол.

Кстати, новоявленный правитель оказался беглецом из зоопарка. Предложил ему эту авантюру вездесущий попугай Кару, а Лев, конечно, не дурак – отказываться от подобного. Уговорились, что Лев поцарствует где-то до середины осени, а потом опять вернётся в тёплую клетку. Но лесному народу об этом знать необязательно и даже нежелательно. В целях поддержания авторитета. В клетке Льву мерещились разные сногшибательные властные возможности, и он досадовал, что не может воплотить их в жизнь. И вот представился такой шикарный случай.

Кару своровал ключи у смотрителя, открыл замок – и Лев медленно пошёл по залитым луной и фонарями улицам. Поздние зеваки, завидев его, вопили и удирали со всех ног. Кару летел следом и, хорошо примерившись, тюкал крепким клювом незадачливого прохожего по голове. Отчего тот либо грохался в обморок, либо наступало головокружение, а придя в норму, человек решал, что ему всё привиделось, и шёл себе дальше по своим делам.

Таким манером они дошли до Леса. Лев растянулся на траве и долго втягивал носом влажный ночной воздух.

– Уф!.. – выдохнул он. – Хорошо! – Помолчал и добавил: – Слушай, Кару, но как-то это всё не то. Ненастоящее какое-то. Что мне эти берёзы, сосны и пихты? Что мне эти олени и россомахи? Я не знаю, как они живут, что им надо. Мне тут всё чужое... Я хочу в мою Африку.

– Дур-р-рак! В Африку он хочет! А в Антарктиду тебе не надо? – осведомился попугай. А затем заявил, что всё это сентиментальный бред, который развеется, едва Лев возьмётся за бразды правления. Где-то так и вышло.

Однако государственные дела полной переключки всё же не давали, и Лев решил прибегнуть к более действенному средству. Он решил жениться, справедливо полагая, что жена времени на всякие дурные мысли не оставит. Да она вообще на всё твоё свободное время лапу наложит, и попробуй вякни... Впрочем, Льва это не пугало, наоборот. Но тут возникла проблема.

Где взять подходящую невесту? Достойную стать супругой лесного владыки, да ещё более-менее близкую биологически? Львиц ведь в округе не водилось. А из кошачьих в Лесу обреталась только Рысь, но уж больно она серенькая и неприметная. И репутация у неё скандальная: подраться любит. Лев решительно заявил, что эдакой пятнистой воительницы ему и на дух не надо.

Не надо – никто и не навязывает. Только тогда не жалуйся на одиночество и беспросвет жизни. Лев и не жаловался, только мрачнел всё сильнее и сильнее и рявкал на всех, кто пытался к нему обращаться. Даже на Лису. В самом деле, ну не этой же рыжей жениться?!

И вот как-то после сытного обеда, когда Лев по чьему-то там закону тщетно пытался уснуть, над ухом затрещал Кару:

– Нашёл! Кр-расота! Ух, восхитительна! Ах, обворожительна! Да проснись же ты, стар-рый пень, тебе говор-рят!..

– Ну ты полегче, – лязгнул зубами гривастый. – И помедленнее, а то непонятно ни черта.

– Ему непонятно!.. – закатил глаза попугай. – Да я невесту тебе нашёл! Кошку! Белую, голубоглазую, в рыжих конопушках! Под цвет твоей гр-ривы! Свет ещё эдакой кр-расоты не видывал! А ты всё др-р-рыхнешь!..

Коготок сидел и смотрел куда-то в одну точку. Мрачный как туча, что никак не гармонировало с его солнечным обликом. Снежки не было уже четвёртые сутки, и на случайность это явно не походило.

Он вскочил и начал бесцельно нарезать круги по двору. Пока его не окликнул Шавыч:

– Когтя, да что ты маешься? Сам не свой из-за какой-то несчастной кошки. Другой бы на твоём месте радовался.

– А я – не другой! – выверился кот. – Я сам по себе, какой уродился! И попрошу не указывать, как и что мне делать и чувствовать!..

Тьфу, и причём тут чувства? Совсем у него чердак едет. И на друга наорал ни за что ни про что.

– Извиняй, Шавыч, – хмуро заговорил кот. – Совсем я что-то расклеился. Но мне покоя не даёт, что этот мешок с перьями толковал про какие-то гадости... А вдруг Снежка в опасности? Она, конечно, зараза, но я себе не прощу, если с ней чего случится.

Шавыч только головой качал, глядя на товарища.

– В общем, вот что, – уверенно продолжал Коготок. – Я прижму этого болтуна и вытрясу из него подробности, а потом двину. Вот сейчас и начну, нечего тянуть резину. Прощай, Ша-а-выч!.. Не поминай лихом!..

Последние фразы кот выкрикнул уже на бегу. Пёс тоже что-то закричал в ответ, но разве такого остановишь!.. Только гордо поднятый хвост вдаль виднеется. Как рыжий парус над горизонтом. Шавыч вздохнул и поплёлся в свой тайник за водопроводными трубами.

– ...Когтя, а можно не так быстро?

Коготок резко обернулся. Запыхавшийся Шавыч стоял и улыбался. На спину он приторочил себе какой-то мешок, и теперь не хватало только горба, а так – вылитый верблюд, идущий в караване.

– Ну, чего?

– Как – чего? – удивился пёс. – Это я тебя хочу спросить. Во-первых, чего выяснил, а во-вторых – чего меня бросил? Не очень-то это по-дружески, вообще-то.

– Слушай, ну я же не погулять в соседний двор пошёл! Я... – Коготок сделал страшные глаза и прошептал: – Я в Лес отправляюсь, вот! Её туда увели, зачем – не знаю! И я обязательно разведу, что там творится. А ты нас жди лучше дома, Шавыч. Право слово, лучше здесь подожди.

– Ты жену себе когда заведёшь, тогда будешь ей наказывать, чтоб она тебя дома ждала, – спокойно ответил пёс. Когтя тут же взвинулся и зафырчал что-то неразборчивое, а Шавыч подошёл, за неимением плеч хлопнул его по загривку и сказал: – Пошли, герой-разведчик.

И они пошли. А уже темнело. День вообще выдался пасмурный, какие-то серые облачки всё небо обложили – и с запада, и с востока. Коту темнота, конечно, не помеха, а вот про пса так не скажешь. К тому же оба не представляли, куда, собственно, идти. Коготка где только ни носило, однако за пределы города не доводилось выбирать. А Шавыч вообще не охотник до дальних прогулок. Так что через пару кварталов он решительно предложил перекусить и заночевать, а утречком прикинуть, в какую сторону лучше топать, чтоб побыстрее добраться до окраины.

Коготок, вознамерившийся было идти всю ночь, собрался возразить, но желудок, уловивший словечко «перекусить», заставил пересмотреть столь опрометчивый план. Наблюдая за припасами, которые запасливый Шавыч извлекал на свет божий из своего мешка, Коготок спросил, сглатывая слюни:

– Где ты только набрал этакое добра за один вечер? Не иначе как магазин ограбил?

Шавыч рассмеялся. Взял кость, другу протянул вяленую рыбёшку и ответил:

– Не-а, я не грабил. Просто откладывал про запас, что не портится – мне ведь не каждый день поесть удаётся. А сейчас и пригодилось...

Да ты ешь, ешь, – добавил он, видя, что Коготок застыл с недожёванной рыбой в пасти. – Ешь, оно для того и копилось. Живы будем – хлеба добудем. И косточку сахарную найдём.

Кот послушно принялся жевать, но настроение у него упало до нуля. Выходило всё как-то по-дурачки, и главным дураком оказывался он сам. Кто же отправляется в дальний путь без харчей! Надо было стащить чего из дома, там же полные закрома... Теперь вот придётся объедать Шавыча, а тот и без того перебивается на бродяжьем положении... «Ну ничего, – утешился Коготок, – вернёмся – закачу пир на весь мир и угощу Шавыча кучей вкусностей.» Успокоившись, кот завалился под ближайший куст и тут же уснул.

А пёс уснул не сразу. Он прикидывал, как разузнать маршрут. Наконец пришёл к выводу, что лучше всего добраться до вокзала, а там послушать объявления расписаний, последить за людьми в дачном снаряжении и всё такое. Вроде и сам вокзал стоит при въезде в город, а значит, недалеко от окраины.

Шавыч постоял над спящим Коготком, покачал головой в такт каким-то своим мыслям. Потом улегся рядом клубочком, по давней привычке укрыл хвостом морду и тоже заснул.

– Мур-р-мур-ур-ра!.. – закричал Коготок и галопом припустил по просёлочной дороге. – Притопали!

Вслед за ним тянулся шлейф из собачьих воплей: бдительные сторожа отмечали появление нахала на своей территории. Шавыч, не поспевая за Когтей, на ходу давал разъяснения. Впрочем, в них особой нужды не было: кот стрелой летел к видневшейся тёмной стене деревьев, окрестности его не интересовали.

– Уф! – Коготок плюхнулся на землю с размаха. Он не устал, хотя сердце бешено колотилось от бега, просто решил подождать Шавыча. Посоветоваться: а что же делать дальше? Вертя головой во все стороны, кот заметно скис. Если даже на какой-то паршивой опушке Лес казался чудовишно громадным, что же говорить о его глубинах? Что здесь может сделать обычный домашний, хоть и с уклоном в уличность, кот? Да тут деревья высотой в сто таких, как он! А может, и в двести. Представив же неведомых страшилищ, затаившихся в глухой чаще, Коготок зарылся носом в сухие листья и застонал.

– Ну вот зачем надо было так бежать, – добродушно заворчали у него над ухом. – Сам же и устал теперь. Говорил я – давай помедленнее...

Кот поднялся и, вспомнив растяпу Ноэля, потряс головой, выбрасывая мусор снаружи и изнутри одновременно.

– И ничего я не устал, – заявил он. – Просто мне так лучше думается. А вот...

– Добрый день. Простите за беспокойство, а что вы тут делаете?

По соседней сосне спускалась Белка. На её мордочке как-то причудливо сочетались любопытство и страх. Добравшись до нижней ветки, она нерешительно остановилась.

– Мы... это... А что, у вас по Лесу нельзя ходить, что сразу допросы устраивают? – выпалил Коготок. Шавыч пихнул его в бок, но слово, известно, не воробей. Особенно невежливое слово.

Белка огорчённо взмахнула хвостом и замахала лапками:

– Ой, у нас здесь такое творится!.. Знаете, – она перешла на шёпот, – вы лучше не ходите к нам, право слово. Если жизнь дорога – уходите, и поскорее.

Коготок весь подобрался, будто готовясь к прыжку, и потребовал:

– Поподробнее, пожалуйста, про дороговизну жизни.

Белка затравленно огляделась, потом зажмурилась. Открыв глаза, спрыгнула вниз с видом, будто собралась нырнуть в холодную водичку, не умея к тому же плавать. Снова оглянулась, почему-то задержав взгляд на верхушках деревьев.

От такого поведения веяло жутью, и Шавыч не выдержал:

– Да чего ты боишься, в конце-то концов?

– Птиц, – еле слышно проговорила Белка. Потом, видно, решив, что терять нечего, продолжала нормальным голосом: – Они чуть что заметят неположенное, тут же разносят... И всё, и крышка – из-под земли выволокут.

Она закрыла глаза. Коготок подскочил, потрянул её за шиворот – раз, другой, да так, что зубы застучали. Затем кот сгрёб бедную зверушку в охапку, прижал к стволу и зашипел:

– Выкладывай всё про ваши порядки, и без всяких гроханий в обморок! Тоже мне, кисейная барышня... Нашла кого бояться – паршивых пичужек. Да я им всем перья повыдергаю, если на то пошло.

– Ох, – вздохнула Белка, – они не виноваты. Просто их главную держат заложницей, вот она, понятное дело, и страшает... А так они хорошие, им наша бодяга тоже не нравится... Да кому она нравится-то, кроме кучки сволочей! – вдруг ожесточённо прибавила Белка и сплюнула, что никак не вязалось с её первоначальной робостью.

Она высвободилась из лап растерянного Коготка, поудобнее уселась, взметнула над головой когда-то роскошный, а теперь почему-то облезлый хвост и начала рассказывать.

По ходу повествования кот то и дело вскакивал и бурно возмущался. Шавыч продолжал спокойно сидеть, однако по его физиономии видно было, что он тоже не в восторге, мягко говоря.

– ...А теперь ещё хуже стало, – помолчав, добавила Белка. – Наш правитель изволил влюбиться. И теперь ему совсем на наши дела наплевать, не подступишься. «Все вопросы к моему заму!» – передразнила она. – А этот зам – известный хам, давно на этом поприще прославился, а сейчас и подавно. Да ещё Кару чёртов... Знай орёт себе, какая у нас замечательная жизнь. Надо б лучше, да некуда...

– Кару? – встрепенулся Коготок, услышав знакомое имечко.

– Ага, – кивнула Белка. – Попугай. Доверенное лицо у Льва. Птичка на побегушках. Он ему и невесту откуда-то приволок, вертихвост проклятый... Только, похоже, её согласиём не заручился, она теперь хвостом вертит, Льва динамит, и он ходит как в воду опущенный. И брызгается на всех.

Она продолжала выплёскивать всё, что накопилось на её беличьей душе, но Коготок уже не слышал. В глазах потемнело, сердце заколотилось от злости и желания немедленно броситься на мерзкого Льва и набить ему наглуую морду. Чтоб таким nepотребством больше не занимался и наших кошек не крал!

– Так, – жёстко заговорил он, прерывая Белку на полуслове. – Где эта невеста сейчас находится?

Снежинка с бессильным рычанием кинулась на стену ещё раз и наконец остановилась. Стене хоть бы хны, её и таран не всякий прошибёт, а лапы уже болят. Нежные лапки с розовыми подушечками, привыкшие ходить по деревянному полу и мягкому дивану... Кто бы думал, что доведётся вляпаться в такое...

«Ох, и зачем же я послушала Кару, – в который уже раз с тоской подумала кошка. – Сидела бы сейчас в уютной квартире или гуляла бы вольно... Вот именно! Воли ей захотелось... «Поглядеть на настоящую свободную жизнь!» – сама себя передразнила Снежка. – Как будто Танька для меня была тюремщицей... Перегибала, конечно, иногда палку, но всё же она меня любила... А тут... Загнали в клетку!» – она с ненавистью глянула на своё обиталище, но на большее сил уже не хватило. Снежинка прошла в дальний угол, показавшийся ей более-менее уютным, и свернулась там калачиком, намереваясь хотя бы во сне отключиться от происходящего.

А ведь начиналось всё чин-чинарём. По дороге в Лес Кару, трещавший без умолку, порой выдавал забавные штучки, так что

даже интересно было слушать. И вообще, Конопушка неожиданно обнаружила в себе страсть к путешествиям: оказалось, это ужасно увлекательно. Только вот есть хотелось со страшной силой: за всю дорогу удалось поживиться лишь ошмётком колбасы, причём явно знававшим лучшие времена. Да ещё валялся он рядом с помойкой. Совершенно неподходящее занятие для кошки, знающей толк в еде. Но голод, как известно, не тётка.

И Лес ей тоже понравился. Тесная толпа огромных деревьев, обрушившийся ливень незнакомых запахов, свежий ветер – всё это Снежке очень даже глянулось. А уж когда Кару препроводил её ко Льву, и царь зверей учтивейшим образом поприветствовал городскую гостью, а потом ещё и устроил в честь неё пир – Снежка совсем растаяла, как снежинка на ладони.

Растаяла-то скорее не она, а её свернувшийся в трубочку желудок при виде такого мясного изобилия. Но когда желудок полон блаженства, оно вполне может собрать манатки и перекочевать в душу. И вот, когда блаженство с треском и блеском отпраздновало новоселье и решило, что фиг оно уйдет из такого уютного домика, – вот тут-то всё и началось.

Лев подошел к Снежке, знакомым (откуда бы?..) жестом подкрутил усы, по привычке тряхнул заплетённой в косички гривой и торжественно сказал:

– Милая Снежка! Вы пушисты и обаятельны. Цвет вашей шубки не имеет аналогов. Мне не доводилось встречать подобное изящнейшее сочетание. Позвольте предложить вам лапу, сердце и титул королевы этого Леса. Будьте моей женой.

Блаженство в панике заметалось по домику, ища выход. Домик вздрогнул и зашатался – Конопушка широко раскрыла глаза и уставилась на Льва.

– Нет-нет, что вы, я не гожусь в королевы! И замуж я совсем не хочу... Пока, – добавила она тихо, но лесной властелин услышал.

– Ну что ж, я подожду, пока настанет это «пока». Советую долго не затягивать. Эй, – он лениво махнул хвостом, – приготовьте будущей королеве апартаменты да отведите её туда.

Снежка и глазом голубым моргнуть не успела, как оказалась в пещере. Маленькой и сухой, даже освещённой – под потолком расположилось несколько светлячков. «Апартаменты», – с горечью подумала кошка.

А потом, когда поняла, что произошло, ужасно разозлилась. Кидалась на стены, орала дурным голосом, выкрикивала какие-то

угрозы, да толку. Пришлось смириться с ролью пленницы. И даже отказаться от намерения объявить голодовку – вид и запах свежего мяса, которое Лев распорядился ей доставлять, абсолютно не способствовали этому политическому акту.

Каждый вечер Лев заявлялся к ней в пещеру, с трудом втискиваясь под низкие своды. Спрашивал, не передумала ли она. Снежка реагировала по-разному. Как-то попыталась его разжалобить, плетя трогательные истории о лупоглазой юности, ещё так мало повидавшей на своём коротеньком веку. Не подействовало. Тогда Снежинка решила оправдать своё имя и напустила на конопатую мордочку маску обледенелого спокойствия и воистину снежной гордости и неприступности. Она казалась вылепленной из снега. Зато внутри всё klokотало и бурлило, как вода в чайнике. И когда на следующий день Лев задал свой риторический вопрос, Снежка с бешеным темпераментом набросилась на него. Бедный Лев опомнился только после пятой или шестой царапины на своей морде. Стряхнул кошку на пол, прижал её лапой – она только глазами посверкивала – и сказал:

– Я ведь тоже могу применить насилие. Думаю, вам это понравится даже меньше, чем мне – ваше сегодняшнее поведение. Я всё-таки рассчитываю добиться согласия, не хотелось бы...

Покачал головой и вышел. Придворные, завидя его, ахнули: вся львиная физиономия была залита кровью. Остренькие оказались коготки у милого создания.

А создание совсем приуныло. Ни лаской, ни встряской Льва, как видно, не прошибить. Снежке всё осточертело, хотелось уже одного: провалиться в долгий-долгий сон, чтоб весь этот бред забылся, исчез, не действовал на нервы. Мозги не работали даже на тему «кого разыгрывать в следующий раз». Не хотелось уже никого играть – абсолютно.

Кошка улеглась. Мысли поплыли какие-то вязкие, тягучие... И тут яркой молнией пронеслось: «А что сейчас делает Коготок, интересно? Небось, и не вспомнит. С глаз долой – из сердца вон... А ведь он такой сумасбродный, – Снежка завозилась, вспоминая Когтины выходки и собственные их комментарии. – И чего я, спрашивается, так на него наезжала? Нормальный кот... Симпатичный даже».

В бок впилась какая-то колючая гадость. Раздражённая Снежинка пнула невесть откуда взявшийся острый камушек. Ну что за безобразие, поспать по-кошачьи никак не удаётся! Она плюхнулась на пол и растянулась во весь рост. Совсем не уютно. Но почему-то успокоилась и почувствовала, что засыпает.

«Не-а, Коготок не нормальный, – проваливаясь в желанный сон, подумала кошка. – В нём что-то сумасшедшее... смешное... отважное... Он меня бы точно отсюда освободил, если бы знал. А он не знает... знает... знает...»

Убаюканная своими же мыслями, Конопушка заснула.

– Когтя, так дела не делаются, – увещевал Шавыч фырчащего друга. – Если мы сейчас к нему в резиденцию сунемся, нас сожрут и косточки выплюнут. Там полно хищников.

– Я сам хищник! – оскорблённый Когтя выгнул спину.

– Я тоже, – оскалился пёс. – Только они покрупнее нас раз так в двадцать.

На все доводы кот презрительно махал лапой и хвостом. Тогда Шавыч замолчал, как-то вдруг очень погрузился, пару раз вздохнул и сказал замогильным голосом:

– Мне жаль девочку Таню. Снежка никогда больше к ней не вернётся – ведь её некому будет освободить... Навсегда останется она у коварного и бездушного лесного владыки... Впрочем, что это я? Таня заведёт себе нового котёнка и будет счастлива, а наши судьбы – ну, кому они интересны?

От неожиданности Коготок сел прямо на свой любимый хвост. И оставил на приятеля обалделые зелёные глаза.

– Ты... ты... как ты можешь так говорить? – потрясённо выговорил он.

– Я это к тому, что от живых проку больше, чем отдохлых, – обычным голосом пояснил довольный Шавыч. – К тому же мне очень не нравятся местные порядки. Оно, конечно, в чужом монастыре свои уставы не диктуют, но есть такие уставы, что и подправить не грех...

–...Слушайте! Слушайте все! Бросайте все свои дела и слушайте экстренное сообщение! – закричали на лесных перекрестках сороки.

– Ну разорались, белобоки, – ворчали звери, высовывая морды из нор и всевозможных убежищ. – Небось, опять какую гадость объявить велели... Чего ещё ждать-то...

– Обман! Заговор! Шантаж! Узурпация!.. Диктатура!.. – похоже, умных словечек пичуги нахватились у Кару. Какой-то щеглёнок-желторотик – едва опериться успел – высунулся из гнезда и звонко крикнул:

– Олигархия!

К нему тут же подскочил сзади папа-щегол и принялся воспитывать неслуха при помощи клюва.

Сороки Америки, конечно, не открыли, равно как и несправедливо наказанный щеглёнок. Знали или догадывались об этом практически все. Но какой толк от знания, если ты не можешь им поделиться с соседом, который зарылся в нору – только хвост наружу – и дрожит от страха как листик осиновый? Какой толк от знания, если от рассвета до рассвета слышишь и наблюдаешь нечто совсем противоположное? Сам уже начинаешь верить во всякий бред, а потом и вовсе ни во что не веришь.

Вот поэтому лихорадочные сорочьи выкрики произвели эффект палки, ткнутой в муравейник. Звери недоумённо переглядывались, переговаривались несмело, но всем уже было ясно: что-то случилось, что-то сдвинулось с мёртвой точки. Но вот *что* именно и почему – пока было непонятно.

Лесная «олигархия» тоже прослушала сводку свежих новостей. И ошалела не меньше. Привыкли хищники к повиновению, к тому, что всё в Лесу с их ведома и по их желанию творится. А тут – нате вам пожалуйста! – эдакий кусок льда за шиворот.

Лиса опомнилась первой. С воплем: «Ну я ей покажу!..» кинулась к домику Сороки. Но её там не оказалось. Валялась лишь пара пёрышек, как прощальный издевательский привет.

– Вот же идиоты! – возмутилась рыжая. – Не могли сожрать кого-нибудь другого!

Она хотела учинить допрос, кто из серых олухов съел такую нужную птичку – по сути, рычаг контроля за СМИ! Но пришедшие в себя волки как раз пробовали эти СМИ контролировать – то есть прыгали и щёлкали зубами, пытаясь добраться до наглых пичуг. Разумеется, те только выше взлетали и орали ещё громче и обиднее.

Этот тарарам и бедлам разбудил Льва, по обыкновению прилёгшего после обеда вздремнуть. А ему как раз снилась любимая и невыносимо далёкая Африка. Такой хороший сон был, а тут – бац – шум, гам... Раздражённый Лев заспанными глазами уставился на берёзу, под которой лежал. «Почему у меня перед носом эта берёза? Почему не финиковая или кокосовая пальма? – с тоской подумал он. – Однако, что это они там так разорались... Пойду рявкну.»

Он поднялся и, слегка пошатываясь, побрёл на крики. Остановился. Поглядел малость, послушал, сообразил, что его владычество трещит по швам и прыгнул на середину громадной золотой молнией. А следом, как водится, загремел гром:

– Что здесь происходит?!

От неожиданности все замолчали. Правда, ненадолго: с удвоенной силой затрещали сороки, на Льва со всех сторон полетели жалобы,

претензии, просьбы... Но тут откуда-то выкатился маленький рыжий мячик. Подкатился гривастому под лапы и обернулся котом. Со вздыбленной шерстью и хвостом, задранным по-боевому.

Перекрывая гвалт, он заорал:

– Отдавай Снежку!.. Какое твоё право свободных кошек сманивать и под замок сажать! Катись отсюда в свою Африку и там львицу заводи, а здесь шkodить нечего! Тоже мне, царь зверей... – Коготок перевёл дух. Потом вскинул на Льва дерзкий взгляд: – Отдавай, похорошему прошу. А не то драться будем.

– Драться? Ты? Со мной? – изумился Лев.

– Да! – ответил рыжий наглец, не дрогнув ни голосом, ни единым мускулом.

Он и впрямь не боялся. Его будто подхватил и нёс какой-то поток, бурный и стремительный, как водопад. Коготку и в голову не приходило, что можно разбиться о камни или, скажем, попасть в водоворот...

Лев потряс головой. Протёр лапой глаза. Оглядел такое же обалделое лесное зверьё и жалобно зарычал:

– Я не пойму, вы тут политикой занимаетесь или любовью?!

Кто-то хохотнул, но его не поддержали. Шавыч вздохнул: ну какой же всё-таки дурак этот Когтя, высунулся и всё испортил. Вот что теперь будет, а?

Этот же вопрос терзал всё лесное население. Почти не дыша, все усталились на парочку, замершую в центре поляны: огромный, с печатью властности на физиономии Лев и маленький взерошенный кот, полный решимости отстаивать исконное кошачье право на свободу. Между ними, казалось, даже воздух звенел от напряжения.

Но вот Лев начал вылизывать правую переднюю лапу и за этим занятием небрежно сказал Коготку:

– Ты говорил что-то насчёт Африки... Так вот, если изыщешь способ, как мне туда попасть, – Снежинка твоя.

Кот предпочитал верить своим ушам, равно как и глазам, с первого раза. Поэтому он подпрыгнул, сделал головокружительное сальто-мортале и закричал на всю округу (бедный Лес, столько шуму за один день!):

– Мур-р-мур-ур-ра!.. Да я тебе эту Африку на блюдечко положу с каёмочкой, какой пожелаешь: хоть золотой, хоть голубенькой!.. – не имея ни малейшего представления о том, как это сделать. – Ну, говори, где Конопушка?

Лев истинно царским движением еле качнул лапой куда-то – и Коготок, даже не пожелавший уточнить, что и как, уже нёсся туда на всех своих рыжих парусах.

Шавыч рассеянно поглядел вслед умчавшемуся Коготку. Привычно хотел было обозвать его балбесом – не со зла, по-дружески, – но не получалось. Наоборот, хотелось самому отчебучить что-нибудь сумасбродное.

«Когтя, ну какая же ты зараза», – вздохнул Шавыч. Коту хорошо: он своего добился. Снежка, небось, в осадок выпадет, когда он возникнет на пороге её узилища и воскликнет: «Сударыня, вы свободны!..» Или ещё чего отмочит, уж он это умеет... «А мне-то теперь что делать?! – в отчаянии подумал пёс.

Дело в том, что «подправить устав» Леса Шавыч вызвался совершенно добровольно и бескорыстно. Но на одном бескорыстии, как известно, далеко не уедешь. Так и вышло. Гуляя по Лесу в целях разведки, он наткнулся на молоденькую волчицу. Наслушавшись о серых шкурах разных ужасов, пёс хотел было ретироваться, но любопытство пересилило. Волк-одиночка – это бывает, но чтоб волчица?.. Необычно как-то.

Волчица, несмотря на молодой возраст и женскую ипостась, оказалась толковым зверем. Привилегии своего племени её почему-то не вдохновляли. Она говорила: «Вот мы сейчас едим зайцев без разбора, больше, чем надо, – а кого будут есть наши дети? Так же всех зайцев перевести можно, а потом что – кору дубовую грызть или сразу дуба дать?» На что ей отвечали либо «молчи, женщина», либо в том духе, что надо брать, пока Бог дает, а о будущем заботиться – это дело как раз божье, а не волчье.

«Ещё Бога сюда приплели, представляешь?» – возмущённо рассказывала волчица. Шавыч кивал, гмыкал, сочувственно поддакивал, но сам в ответ мало что поведал. Спросил лишь, много ли ещё в стае здравомыслящих. С недавних пор оказалось немного – вседозволенность пьянила, туманила мозги; раздутое честолюбие действовало как перец, насыпанный под хвост. Волчица (кстати, звали её Чишка) со стаей пореже старалась общаться и Шавычу, как неожиданному понимающему собеседнику, явно обрадовалась. Болтали они долго, условились на следующий день ещё встретиться.

Вот тут-то у пса и появился корыстный интерес в наведении лесного порядка. Ночью, когда беззаботный Когтя дрых без задних лап, Шавыч снова и снова прокручивал дневной разговор. И светло-серая, наверняка мягкая (вот бы потрогать!) Чишкина шерсть казалась ему ореолом давнего идеала, который он в своё время искал-искал, не нашёл да и бросил. Мозги в собачьей голове закрутились с бешеной скоростью.

Шавыч придумал великолепный (как ему казалось) план и рьяно взялся за его осуществление. И ведь кое-что удалось – скажем, расчёт на птиц как на репортёров оправдался. Равно как и на то, что если ликвидировать последствия мерзопакостного шантажа (проще говоря, упрятать подальше Сороку), то и убеждать-просить никого не придётся – здоровая натура возьмёт верх. Так и вышло. А потом выкатился Коготок и всё внимание перевел на себя. Куда ему столько, спрашивается? Нет бы другим малость оставить...

Расстроенный Шавыч помаленьку уже начинал завидовать другу, но тут у него над ухом прозвучало:

– Как здорово!..

Чишка смотрела на него огромными глазами. У неё такие оказались мерцающие глаза, что они прямо затягивали, как водоворот. Пёс и засмотрелся... Очнулся, только услышав:

– Я не думала, что у вас получится что-нибудь.

– Ты это о чём? – встрепенулся Шавыч.

Волчица усмехнулась:

– Слышала я все ваши планы и уговоры. За кустами лежала и подслу-у-ушивала... – протянула она. – Но знаешь, так даже лучше. Красивше, что ли. Твой друг – настоящий герой...

На бедного пса свалилась целая куча чувств: недоумение, радость, ревность... Он уже и не знал, как из-под этой кучи выбираться, но Чишка продолжала:

– Однако ты мне больше нравишься.

Тут пёс и волчица решили, что не худо бы им пойти прогуляться, а то оба устали от большого скопления народа и от шума, им производимого.

А шум понемногу нарастал. Звери мало-помалу стряхивали оцепенение, и всем было непонятно: а что же с Лесом будет дальше?

Волчий вожак соображал туговато, но тут быстро понял, что Лев себя скомпрометировал и во властители больше не годится. К тому же собирается тикать в свою Африку – что ж, скатертью дорога, а нам о родных осинах подумать надо.

Он хрипло откашлялся и начал:

– Значит, так...

Но его перебил глас, раздавшийся с неба. Вернее, конечно, с дерева. Глас оказался до ужаса визгливым и пронзительным.

– Что ты натвор-р-рил, стар-рый дур-р-рак!.. Устр-роил анар-рхию и беспор-р-рядок! Всё пошло псу и коту под хвост! Вот и катись теперь обр-р-ратно в клетку!..

У Кару, похоже, начисто отсутствовало понятие о дипломатии. Лев злобно рывкнул, но попугая уже принялись учить уму-разуму птицы, получившие наконец свободу. Красно-жёлтый болтун давно всем надоел, и теперь только цветные пёрышки летели во все стороны.

Тут бы Кару и конец пришёл, если б чей-то негромкий голос (удивительно, как его вообще услышали) не сказал:

– А ну, отставить самосуд.

На самом краешке поляны, в тени обступивших её деревьев, стоял Медведь. Живой и здоровый. И нахмуренный. Но долго хмуриться ему не удалось, потому как его тут же окружили обрадованным, обиженным и наперебой галдящим кольцом. Так что Медведю пришлось заткнуть уши, чтоб не оглохнуть.

Наконец все малость поутихли. Косолапый отнял лапы от ушей, поглядел на столпившееся вокруг него зверьё. На угрюмых и растерянных хищников, одиноко сидящих на опустевшей поляне. На невозмутимого Льва, делавшего вид, что его здесь уже ничего не касается. Вздохнул и сказал:

– Плохой, видно, из меня Лесу хозяин.

Вот уж этого никто не ожидал услышать, даже распоясавшаяся волчья стая. А Медведь продолжал:

– Хороший хозяин так дела устраивает, что порядок и без него сохраняется. А если стоит ему отлучиться, как уже дым стоит коромыслом – это какая же цена такому порядку и такому хозяину будет?..

– Непр-р-равильная логика! – влез неугомонный попугай. – Хозяин в доме – лад в доме, хозяин со двора – в дому кутерьма! Так люди говор-р-рят.

Медведь почесал в затылке.

– Так у людей в доме всё больше вещи – кастрюли там разные или утюги – а у меня-то живность... Вон её сколько – и зубастая, и клыкастая, и вовсе беззащитная...

– Да выгнать всех этих зубастых и клыкастых из Леса к чёртовой мамаше! – крикнула Белка, высунувшись из укрытия.

– Ага. И превратить Лес в лазарет. А потом в братскую могилу.

– А что, сейчас лучше?! – возмутилась было Белка, но умолкла. В могилу, да ещё братскую, ей никак не хотелось.

Волчий вожак, услышав, что Медведь никого выгонять не собирается, подмигнул Лисе и заявил:

– Вот и я говорю, что мы... того... на общее благо, значит, стараемся. И дальше надо продолжать в том же духе.

Медведь поглядел на него, поглядел и говорит:

– Это я сейчас благое дело сделаю и дух из тебя вышибу. А ну брысь отсюда! – рявкнул он на хищников.

Волков с поляны как ветром сдуло. Они сами постоянно рявкали, а вот чтобы на них кто – отвыкли уже. А тут как-то разом хвосты поджали. А Медведь подумал, что, конечно, наскоком тут ничего не возьмёшь и тычками мозги не вправишь. И от этих мыслей он опять нахмурился и сказал:

– Вы тоже хороши. Позволили сесть на шею. Вам бы бегать от них, следы запутывать, дразнить – а вы сами в пасть прыгаете. Вон серые как разжирели! Боровы, не волки. Развратили-то их вы, а не он, – мотнул Медведь головой в сторону Льва.

И пошёл в свою берлогу.

– Ну вот, – удовлетворённо заявил Коготок, оглядываясь, – эти местечки мне уже знакомы. Ещё пара кварталов – и мы дома.

– Да уж скорей бы, – Снежка даже заприплясывала от нетерпения. – Я так по Танечке моей соскучилась... А уж она-то по мне...

Коготок как-то искоса взглянул на спутницу. Та внезапно рассмеялась:

– Экое ей счастье привалило: вместо одной кошки будет тискать сразу двух! – И уже серьёзно спросила: – Ты ведь будешь ко мне приходить?

Кот насупился:

– Я себя тискать никому не позволял и не позволю!.. И вообще, это ты будешь ко мне приходить. У нас мировецкий диван, в нём такая есть удобная выемка... Просто ужасно уютная. Только мы вдвоём там не поместимся, наверно.

– Ничего, – успокоила его Конопущка, – я тебя оттуда выпихну.

Шавыч плёлся сзади и всю эту кошачью воркотню слушал вполуха. В нём как будто кто-то провёл невидимую черту и разделил напополам. И теперь одна половина хотела поскорее во двор, где знаком каждый закуток-закоулочек, где живёт лучший друг Коготок, разгильдяй Шпик, смешной, но преданный Ноэль... Где у мусорных баков всегда можно найти, чем поживиться. А вторая половина настойчиво тянула в Лес, к мерцающим Чишкиным глазам и её негромкому рычанию-ворчанию. И вообще, Шавыч не хуже Медведя понимал, что в Лесу порядок они толком не навели, потому что одни напуганные, другие озлобленные, и неизвестно, что из этого выйдет.

Вот поэтому пёс был ужасно рассеянный и даже не замечал, где они топают. В конце концов, Когтя полгорода облазил, пусть он и командует парадом.

«Ну я же обычный городской пёс, – думал Шавыч. – Дворянский. Я в городе привык жить. Это мне что же теперь, в Лес переселяться? И всех приятелей за собой тащить? Не могу я без них. А она – ясное дело, дикий зверь, ей сюда никак... И вообще – зачем я ей нужен? Споётся с каким-нибудь молодым волком... А я – интересно, я без неё смогу?»

Шавыч представил, что он никогда-никогда больше не увидит Чишку. Не услышит. И не пройдёт с ней по опушке. Голубое весёлое небо стало серым. Потом представил волчицу рядом с волком. Небо почернело.захотелось зарычать, броситься на первого попавшегося прохожего и искусать его до смерти.

Пёс зажмурился и затряс головой, пытаясь прогнать наваждение. Тут издалека его окликнул Коготок:

– Ша-а-авыч!.. Ты чего там застрял?

Если уж эта влюблённая парочка соизволила заметить его отсутствие, значит, он долго дурью маялся. Пёс с опаской открыл глаза, недоумевающе огляделся и пошёл догонять кота с кошкой, ворча себе под нос: «Что хорошего умудряются находить в любви – не понимаю».

– ...Ты что, оглох?! – хлопнули его по спине.

Шавыч вздрогнул. Перед ним стоял Шпик и возмущался:

– Я вам ещё с карниза кричу, а ты в землю уткнулся и не откликаешься! Я бы понял, если бы вот эти, – он махнул лапой в Когтину сторону, – не реагировали, но ты?..

– А я сейчас ничем от них не отличаюсь, – медленно проговорил пёс. – Разве что меньшей удачливостью...

– Да ну, чё ты мелешь всякую ахинею, – нетерпеливо воскликнул кот, – пошли, поздороваешься с нашими нормально... Мы тут ждём-не дождёмся, когда вы заявитесь наконец...

Он буквально потащил Шавыча под любимую Когтину липу, в тени которой тот уже уютно устроился и повествовал развесившим уши слушателям, что приключилось с ними в далёком и страшном Лесу. Конопушка сидела рядом, и её маленькая белая лапка надёжно покоилась на рыжей лапе Коготка. А тот рассказывал-рассказывал о своих подвигах, наконец выдохся и заявил:

– Мы как-нибудь ещё в Лесходим, нас приглашали. Здорово там, что ни говори. Правда, Шавыч? – обернулся он к другу.

– Здорово, здорово, – мрачно ответил тот. – Вот и ходите. Только без меня.

Кот в растерянности хотел было переспросить, но его опередила Снежинка. Подлетела к Шавычу, спину выгнула и зашипела:

– Ах, вот как? Чишка о тебе так отзывалась... Она от тебя без ума, а ты – побарбосить и бросить?! Ну уж нетушки, – продолжала наступать кошка, – я тебя лично за ухо зубами в Лес приволоку! А там сами разберётесь.

– Ну я же не переселюсь в Лес окончательно! – в отчаянии воскликнул пёс.

– А ты чередуй: недельку здесь поживёшь, недельку в Лесу, – влез Шпик. – Очень даже замечательно будет: смена обстановки – раз, гавкаться не захотите – два. И вообще, разлука подогревает чувства, говорят...

– Говорят всякую бредь, а ты повторяешь! – перебила Конопушка. – Подогревают только слабые и дохленькие чувства, а сильные сами кого хочешь и подогреют, и сожгут...

Куда делась былая её робость, когда Снежка осторожно ставила лапки по карнизу и шарахалась от голубей? Теперь под липой восседала распушившаяся, как весенняя верба, красавица с кошачьим чувством собственного достоинства. Способная постоять и за себя, и (как выяснилось) за других... и при этом трогательно беззащитная и милая. Коготок открыто залюбовался ею. Но тут вредная Снежинка (вот что-что, а вредность при ней осталась, молоко надо бочками возить – для компенсации) сказала:

– Ладно, я домой.

Компьютер завис на самом интересном месте. На финальном суперсложном туре «Больших гонок». Ну как всегда. Таня бешено дёргала мышку, потом принялась молотить по клавиатуре. По всей сразу. Как будто это не «клава», а рояль. Компьютер никак не отреагировал на такое варварское обращение. Тогда девочка с размаху его выключила и, отпихнув стул, так что он закрутился волчком, подошла к окну.

Прижалась лбом к чистому стеклу, за что её всегда ругала мама. Но сегодня такой мерзкий день, что ещё один выговор уже ничего не изменит. Подружка Лиза приехала с Чёрного моря – такая загорелая, высокая, чертовски довольная... Оно бы всё ничего, только вот теперь смотрит она на Таню как на пустое место. Та целое лето торчит в городе, потому как у родителей денег нет, чтобы по курортам кататься. Но это же не значит, что она ноль без палочки?!

Комп осточертел до невозможности. Сидишь за ним целыми днями, потому что больше делать нечего. А вообще, там всё фигня.

«Большие гонки»... Вот когда папа купит велосипед, который обещает уже второй год, и она выкатится на нём во двор, позванивая, а потом помчится всё дальше и дальше по каким-нибудь неведомым местам – вот это действительно будут гонки! И ветер ей будет красиво трепать волосы, как вот вчера в кино показывали по первому каналу.

Воодушевившись таким образом, Таня направилась в кухню – выудить из буфета «Альпен гольд», спрятанный туда мамой. По дороге споткнулась о Снежинкин таз, которым та почти не пользовалась – и вся воодушевлённость с неё как-то разом слетела. Похоже, Конопушки ей не видать как своих ушей. Так вчера сказал папа и пошёл срывать объявления о пропаже кошки, потому что на оставленный номер то и дело звонили какие-то хулиганы и говорили всякие гадости.

Танька посмотрела в большое зеркало, стоявшее в прихожей. Вот уши свои она преспокойненько видит, а Снежинку уже не увидит нигде. Наверное, ей приснилось, как она разговаривала с котом и тот пообещал найти Конопушку. А если даже и не приснилось, то они оба сгинули.

И тут от входной двери послышались какие-то подозрительные звуки. Кто-то настойчиво скрёб чем-то по железной двери. Железо – не самый лучший музыкальный инструмент, к тому же девочке стало любопытно – и, позабыв наказания, она распахнула дверь. Никого. А снизу донеслось: «Мяу!...»

...А вечером состоялся серьёзный разговор.

– Ты что, хочешь сказать, что ходила через весь город в лес? Одна? – ужаснулась мама.

– Да куда она не ходила, – вмешался папа. – Сидела с компьютером – вон, его опять настраивать надо... Таня, мы понимаем, что у нашей дочери богатое воображение, но должны же быть какие-то пределы!

– Папа, ну какие ещё пределы? Если там, правда, Лев, и его надо переправить в Африку, потому что Коготок обещал! Он Снежку так выкупил! А теперь мы должны Льва на родину отправить. Ты же сам говорил, что надо выполнять обещания?!

– Танечка, да успокойся ты, – начала было мама, но тут папа хлопнул себя по лбу и сказал, что в газете месяц назад писали о происшествии в зоопарке – краже хищника, кажется, именно льва. Наверное, до девочки каким-то образом дошла эта история, ну а остальное – полёт фантазии.

Высказав это логичное, но в корне неверное предположение, папа пошёл звонить в зоопарк – выяснять, что и как. Ему сказали, что да, кто-то действительно увёл льва из клетки, но обнаружить ни злоумышленника, ни зверя так и не удалось. На брошенных ключах

от клетки остались какие-то царапины – вот и все следы преступления. Нет, у них уже появился новый лев, старый не представляет для зоопарка интереса, поэтому сообщите спецслужбам. Да, вырос он на воле. Теоретически возвращение возможно, но это всё-таки зоопарк, а не Гринпис.

А Таня спокойненько завалилась спать, используя Конопушку вместо подушки, а утречком, проводив родителей на работу, оправилась в Лес. Нашла там Льва и провела с ним целый день. Он ей неожиданно понравился. И девочка Льву тоже приглянулась: он охотно с ней болтал, позволял сидеть в кольце мягких лап и даже немножко прокатил на спине. Таня не стала ему ничего говорить – ни про кошку свою, ни про то, что он сделал с Лесом. Она по опыту знала, как неприятно, когда тебя ругают. И ещё – что от ругани хочется только ещё больше делать пакости. Так зачем же заниматься таким бесполезным и скучным делом?

Кстати, вопрос с хищником урегулировался достаточно быстро. Льва поймали-таки и посадили в клетку, но!.. с тем, чтобы погрузить в вагон и довезти до ближайшего (каких-то пятьсот тысяч километров) морского порта. А там – на попутный корабль и в Африку. Ну зачем он тут, в средней полосе России, нужен?

Лев сидел у стенки и не смотрел на людей. У него в голове образовался полный бардак. Зацепили Льва слова Медведя про хорошего хозяина, без которого порядок продолжается. «Порядок – это я главный, а остальные меня слушаются! А если меня нет, кого слушаться?» – недоумевал царь зверей. И эта девчонка. Она же вроде и не слушалась его особо, но с ней было хорошо почему-то. «Это что же, мне нравится что-то беспорядочное? Непорядочное... Тьфу! – плюнул Лев. – Или я ошибаюсь в определении порядка? Но этого же не может быть!..»

– Повер-рнись к народу, соня! Мы ему пр-р-роды, а он и смотр-р-реть не хочет! – заверещал кто-то.

Ну, конечно, это был Кару. Он восседал на плече у Тани. Лев обрадовался и подошёл к решётке. А девчонка такая счастливая:

– Лёва, ты знаешь, я с тобой поеду! Мне разрешили! Тут у мамы какие-то старые знакомые. Нет, ты представляешь – я на Африку настоящую погляжу! И вообще на весь белый свет! Вот Лизка упадёт!.. – расхохоталась она. – Это вам не какое-то Чёрное море. – Тут она просунула руки внутрь решётки и принялась тереть львиную гриву.

– И я тоже, – заявил попугай. – Погляжу, какие там пор-р-рядки. Здесь мне всё осточер-ртело. Стар-раешься, стар-раешься, а в благодар-рность тебя заклевать готовы...

«Да, про порядки... – подумал Лев, довольно урча. – Надо будет у неё как-нибудь спросить про них... Так как-нибудь небрежно, невзначай – чтобы не уронить царского достоинства».

...Вечером, баюкая своих котят, кошка Тесёмка приговаривала:

– Спи, мои лапоньки, спи, мои хорошие... Скоро у вас появятся приятели – такие рыжие-рыжие... а может, и конопатые...

– Ну, Тесёмка, – фыркнул Ноэль, – вечно у тебя об одном мысли.

Кошка лениво усмехнулась:

– Я, знаешь ли, реалистка. Ты погляди только – они опять пропали! А ещё хозяйка Снежкина уехала, вовсе некому за ней следить... Так что скоро вам будет с кем играть, пушистики мои, – наклонилась она к котяткам. – А то друг дружку уже перецарапали...

И поглаживая лапой то одного, то другого котёнка, она замурлыкала колыбельную.

2011

Майский снеговик

– Сколько лет живу на свете, а такой погоды не припомню, – сказал пожилой мужчина и поплотнее запахнулся в выдавшее виды пальто. – Ты шарф-то подтяни потуже, чтоб в шею не дуло, – обернулся он к мальчику, шедшему рядом с ним.

Мальчик рассеянно отмахнулся. Он крутил головой во все стороны, подставляя лицо ветру. Крупные мокрые хлопья снега падали на это свежее разгорячённое лицо и тут же таяли. Холодные капли стекали вниз, под небрежно повязанный шарф и дальше, под рубашку, но мальчишке это нравилось. Он спросил:

– Деда, а что, это зима опять вернулась, да?

– Ну вот ещё, зима... – проворчал дед. – Это обычные заморозки на черёмуху. Вишь, как она распустилась...

В крутящейся снежной мгле ничего не было видно дальше пяти шагов. Мальчишка наклонился и схватил горсть снега. Под ним нагло зеленела трава. Хотя, скорее, наглцом вёл себя снег: это уже было не его время.

Снег был мокрый и оттого хорошо лепился. Метнув снежок в черневший ствол дерева, мальчишка на минутку задумался, а потом подпрыгнул и закричал:

– А знаешь что? А давай слепим снеговика! У нас будет майский снеговик, вот здорово!.. Такого ещё ни у кого не было.

Дед тоже закричал в ответ, только сердито:

– Ещё чего удумал! Домой идём, мать ждёт! Сейчас, лепить он будет – без варёжек... Зимой не налепился...

– А я сбегая домой, варёжки возьму, – возразил сорванец. – Снег в мае – он же раз в жизни бывает! Такое нельзя упускать.

– Вот я тебя на парад не возьму завтра, – пригрозил дед.

Мальчик замолчал, обдумывая угрозу, а потом тихо сказал:

– А ведь ни один снеговик ещё не видел парада в День Победы... А им же, наверное, тоже хочется посмотреть.

Дед улыбнулся в усы, но ничего не ответил.

Через пять минут мальчишка снова был во дворе, уже один, но с двумя парами варёжек. Он увлечённо скатывал большой ком, в котором то и дело мелькали зелёные травинки. Скатав его наконец и собираясь приняться за второй, мальчик вдруг обнаружил, что на лужайке снега почти не осталось. Тогда он, недолго думая, перемахнул через низенькую ограду, где в лучшие времена устраивали клумбы. Там стройматериала было предостаточно.

Вместо глаз аккуратно легли чёрные камушки, а руки материлизовались из причудливых веток. Нос – краса и гордость всех снеговиков – почему-то оказался до смешного маленьким: так себе, торчит закорючка какая-то. Но зато мальчишка сделал ему улыбку, что называется, от уха до уха.

– Ну вот, – сказал он, любуясь делом рук своих. – Это мой весенний снеговик. Первый в мире.

И, довольный, убежал домой.

Снегопад закончился также стремительно, как начался. Оседлав ветер, из-за серых туч вылетело солнце и принялось всю навёрстывать упущенное.

Снег на глазах превращался в лужи. А снеговик вместо того, чтоб послушно осесть рыхлой грязной горкой, потянулся, расправил плечи и затоптался на месте.

– Ух ты, – выговорил он, – какое всё зелёное. Чтобы это могло быть?

Неуклюже переваливаясь, он затопал к стоящему неподалёку дереву. Оно оказалось клёном, уже с листьями и серёжками – в общем, в полном ажуре. Капли растаявшего снега невыносимо сверкали, так что снеговик зажмурился.

– Ты почему здесь? – спросил его клён.

– А? Что? – открыл глаза снеговик. – Тут нельзя находиться?

– Тебе – нельзя. Не положено, – зашумел в ответ клён. – Весной снег тает. Ты тоже хряпнешься через десять минут.

– Не буду я хрюпаться, – обиделся снежный человек. – Что за порядки у вас такие: только на свет появился – и уже хрюпайся!

Он зашагал было прочь от такого негостеприимного места, а в спину прилетело:

– Дур-р-рак! Нельзя попир-рать законы пр-р-рироды! Кар! Кар!..

Это раскаркалась старая ворона. Она восседала на перекладине детского городка с видом, будто ей все были должны по золотой монетке.

– Зима ушла давно, весна идёт на смену. Так было и так будет. Что ж ты пр-решь пр-р-ротив заведённого порядка? Ты на что вообще годен, кар, кар-р-р?

– На что годен... – растерянно забормотал снеговик. Он ещё как-то не успел об этом подумать. И выпалил: – А на что надо быть годным?

Ворона чуть не свалилась с перекладины от такой глупости.

– Это уж кто на что способен, – сухо ответствовала она. – Кто вон столбом стоит, – качнула ворона клювом в сторону фонарного столба, – зато по ночам освещение даёт, пока лампочку не вышибут. А у кого мозги имеются, – тут она приосанилась, – тот советы даёт, как оно жить на свете надо.

Снеговик почесал в затылке.

– Не-а, у меня мозгов на советы не хватит, – огорчился он. – Мне бы самому кто дал... И стоять на одном месте я тоже не смогу. Я вот что: пойду лучше похожу и посмотрю, на что ещё можно быть годным.

И он решительно двинулся в сторону улицы, не обращая внимания на хриплый хохот, перемежаемый карканьем.

Улица оказалась ещё более яркой и разноцветной, чем двор. Пестрели рекламные щитки вывесок, мчались, обгоняя друг друга, машины, куда-то спешили люди. Снеговик не знал назначения ни предметов, ни людей, но ему нравился этот шумный и блестящий поток на умытой весенней улице. Он постарался в него влиться и тоже засеменял со всей поспешностью, какую только позволяла его комплекция. Как ни странно, люди на него особо не обращали внимания.

Снеговик шёл-шёл и оказался в парке. Тут он увидел, что люди уже не торопятся, а, наоборот, идут себе медленно, не спеша, и многие держатся за руки. Он тоже пошёл медленнее, а потом совсем остановился и задумался, с кем бы пойти за руку – ведь, наверное, здесь так принято.

Мимо него как раз проходила такая парочка. Парень сказал:

– Смотри, какой симпатичный экспонатик.

– Да, – задумчиво ответила девушка, – он милый.

Она сняла чёрные очки, чтобы получше разглядеть снежного человечка. А потом всё также задумчиво надела их ему. Парень засмеялся её выходке, и они ушли, оставив очки на снеговике. А тот очень обрадовался, что глаза теперь не болят от света.

И вот, вертя головой во все стороны, он сквозь обновку увидел нечто восхитительное. Настолько, что тут же стащил очки обратно и вообще забыл про них.

Снежный человек увидел снежное дерево. Гордое и прекрасное. И такое же, как он, одинокое. Стояло оно поодаль от остальных деревьев: те, видно, не хотели принимать заснеженную красавицу в свой зелёный хоровод.

Снеговик как зачарованный направился к незнакомке.

– Здравствуй, – чуть слышно просипел он и поперхнулся. Откашлялся и начал снова: – Здравствуй. Как тебя зовут?

– Я – черёмуха, – зашелестело дерево. – А ты, я гляжу, снеговик. Как ты до сих пор не растаял?

– Но ведь ты тоже не таешь, – удивился он. – Ты вся в снегу...

Черёмуха засмеялась серебряным смехом:

– Ой, уморил!.. Без пилы распилил!.. Снег! Да это же цветы, глупенький. Май сейчас, всё цветёт... И запах – чуешь, как пахнут мои цветы?

Она склонила ветку к круглому лицу. Но снеговик так расстроился, что ничего не почувствовал.

– Я думал, – начал он, запинаясь, – что это... снег... Белое потому что... Я думал, ты такая же, как я. А выходит ты – отсюда и здесь нужна, а я...

Он повернулся уходить, но черёмуха окликнула:

– Постой. Это даже забавно, что ты снежный. Куда ты торопишься? Давай поговорим, мне скучно стоять тут одной.

И снеговик остался. К нему вернулось обоняние, и он нашёл, что черёмушный запах – лучший аромат, какой ему доводилось вдыхать в жизни (и это была сущая правда). Он мало говорил, всё больше слушал черёмуху. А та болтала без умолку – о зиме и о дождливой осени, о том, с каким нетерпением она ожидала солнечных деньков и вот наконец они настали. Как в прошлом году какие-то мерзкие девчонки обломали у неё несколько веток – не соцветий, а именно веток, – так больно было... Как она приютила в своих ветвях кошку, за которой гнались сразу три собаки... Черёмуха болтала, кокетничала, шелестела, в шутку швырялась лепестками – а снеговик смотрел на неё и думал, что, наверное, это всё-таки снег превратился в какие-то там, как их, цветы.

А потом пришла ночь, и стало очень холодно. Снеговик не понял, но его собеседница на это жаловалась. Опять дул ветер, и тучи прыгали туда-сюда. Одной молоденькой звёздочке надоело, что её то и дело загораживают, она сиганула вниз и угодила прямо на черёмуху. Закачалась на ветках и сказала:

– Ой, как у вас тут хорошо. А то эти серые одеяла невесть что из себя воображают. – Вдруг она как-то потускнела и спросила: – Тут же нет сейчас войны?

– А что такое война? – немедленно влез снеговик.

Звёздочка вздохнула:

– Ох, это людское изобретение... Там стреляют, взрывают, что-то доказывают... Я почему спросила, – зашептала она, – мне тётка такую нехорошую историю рассказывала... Она тоже решила маленько на земле отдохнуть, а пока на небе каталась – на неё один человек желание загадал. А была как раз эта самая война, он загадал на жизнь всего лишь. Не на любовь, не на счастье, не на успех – просто чтоб выжить. Он тётке понравился. Ну а когда она поднялась на небо опять – оказалось, его уже убили. Прямо в ту же ночь. Она тогда сказала, что не будет больше на землю скатываться, что она обманула его, получается. Тётка и мне запрещает, но я всё равно забегаю. Уж больно хорошо на земле...

Черёмуха и снеговик молчали, потрясённые рассказом. Потом дерево неуверенно вымолвило:

– Н-нет... Как кажется, такого у нас нет. Ты не бойся, – продолжало оно уже увереннее, – сейчас всё больше на любовь загадывают, я сама слышала.

– Угу, – проворчала звезда. – Загадывают на любовь, а потом начинают ругаться из-за ерунды всякой, вот и выходит, что звёзды – это так, тьфу...

Черёмуха возмутилась:

– Это уже сами виноваты, нечего на звёзды валить! Ах, это всё происходит оттого, что не все умеют любить...

Она протяжно вздохнула, и этот вздох резанул снеговика по сердцу. Хотя ведь сердце ему мальчишка не лепил, и непонятно, откуда оно взялось, а всё-таки оно было. «Интересно, а я любить умею? – подумал снежный человек. – Я даже не знаю толком, что это такое...»

Тем временем начало светать, и звезда стала прощаться. Глазом моргнуть не успели, и вот она уже улетела домой. А снеговик теперь сам начал говорить. Он говорил не очень связно, часто с запинками, но черёмуха боялась шевельнуть даже маленьким листочком, слушая его.

Выкатилось восходное солнце и облило их розовой краской. И вдруг тишину прорезали непонятные звуки. Снеговик насторожился, как почуявшая добычу гончая. Ему захотелось быть с источником этих звуков. А ещё его охватила страшная жажда действия. Он спросил черёмуху:

– Что это?!

– А-а, я и забыла. Это у людей праздник сегодня, они отмечают конец войны. Помнишь, звёздочка рассказывала? Это марш играют, «Прощание...», «Прощание...» Ох, я не помню, как он называется.

У снеговика загорелись и без того блестящие глаза-камушки.

– Слушай, где всё это происходит?

– Тут недалеко бульвар с памятником, там... Но постой, куда ты? Неужели ты меня бросаешь?

– Я к тебе приду! Обязательно приду! – прокричал снеговик на ходу. – Мне только надо выяснить кое-что...

И он побежал на звук, переваливаясь в такт маршу.

Наверное, у снеговика была хорошая пространственная ориентация. Потому что он добрался-таки до бульвара, хотя музыка уже кончилась. На трибуну влез какой-то маленький лысый человечек и что-то долго вещал в микрофон. Снеговик ничего не понял, да он и не слушал. Он глазел на людей, одетых в одинаковую одежду. До сих пор он видел людей только в гражданском.

Тут снова ударила музыка, и ровные ряды зашагали так же ровно ей в такт. Снежного человека совсем заморозило это зрелище. Он уже собрался было перелезть через перегородку и присоединиться (сомневаясь, правда, – не вытолкнут ли его без пятнистой одежды), как сзади закричали:

– Ура-а-а!.. Мой снеговик смотрит на парад Победы!

И снеговика обняли, но осторожно, чтоб не разломать. Конечно, это был мальчик, который его слепил. На голове у него красовалась фуражка, а за поясом – игрушечный пистолет.

– Зачем всё это делают? – спросил снеговик.

– Ну... Дед говорит, чтобы помнили. А мне так просто нравится – нигде ж больше такого не встретишь... Я, когда вырасту, тоже в армию пойду. А папа говорит, что там делать нечего, её всю поразвалили и ещё там какая-то дедовщина... Дед так и не объяснил, что это такое.

– Ты тоже не всё знаешь? Тоже объяснить просишь, что ли? – удивился снеговик.

Мальчик удивился ещё больше:

– Конечно. Всё вообще никто не знает! А я так ещё не взрослый, конечно, прошу объяснить... Только они редко это делают, – вздохнул он.

Но тут его за шиворот схватил дед и сказал, что в толпе теряться – последнее дело. Мальчишка, нимало не смутившись, взял снеговика за руку-ветку, и они двинулись к Вечному огню. Дед отдал пацану две красные гвоздички, и тот их положил в кучу цветов. Снеговик к огню не пошёл, зато он попал в местечко, где раздавали шарики, и ему досталось целых три штуки. Он ужасно обрадовался – ведь воздушные шарики такие яркие и красивые! Один шарик он тут же отдал грустной девочке – и та улыбнулась.

2011

Король и шут

Пышно убранная похоронная процессия продвигалась к королевской усыпальнице. Вельможи и придворные, одетые в свои лучшие чёрные костюмы, старательно сохраняли на лицах выражение торжественной скорби. Фрейлины и знатные дамы размазывали слёзы, заранее нанеся водостойкую косметику. В протяжный звук церковных колоколов вплеталось воронье карканье.

Среди всего этого скорбного шествия только один человек с большим трудом и неудовольствием пытался выглядеть пристойно. Человек этот тоже был одет в траур, но, в отличие от большинства, этот цвет ему шёл. Возможно, из-за спутанной гривы чёрных волос и тёмно-карих глаз при вампирски бледной коже. А возможно потому, что чёрный цвет составлял отличный контраст с серебряной короной.

Крэн тупо пялился на расшитый изумрудами гроб, прятавший тело жены, и зверел от невозможности пустить везущих дроги коней и всю эту хнычущую толпу в галоп. «Какой же я к чёрту король и повелитель, – с жесточением думал он, – если целых полгода должен буду сидеть тихо, как мышь в норе! А уж от всех этих церемоний с катушек можно съехать! Ну, жёнушка дорогая, ты и после смерти мне покоя не даёшь...»

Не мог же он, в самом деле, наплевать на традиции и обычаи! Человеческие чувства надо уважать... особенно если ты этими людьми управляешь. Вон, в Голубых Песках чернь взбунтовалась и пошла королевский дворец штурмом брать... Потому как тамошний король с обычаями считаться не пожелал и в День Скорби – памятную дату поражения в Пятилетней войне – велел повсюду устраивать пляски

и попойки. Вот народ и взбесился. Просто это стало последней каплей – правительство и раньше не особо о стране радело. Во дворец их, ясное дело, и на порог не пустили, мятежников потом год отлавливали и казнили... а факт всё ж таки невесёлый. Крэн предпочитал обходиться без подобных эксцессов.

Только не надо думать, что Крэн был непроходимым эгоистом и лицемером. Просто его ныне покойная супруга имела столь кроткий и ангельский характер, что король старался как можно реже попадаться ей на глаза. Даже государственные дела вёл в самой дальней, чертовски неудобной комнате – лишь бы лишний раз с женой не связываться. Династические браки, что поделаешь. Контакты крепить надо, и имиджу соответствовать – тоже.

...С трудом борясь с зевотой на полуторачасовом обряде захоронения, Крэн решил: «Завтра же возьмусь за реформирование всей системы – похорон, свадеб, рождений... А то несколько трудно соблюдать принцип "De mortuis aut bene, aut nihil"...»

После этой фразы король помрачнел. Вспомнил мертвеца, о котором мог действительно сказать только хорошее – не для приличий, от сердца. Неделю назад умер его шут. Бэн был отличным парнем. Горбатым уродцем. Но язык его, прямой и острый, как меч, разил направо и налево, всегда попадая в цель. Крэн любил весёлую шутку, пусть даже сдобренную сарказмом. Как умный человек, он понимал все тонкие намёки и частенько к ним прислушивался. Можно сказать, Бэн направлял его политический курс!

И без шута Крэн чувствовал себя как-то... неудобно. Будто на площадь вышел, забыв одеться. А самое поганое – искать и заводить нового сейчас, после смерти королевы... кощунственно как-то. Да и где его возьмёшь – такого же толкового? Это разряженных обалдуюев, что зовутся придворными, можно лопатой грести, а шут – он один...

Как и король.

Вир стоял посреди комнаты, разгневанно уперев руки в бока.

– И думать забудь про этот бред! – возмущённо выговаривал он. – Надо же, удумала: во дворец она подастся, в услужение! Нужна ты там! Ждут тебя там с объятиями распростёртыми!..

– Рабочие руки везде нужны, – возразила дочь. Забившись в уголок, Леста теребила узел с собранными вещами и выжидала удачный момент. Если она вырвется из дома, по улице отец за ней точно не погонится. Даром что столяр простой – понятия о чести и достоинстве у него имеются. Иному дворянину поучиться не грех.

– Рабочим рукам применение и здесь можно найти! Не шарахаясь к чёрту на кулички.

– Конечно. Можно, – покивала Леста. – Например, пойти в трактир к Ригу. Чтобы он имел удовольствие вдоволь меня лапать, а его жена серной кислоты мне в чай поддила из ревности. Или в лицо плеснула.

Вир заскрежетал зубами – опять она заговорила в своём вечном любимом тоне! Нетипичном для женщины. Не клянча, не ноя, не давя на жалость – смеясь. Посмеиваясь – когда зло, когда нахально, а когда так, что слушатели за животики хватались от смеха. Сама же она при этом – ладно если слегка улыбалась.

Вир дочь любил и давно привык к её закидонам. А вот на окружающих это производило не лучшее впечатление – если учесть, что ни подруг, ни парня у Лесты не было. Оно, конечно, не у каждой девушки умирает жених... и не каждую потом дразнят «Леста – мертвяцкая невеста»... но не каждая в ответ на оскорбления будет смеяться. Парни явно предпочитали более предсказуемых и уравновешенных особ.

Но тут до столыра дошёл смысл сказанного, и он взорвался:

– Хватит дурака валять! Никуда ты не пойдёшь! Во дворце, к твоему сведению, любителей лапать ещё больше! Причём совершенно безнаказанно!

Леста молчала. Тикали часы с кукушкой, белокурый пацанёнок в застиранной добела рубаше сидел на подоконнике и играл с отцовским рубанком. Виру захотелось выхватить проклятый инструмент и хорошенько приложить об стену. Потому что он, здоровый работающий мужик, не мог прокормить себя и детей – спрос на его изделия, и без того невысокий, в этом году упал ниже плинтуса. Запасы «на чёрный день» тоже подходили к концу. А не за горами зима, когда собранными в лесу грибочками не пообедаеть...

Леста встала и двинулась к отцу, волоча мешок по полу.

– Ты прав, – кивнула она. – Во дворце развратные нравы...

Вир облегчённо вздохнул. Ну наконец-то в дочке здравый смысл проснулся!

– ...но, надеюсь, ориентация у них всё же нормальная.

После этой нелепой фразы девушка скользнула к выходу. Уже с порога прокричала:

– Отец, не волнуйся! Я всё продумала! Меня никто не обидит!..

«Потому что обижать – это будет моя привилегия», – добавила она про себя.

– Ты с дуба упал, что ли? И мозги последние отшиб? Это моя Милка взяла первый приз!

– А я говорю – подкупили моего жокея! Это сделал ты, Фирс! Иначе б твоей кляче в жизни не обогнать мою чистокровушку!..

– Это у кого тут ещё кляча?! – возмущается Фирс. Но собеседник его уже не слышит – он тянется к чарке и, обнаружив там пустоту, орёт:

– Вина!.. Чёрт вас всех дери – где вино? Я требую!.. – и стучит кулаком по столу. Кулак нечаянно, но оттого не менее смачно впечатывается в огромное блюдо с заливной курицей. Окорочка разлетаются в лица и нарядные костюмы сидящих рядом вельмож. Ну сейчас кулаки будут стучать не только по столу. И не только кулаки, кажется...

Крэн устало прикрыл глаза. Это называется королевский обед. В хлеву, наверно, чище и пристойнее.

Король собрался уже кликнуть стражу – только пьяной драки тут не хватало – как его опередил пронзительный насмешливый голос:

– До чего же хороши куры в нашей славной Тихой Заводе! Их ощипали и зажарили – а они по-прежнему стремятся к полёту! Берите пример с наших пеструшек – сопротивляйтесь до последнего!..

Все заоглядывались. Посредине пирашественной залы стоял шут и нежно позванивал бубенчиками.

Кто-то неуверенно возразил:

– Куры же не летают...

– Если хорошо пнуть – летают все, – сообщил обладатель бубенцов. – Даже господин городской судья, уж на что тяжёлый кошель его к земле тянет...

Не теряя времени, шут подхватил жирную куриную ножку, упавшую аккурат на край стола, и с наслаждением вонзил в неё зубы.

– Какое тебе дело до моего кошелька и до меня, ты, хамское отродье! – вскочил городской судья, сидевший за этим же столом.

– О, о вас отзываются как о почтенном и достойном всяческого уважения человеке, – почтительно отвечив паяц. – Ведь вы в поте лица своего заботитесь о подданных: освобождаете их от бременного богатства, дабы они стали легки, как птицы, – он потряс недоеденной куриной ножкой, – и сумели подобно им воспарить в высь...

Зал взорвался от хохота. Судья побагровел, позеленел, потом начал синеть. Дабы его не хватил удар, сердобольный король велел двум стражникам подхватить бедолагу под белые ручки. А сам обратился к шуту:

– Откуда ты взялся? Месяц как умер мой бывший шут, и нового я не нанимал.

– Шутов не нанимают, они сами нанимаются, – ответил нахал. – А точнее – высказывают из ниоткуда, как черти из коробочки. Давай, король, будем считать, что я – твой персональный чёртик.

Крэн принялся грызть фалангу левого указательного пальца – это у него было признаком думанья. Спору нет, без паяца плохо. Но вот так, с лёту с ветру... В шуты обычно убогие идут, а этот совсем не похож – молоденький такой, светленький... Глаза прозрачные... А ну как он шпион чей? Или подослан его укокошить? Королевская жизнь, она такая – враги за каждым углом мерещатся...

Нет. Всё это мура. Правильно этот тип сказал – шутов не нанимают. Под двуцветным костюмом не прячут отравленный кинжал – а то ещё при прыжке нелепом выпадет.

– Давай будем так считать, – тяжело выдохнул король. – Как тебя называть-то... чёртик?

Тот помедлил, прежде чем ответить.

– Лист.

Осыпались разноцветные осенние листья. Пушистая гостья-зима, погостив положенное ей время, тоже собралась уходить. Снег таял прямо на глазах, а воздух, казалось, грозил опьянить без всякого вина.

Крэн стоял у зеркала и с удовольствием примерял белую рубашку с широким воротом, шитую серебром – конечно же, серебром! Король терпеть не мог золота – считал его вульгарным. В Тихой Заводе даже монету чеканили серебряную. А ржавьём торговали с соседями, привозя домой лунный металл целыми телегами.

Завязав концы рубашки узлом и оставив их так болтаться, король довольно хмыкнул. Он был чертовски рад сменить чёрное одеяние на что-нибудь повеселее. Хорошо ещё, что официальный траур здесь истари длится полгода, а не год, как в тех же Голубых Песках...

– Ваше величество, – поймал его на выходе первый министр. – Траурные дни окончены, и на днях мы собираемся дать бал...

– О! Бал – это прекрасно! – просиял король. – Хочется чего-нибудь праздничного, с размахом, с шиком!..

Он взмахнул руками и сбил очки с носа министра иностранных дел, оказавшегося рядом. И тут же кинулся помогать и извиняться.

– Всё в порядке, – пропыхтел министр, водружая очки на переносицу. – Я хотел сказать, ваше величество, что этот бал будет иметь большое политическое значение.

Крэн скис. Черти бы взяли их вшивую политику! Он хотел простой весны...

– К нам с визитом едет вдовствующая королева Розарии Камелия! – торжественным шёпотом возгласил премьер.

– Следует оказать ей как можно лучший приём, – вторил ему коллега. – Розария – весьма богатое владение. К тому же Камелия – дочь самого Варэндана...

– А-а!.. – зевнул Крэн. – Того самого придурка из Голубых Песков, что собственный народ не уважает?

– Ваше величество!.. – укоризненным хором воскликнули оба министра. Но величество ледяным тоном заявило:

– Я жениться не собираюсь! Говорят, она мужа отравила!.. – и совершенно несолидно сбежало вниз по винтовой лестнице.

Крэн перепрыгивал через три ступеньки. Сейчас он оседлает коня и помчится во весь опор – навстречу ветру, солнцу, зеленеющим полям! Или нет, лучше... Лучше то же самое, только ярче и сильнее. Свист воздуха, разрезаемого надвое огромными крыльями – на огромной скорости.

– Ой!..

Тьфу ты пропасть, какой он сегодня неуклюжий... Служанку, что ли, какую сбил? Голос прямо девчоночий. Красное, синее...

– Лист! Прости, дружище, я не заметил... Вставай!

Шут как будто не замечает протянутую руку. Поднимается сам и говорит:

– Умение падать – часть моей профессии, ваше величество. Так что, можно сказать, вы провели курсы повышения квалификации.

Крэн хохочет так, что слёзы выступают. Отсмеявшись, вздыхает:

– Ох, парень! Ты порой такого отмочишь, такое брякнешь... не знаешь, как и реагировать – то ль плакать, то ль смеяться... то ли голову тебе отрубить, то ли корону мою на неё переложить...

И тут же добавляет:

– Ладно, я убегаю. У меня тут... в общем, дело одно.

Лист смотрит ему вслед. Конечно. Дело. И даже не одно. И наверняка – государственной важности. Он король, и этим всё сказано. И гроша не стоит его хорошее отношение и оценка тупого остроумия. Последнего ломаного затасканного гроша, на который в ярмарочный день побрезгуют продать коробок спичек.

«Я шут, – твердит про себя шут. – Паяц, гаёр, мячик-попрыгунчик на верёвочке. Оторванный от родного дерева листок. Так было всю жизнь. И так будет до самой моей смерти. И ничего иного кроме».

Он разворачивается и тоже бежит по лестнице. Только вверх.

– Её величество вдовствующая королева Розарии Камелия! – объявил распорядитель.

Крэн со скачающим видом перебирал в уме заранее подготовленные фразы. И тут они как-то разом вылетели из головы.

Королева не шла. Эту плавность, эту грацию язык не поворачивался назвать походкой. Казалось, под ногами у неё не паркетный пол – облако... лёгкая гладь моря... Негромкий стук каблучков завершал очарование.

– Добрый день, ваше величество, – зазвучал сильный грудной голос. – Я много лестного слышала о вас, но повидаться довелось только теперь.

Крэн только глазами хлопал. Даже не сообразил, что протянутую руку следует поцеловать.

– Э-э-э... М-м-м... Очень приятно, ваше величество, – выдавил он наконец.

Королева понимающе улыбнулась (боги мои! за такую улыбку душу продать не жалко!) и отошла, плеснув тяжёлой волной волос. Чёрных – как ночь, как вороново крыло... Нет! Как крыло дракона...

Все танцы король танцевал только с ней. Все её просьбы – принести напитки, поднять упавший платочек – кидался выполнять только он. Сперва, конечно, вся мужская часть кидалась. Потом, поняв, что начались Большие Королевские игры, куда простым смертным соваться нечего, коли шкура дорога, – отстали.

Крэн уже оправился от первого шока и теперь распускал все перья, какие только имел. Навёрстывал упущенное. Камелия отвечала ему благосклонностью: улыбалась, хмурилась, ревновала и вызывала ревность, притворно обижалась – чтобы одарить короля взглядом, за который он готов был забыть о своём королевстве.

Под вечер, когда танцы уже наскучили, Крэн сказал:

– Если прекрасная леди позволит, я бы хотел показать ей лучшую диковинку своего дворца.

– О да, конечно, – оживилась Камелия. – Я с удовольствием полюбуюсь на красивую вещь.

– Это не вещь, это... Сейчас увидите. Эй! – приказал он. – Привести Листа!

Придворные вздрогнули: они и забыли, что у их короля может быть такой властный голос. Обычно он разговаривал доброжелательно.

Тонкие изящные брови взлетели вверх:

– Лист?.. Как странно!

– О, это просто чудо какое-то... Ага, вот он! – паяц как раз вошёл в тронный зал. – Ну что, шут! Коль ты мне друг, сослужи-ка службу – потешь нас, да получше!

«Нет! Нет! Только не это!» – заметалось в голове шута пойманной птицей. Сердце ухнуло, упало куда-то в пустоту, растворилось там... и снова принялось стучать как ни в чём не бывало. А тело уже само выдавало нужные нелепые движения, язык – слова...

Как только от смеха не рухнули стены в дворцовой зале – до сих пор непонятно. Гаёр был в ударе. Все глаза и уши приковал к себе этот красно-синий комочек, плетущий байку за байкой, перемежавший каламбур откровенным бредом – на дне которого притаилось что-то очень толковое и нужное... Король даже забыл на Камелию смотреть. А когда наконец посмотрел – поинтересоваться впечатлением – ахнул: руки скрещены на груди, губы сжаты в полоску и чуть кривятся... Он схватил её за плечо:

– Что случилось?!

Королева брезгливо повела плечиком, высвобождаясь. Холодно ответила:

– Терпеть не могу кривлянье и лошадиный гогот, называемый смехом.

– Но я же не знал... Я хотел как лучше... – забормотал Крэн, а затем рывкнул паяцу: – Пошёл вон!

В таком тоне он даже с охотничьими собаками не разговаривал.

Ощущение праздника куда-то пропало. Это почувствовали все. Кто-то велел дать музыки, кто-то тут же шикнул на музыкантов, люди ворчали, гомонили, многие потянулись к выходу... Крэн сидел с таким несчастным видом, что Камелия слегка поморщилась: это в её планы не входило.

– У всех бывают ошибки, – сказала она, положив изящную ладонь на плечо королю. – Но лишь смелый и умный человек может их исправить... – И, наклонившись совсем близко, прошептала: – Надеюсь, ночью вы будете более удачливы, чем днём...

Легко коснувшись губами его щеки, удалилась из зала.

Мешочек, полный серебряных монет, падает на лавку. Вир нетерпеливо подхватывает его. Ух ты! Тяжёлый! А по виду и не скажешь...

Развязывает и принимается считать. А как же! Денежка, она счёт любит. Да и хозяин знать должен, чем располагает.

Сиф, конечно, тут как тут. Глядь – он уже схватил монету и потащил её в рот, на зуб пробовать.

– А ну положи на место!.. Тридцать шесть, тридцать семь... Положи, негодник, кому говорю! Вихры надеру!.. Сорок девять, пятьдесят...

Леста наблюдала за ними как в тумане. Раз за разом окидывала взглядом знакомую до боли комнатёнку, пытаюсь отыскать хоть намёк на былую радость. С каким светлым настроением просыпалась она на этой кровати, вскакивала и бежала – навстречу новому дню, отцу, работе, прохожим!.. Понесло же её в высокие стены, в каменные палаты... Не петь ей больше пташечкой, не смеяться беззаботно...

Вир меж тем считал монеты и приговаривал:

– Ну теперь мы заживём как люди! Семьдесят пять, семьдесят шесть... Умница ты всё ж таки у меня, доченька! Это надо же додуматься... восемьдесят четыре, восемьдесят пять... это надо же додуматься – мужиком переодеться и в шуты пойти! Да эдак умело... девяносто восемь, девяносто девять... чтоб за один вечер эдакую прорву денег получить! Ты и раньше хорошо получала... сто тридцать три, сто тридцать четыре... но то в месяц, а тут – за один раз! За одно же, говоришь, выступление всё это добро? Сто сорок пять, сто сорок шесть... Чего не отвечаешь-то? Сто сорок девять... сто пятьдесят! Всё!

Столяр сгрёб монеты обратно в мешок и завязал его. Подошёл к Лесте, подмигнул:

– Теперь заживём на славу!

– Отец, – тихо заговорила девушка, – обещаю тебе, что все эти деньги пойдут только на тебя и Сифа.

Вир растерялся:

– А ты?..

– Мне не надо.

– Как не надо? Постой, но... Да что случилось-то – на тебе лица нет!

– Лучше бы я никогда не ходила в этот проклятый дворец...

Лучше бы я сдохла с голоду, чем...

– Обидел, что ль, кто? – Вир поднял дочери подбородок и заглянул в глаза. – Ты скажи... Я ему глотку перегрызу, кто бы он ни был.

– Ты не дотянешься до его глотки, – безжизненно ответила Леста, – и я сама перегрызу глотку любому, кто тронет его хоть пальцем!

Вир улыбнулся.

– Опаньки... Влюбилось моё солнышко...

– Да лучше б... – горло сжало спазмом, и незадачливый гаёр бросился на шею отцу, рыдая, захлёбываясь, выплёскивая бессвязными словами свою старую как мир историю.

Столяр долго молчал. Гладил вздрагивающие лопатки и притихшую светловолосую голову. Потом отстранил Лесту и решительно сказал:

– Вот что, дочка. Скажу тебе только одно. Если это и впрямь твой суженый, вместе вы будете. Будь он хоть король, хоть епископ, хоть сам Господь Бог. А ежели никак – значит, не твоя это судьба. И ещё скажу. Мы люди бедные, у нас много чего нет, что у господ водится. Да ты, небось, сама нагляделась. А вот что у нас есть – так это гордость. Достоинство человеческое. Вот его ты никому втаптывать в грязь не давай. А то совсем от тебя ничего не останется.

Он замолчал. За окном всюю свистел Сиф, радуясь привалившей в дом удаче и погожему дню. Неизвестно, чему больше.

– Я это не к тому, чтоб ты до свадьбы себя берегла, как вам обычно говорят, девушкам. Тут молодёжь никогда стариков не слушает... и правильно делает, – столяр усмехнулся. – Я про внутреннее чувство такое... Ну, как бы это...

Вир прищёлкнул пальцами, ища слова. Леста накрыла его руку:

– Не надо. Я знаю, о чём ты.

...От разговора с отцом стало легче. Чуть-чуть. Во всяком случае, по дороге во дворец девушка уже могла замечать цветы у дороги и трель пичужек в кустах. И – хоть и грустно, но всё же – улыбаться.

Луна заливала королевский сад. Серебрила каждую травинку, каждую закрытую цветочную чашечку. То, что оставалось в тени, выглядело чёрным и настолько острым, что казалось – можно порезаться. И посреди всего этого великолепия лежал дракон.

– Привет, – сказал шут, подойдя поближе.

Дракон повернул тяжёлую изящную голову.

– Привет, – прозвучало в ответ низким тембром. – А разве ты меня не боишься?

– А разве ты страшный? – вопросом на вопрос ответил паяц. – Ты симпатичный вполне, – и погладил куда-то чуть повыше лапы. У людей это бы называлось предплечьем.

Дракон оказался не чешуйчатым, а кожистым. Кожа и впрямь была чёрной, а ещё – гладкой, твёрдой и очень горячей. Как будто прислоняешься к стене дома, нагретой солнцем в жаркий день.

Чудище довольно уркнуло и взмахнуло хвостом. От поднявшегося ветра зашумели кусты.

– Обычно от эдакого вида люди шарахаются, – заявило оно. – Хотя я приношу удачу этой стране... По мере сил, – добавил дракон уже тише.

– Вроде талисмана-оберега, да? – спросил Лист, усаживаясь на вытянутой лапе. На ней можно было разместить пару взводов королевского войска. – Интересно, каких размеров должен быть карман, чтобы тебя туда поместить на манер подковы?

Громада затряслась, и мимо шута пронеслись разрозненные огненные язычки. Смеялся дракон так, что ли?

– Вообще-то второе, неофициальное название королевства – Драконья Заводь. Такой вот кармашек... – снова язычок пламени и звук, похожий на лошадиное фырканье, только раза в три громче. – Нет, ну у тебя талант прирождённый – надо же такое словечко брякнуть...

– И ты туда же! – яростно воскликнул гаёр и вскочил на ноги. – Вы все сговорились! Все во мне видят шута, кривляку, клоуна – и ни цента больше! И так всю жизнь!

Дракон опешил от столь внезапного бешеного выпада.

– Но... разве плохо быть шутком? – осторожно спросил он. – Это очень нужная должность... Думаю, король тебя ценит больше, чем весь штат придворных вместе взятых...

– Во-во. Свой парень, хороший друг, ценный кадр, – кивнул Лист. – Да лучше б он меня выгнал или на плаху отправил...

Решив, что подобную неблагодарность надо чем-то объяснять, шут медленно стянул с головы колпак и отбросил в сторону. Светлые волосы упали на плечи. Лицо, в их обрамлении ставшее однозначно девичьим, выглядело симпатично и очень печально.

– Я влюбилась в короля, – сказала Леста. – Трудно представить что-то глупее и провинциальнее.

Если б было чуток посветлее... и если б она чуть повнимательнее взглянула на собеседника, то удивилась бы выражению глаз и физиономии дракона. Он смотрел так, будто перед ним по меньшей мере разверзлась земля и оттуда выскочила куча дюжих чертей с дубинками.

Девушка между тем достала расчёску из кармана двуцветного камзола и принялась расчёсываться. Лунный свет запутывался в прядках, и дракон не мог отвести от них взора...

– А... Э... Как так получилось? – наконец спросил он.

– Ну, не на панель же мне было идти деньги зарабатывать, – фыркнула Леста. – Да на меня бы там никто и смотреть не стал... А шутки и всякие дурачества с детства удавались.

– Дракоша, – вдруг резко сменила она тему, – а ты летать умеешь?

Вместо ответа дракон распахнул огромные крылья и похлопал ими. Мощный порыв воздуха едва не сбил девушку с ног.

– А меня покатаешь?

– А ты не боишься?

– Ты второй раз за ночь об этом спрашиваешь! – она рассмеялась.

Устраиваясь поудобнее на драконьей спине, заявила:

– А тут здорово! У-у-ух ты!..

Взяв резкий разгон, дракон взмыл в ночное небо.

Блюдце из тонкого фарфора, расписанное фирменным серебром Тихой Заводи, падает на пол.

– Какая досада! – поджимает губы Камелия. – Нельзя ли поосторожнее? Это очень красивый сервиз, у нас таких не водится.

– Почему? Мы же его вам экспортируем, – повернулся к ней Крэн и смахнул на пол кружку собеседницы. – Ох ты ёлки-палки... Ну да ерунда, сейчас принесут новый.

Тоном, каким говорит королева, можно в жару охладить шампанское:

– Можно подумать, Крэн, будто ты рос не во дворце. Будто тебя не учили манерам...

– Да ведь посуда бьётся к счастью! – улыбается король. – А я, и правда, не во дворце рос. Меня отдали на воспитание одному отшельнику, я жил у него лет до пятнадцати и даже не знал, кто я...

– Какой ужас! – изящная ладонь прижимается к не менее изящному ротику. – Будущему королю с младых ногтей должны внушать важность миссии, на него возложенной!

– Ну да, – хмыкнул Крэн, – и привить ему манию величия...

Камелия начала что-то возражать... а король припомнил, как на какой-то пирушке одна из герцогинь потянулась к графину с вином и перевернула его. Полетели реплики про «дырявые руки» – с упоминанием места, из коего они, якобы, растут; девица стояла донельзя смущённая и уже собиралась сбежать... Тут шут запел что-то про живительную влагу, про то, как она обильно льётся – и все подхватили. И спели потом ещё много чудесных песен. И никто не напился до свинячих морд, и не бузил. И молодая герцогиня вместо поспешного бегства пела и смеялась со всеми... и так была хороша, что вскоре кто-то из пировавших сделал ей предложение, и король ездил потом на их свадьбу – взяв с собой шута...

А если послушать Камелию? Герцогиню надо было выгнать и выпороть – за несоответствие этикету. И ничего бы не было – ни песен, ни смеха, ни любви... Ни новой семьи у него в подданстве.

Крэн вздрогнул – тонкие пальчики королевы (когда она успела так близко придвинуться?) пробежали по спине и по груди, а жаркий шёпот, казалось, проникал в самое сердце:

– Милый, ну когда же мы объявим о нашей свадьбе? Твой траур кончился, мой – уже давно, чего же мы ждём? Надо скорее объединять наши владения... так будет лучше... для всех...

«Вот так она и Флориана отравила, – с отчётливостью понял Крэн. – Очаровала, околдовала... потом яду в вино, и Розария теперь фактически колония Голубых Песков. Варэндан с них дань гребёт – только успевай подносить. А она свободна как пташка на заре... и ищет нового обалдуя на старую роль. Чудно пташечка распелась... да как бы кошечка не съела».

С трудом высвободившись – ловкие пальчики с груди и живота успели спуститься пониже – король сказал:

– Дорогая, я сегодня не в самой лучшей форме... А что до свадьбы – я оттягиваю её не просто так, а с расчётом. Я собираюсь сделать тебе сюрприз... Он трудоёмкий и затратный, и требует много времени. Но я уверен, тебе понравится.

Камелия надула губки. Потом лукаво спросила:

– А нельзя ли этот сюрприз приурочить к какому-нибудь другому событию? Скажем, к моему дню рождения – он будет осенью, как раз времени хватит... А свадьбу мы бы сыграли сейчас.

«Ну да, – усмехнулся Крэн про себя, – чтобы Тихая Заводь перешла в твоё полное владение. А меня нашли убитым где-нибудь на охоте. Или в пропасть упавшим. Для разнообразия».

– Понимаешь, любимая, – влюблённый вид, полный обожания взгляд, – это такой сюрприз, который можно сделать только на свадьбу. И вообще только раз в жизни по-хорошему. Я всё продумал, – рука вскинута в жесте защиты, – менять уже поздно. Подожди ещё немного, совсем чуть-чуть.

Уф! Теперь дежурный поцелуй... и можно уходить.

«Чёртова политика, – продолжал мысленно ворчать король, направляясь в свои покои. – Всё не как у людей! Но уж Драконью Заводь... мою Заводь – чёрта с два я отдам всяким проходимцам!»

Дракон опустился на берегу моря. С его спины скатилась светловолосая девчушка в нелепом наряде и завопила:

– До чего здорово!.. Всегда хотела увидеть море... Только пешком сюда не доберёшься, и на лошади тоже. Вот если на тебе – другое дело.

Стрельнув лукавым взглядом на своё транспортное средство, Леста с ожесточением принялась выдираться из шутовского костюма.

– Эй, ты чего делаешь?

– Купаться собираюсь, конечно! – пожалала та уже голыми плечами.

Дракон шумно вздохнул. Ну вот, только этого не доставало...

Солнце. Камни. Лениво плещущие светло-зелёные волны. Белое гибкое тело. Не было в нём особого изящества, и грация в движениях не ночевала. Но в жизни, кажется, ничего красивей не видел. Хотя красивей – не то слово, оно холодное какое-то. Милее. Роднее. Ближе. И при-тя-га-тель-не-е... Он снова вздохнул и прикрыл глаза.

– Эх, жаль, меня Крэн сейчас не видит! То-то бы он обалдел! – засмеялась Леста, отжимая мокрые волосы.

– Да. Он бы точно обалдел, – подтвердил крылатый.

Сдружившись с драконом, девушка как-то проще стала относиться ко всему. И к своей неразделённой любви в особенности. Всё-таки собеседник, которому можно всё рассказать, вместе посмеяться или поудивляться, – великая вещь. Леста снова стала собой – солнечной открытой натурой. Шутки с неё сыпались не вымученно, не как реакция на боль, а как неотъемлемая черта характера.

С драконом (он велел себя называть «просто дракон») она встречалась не особо часто, но зато встречи были наполнены до отказа. Они летали, дурачились, травили байки и загадочные истории, шастали по лучшим местам Драконьей Заводе, пугали людей... Пугал, конечно, дракон – в шутку и очень редко.

Обычно он прилетал в дворцовый сад под покровом ночи. Сколько Леста ни пыталась караулить – ей никак не удавалось засечь, когда же именно он появлялся. Вроде бы только что никого не было – как уже маячит, загораживая звёзды, знакомая громада. Девушка даже как-то спросила – не умеет ли он часом невидимкой становиться? Крылатый отшутился, и больше она не спрашивала. Видно считала, что каждый имеет право на тайну.

А в этот раз он подхватил её среди бела дня. Она шла себе спокойненько, воздухом свежим наслаждалась, деньком солнечным... показалось – тучка набежала. А в следующий миг уже барахталась в огромных когтистых лапах этой «тучки».

Эти жутко выглядевшие лапы оказались чертовски нежными и бережными. Правда, потом дракон решил похулиганить и подкинул Лесту в воздух. Потом ещё и ещё. И дразнил: «Теперь ты настоящий Лист!..» На четвёртый раз девчушка умудрилась спикировать ему на спину, и он понёс её к морю на границе королевства...

И вот теперь он наблюдал за ней внимательными карими глазами. Леста только сейчас разглядела, какие у него глаза – большие, влажные и живые. Они бегали туда-сюда... и это было странно – сам дракон был скуп на движения. Немудрено – при таких-то размерах... Но взгляд выдавал натуру деятельную, беспокойную и взрывную – в последнем Леста убеждалась неоднократно. Чуть что – огнём плеваться начинает.

После купания её била дрожь. Июньское солнышко плохо грело... но у Лесты была персональная живая печка. Прижавшись к гладкому боку, она удивилась: он оказался ещё горячее обычного. И тут её осторожно накрыли сверху крылом.

Так уютно девушка не чувствовала себя даже зимой под одеялом. Она свернулась калачиком, теснее прижимаясь к чудищу, и через минуту уже спала.

Дракон застыл каменным изваянием. Для него это была не самая удобная поза, но он согласился бы просидеть так всю жизнь – баюкая в объятьях своё сокровище...

Король тиснул печать под собственной росписью на очередной бумажке и вытер взмокший лоб. Сколько их тут ещё будет... Приказы, указы, жалобы, просьбы... И всё должно пройти через его руки. И его решение – последняя инстанция. Чёрт, да королям надо молоко за вредность выплачивать – бочками!

Хотя нет... Лучше сметану – крынками. Густую такую, жирную...

– И что ты маешься всей этой ерундой? – присела рядом Камелия. – У меня и у отца всё это решается просто: министры сами проставляют смертные приговоры, а мы лишь подмахиваем – не читая.

– А мои министры знают, – сжав зубы, выговорил Крэн, – что если будут стряпать смертные приговоры кому попало, сами загремят на плаху!

– Ну почему же – кому попало... – задумчиво произнесла королева. – Есть определённый круг лиц, на который опираешься... Для них идёшь на уступки, наделяешь привилегиями. Они за тебя потом горой стоят... и всех остальных усмиряют.

Король представил картинку: он стоит посреди кучки придворных, вооружённых до зубов, а их со всех сторон обступает толпа разъярённого народа. Сперва они отбиваются, а толпа всё напирает, всё прибывает... наконец захлёстывает и придворных, и его самого, и катится дальше – сметая всё на своём пути... и вместо Тихой

Заводи – пустыня... высохшие камни, растрескавшееся дно, где раньше весело плескалось море...

Крэн зажмурился и затряс головой, отгоняя дикое видение. Придя в себя, с грохотом впечатал кулак в стол:

– Так! К собачьему чёрту всю эту политику! Свадьба через три дня!
И выбежал из кабинета.

Королева довольно улыбнулась: ну наконец-то лёд тронулся! Этот чудака оказался неплохим любовником... жалко будет его терять. Может, перевоспитать удастся? Он же король всё-таки, в конце-то концов! Не может он быть таким рохлей, каким выглядит! А то бы давно уже заменили на другого – потвёрже да пожётче. Кто белы ручки в крови марасть не боится.

Камелия перелистала бумаги, подписанные королём. Что ни говори, она была умной женщиной и в политических делах разбиралась. И вскоре вынуждена была с неудовольствием признать, что Крэна перевоспитать не получится. Ибо это не лечится. Он оказался болен страшной для короля болезнью – тягой к справедливости. Пытался воздавать людям то, что они, якобы, заслуживали. Удавалось не всегда... но само направление чего стоило! Нет, он безнадежен. Такие не меняются.

Что ж, ему же хуже. Если Крэну по душе роль идиота – он получит возможность сыграть её блестяще. С закономерным финалом, разумеется.

«Надо будет как-нибудь так подгадать, чтобы они с шутком этим проклятым сдохли одновременно, – с внезапной злобой подумала королева. – Это ж надо додуматься – «лучшая диковинка»! Два дурака. Один в колпаке, другой в короне. А разницы никакой...»

Венценосный «дурак» тем временем наслаждался суматохой, вызванной его заявлением. Дворец закипел, как разворошенный муравейник. Крэн прохаживался туда-сюда с видом, какой бывает у кота при мысли о заветной баночке сметаны – свеженькой, со сливочками...

Приустав, король вышел в свой любимый сад – глотнуть кислороду. Из резной беседки доносились голоса.

– Эх, ну и бабёнку я тут отхватил!.. Пальчики оближешь! Грудь – во, бедра – во! И ласковая такая...

– Ну, Фирс, ты совсем обнаглел! И на скачках тебе везёт, и у баб успех... Ты другим-то оставь чего-нибудь!

– А жить надо уметь, – по тону ясно, что Фирс улыбается. – Я чужого не трогаю, мне оно без надобности. А уж своего не упущу, Глен, это ты поверь на слово!

Дружный хохот в беседке и, судя по звукам, кого-то хлопают по плечам.

– Я бы женился, – мечтательно заявляет баловень фортуны. – Уж больно хороша лапочка, да и женой обзавестись всякому порядочному человеку надо... Так ведь незадача – я граф, а Филта моя – в трактире прислугой... Мезальянс получается, а по закону он не проходит у нас, хоть ты тресни.

– А мне короля жалко, – ни с того ни с сего говорит Глен. – Повёлся он на этой ведьме – что только нашёл? Ни кожи ни рожи, а вертит им как хочет. Сначала-то она вроде симпатичной кажется, а поближе приглядишься – с души воротит.

– Мне она с самого начала симпатичной не казалась, – презрительно бросает Фирс. – Я худышек вообще не люблю, а эта ещё корчит из себя чёрте-чё. Вот моя Филта...

Король тихо отступает вглубь сада. Подслушивать, конечно, нехорошо... но без греха, известно, не проживёшь, а Крэн предпочитал обходиться малым злом.

Он пошёл по тропинке, легко попинывая камушки. Интересно, что его приближённые скажут о настоящей королеве?

Лист сидел на дереве – очень подходящее к имени место – и болтал ногами. Он улизнул из дворца, как только услышал про королевскую свадьбу. Леста собиралась вообще завязывать с ролью паяца – шутки зашли слишком далеко. Второй раз смотреть на счастливого Крэна рядом с красавицей Камелией она не собиралась.

Она бы давно ушла – но где бы ещё она короля смогла видеть? Говорить с ним, вызывать то смех, то недоумение, то злость на его живом открытом лице – где ещё? Он даже на монетах вместо собственного профиля, как у добрых людей заведено, чеканил башку какого-то чудища, подозрительно смахивающего на дракона. И что ещё подозрительней – на её крылатого приятеля.

Хотя ничего тут странного нет. Тихая Заводь – Драконья Заводь. Дракон – покровитель страны, защитник, залог удачи и богатства. Наверняка Крэн об этом знает.

«Хоть бы он сейчас прилетел, дракоша мой, – с тоской подумала Леста. – Поболтать с ним, душу отвести, попошаться... и свалить отсюда. Видно, не моя это судьба, прав отец. Он своё счастье с Камелией нашёл... и я где-нибудь своё найду».

Зелёные глаза хищно блеснули: девушка представила, как она отравляет королеву – прямо на свадьбе. Та, вся такая изящная, в

роскошном платье, взмахивает руками в последний раз – и падает бездыханно. Все кричат, суетятся, бегают, ахают... Поздно! Ничем уже не помочь – яд действует мгновенно. Лучший, отборнейший яд из королевской аптеки. Там не мухлюют. А сам король в это время...

Глаза потухли. Вот поэтому розарийская королева может есть и пить без опаски. Лесте плевать было на Камелию и на себя – уж убийство королевы явно будут расследовать с особой тщательностью, тут не отсидишься. Но ломать счастье того, кто тебе дорог... Вот это было выше её сил. А что он счастлив с ней, сомнений нет – последнее время светится, как фонарик ночью.

«Ну где же этот чёртов дракон! – с силой врезала девушка ладонью в ствол. – Когда надо, ничего и никого не дождешься!»

Рука заболела. Дуя на неё, Леста уронила взгляд вниз. Вот так всегда: думаешь об одном, а появляется совершенно другой. Ну хоть полюбоваться напоследок...

Король шёл, засунув руки в карманы и пиная камушки. Ещё и что-то мурлыкал под нос. Свадьба у человека с любимой женщиной скоро – чего ему, спрашивается, недовольным быть?

Остановившись, Крэн огляделся. А в следующую минуту... Лесте показалось, что её солнечный удар хватил или в этом роде что-то. На лужайке восседал её друг дракон! Как обычно, чёрный и матовый. Он развёл крылья, собираясь взлететь... и тут услышал крик изумления.

Несмотря на размеры, дракон обладал поразительным слухом, да и зрением тоже – мог разглядеть лягушку в траве у себя под лапами. К тому же *этой* голос он бы везде и всюду узнал и без подобных ухищрений. Чудище раздвинуло мордой ветви, за которыми прятался шут, и сказала как-то грустно и виновато:

– Привет.

– А... а где король? – тупо спросила Леста.

– Ну... ты же меня засекала, как я понимаю, – вздохнул Крэн-дракон.

Дерево опасно зашаталось от этого вздоха, но девушка даже не заметила. Минуты две она переваривала информацию, пытаясь понять, что кареглазое недосягаемое величество и ставший лучшим другом громадный ящер – одно лицо. Потом со всей силы, какая была, хлопнула по драконьей морде.

– Ты... у меня в жизни друзей не было, я думала – нашла... А это оказалось ещё одним шутовским представлением...

Попытавшись оттолкнуть предательскую морду – это было всё равно, что сдвинуть дом, – Леста съехала вниз, ободрав до крови

ладони и не чувствуя этого. И рванула в ближайшие кусты, оказавшиеся тоже колючими.

Красное и синее. Любовь и боль. Удел шутов. Нет дружбы, нет тепла, нет желания – только смех. Всегда и везде. И ото всех. И потому шуты плачут.

– ...Отпусти меня! Отпусти!.. – забилась Леста, скидывая обнявшие её руки. Такие тёплые, сильные и в то же время бережные. Как драконьи лапы.

Но уши не заткнёшь, и слова проникают внутрь, падают на сердце, полное старых и новых ран. Слова – отрывистые, взволнованные, горячие, бессвязные... Так не врут. Так не врёт именно этот человек – у него другая манера вранья, изученная шутом в совершенстве.

Шут поворачивает заплаканное лицо – и слёзы высыхают от поцелуев. Колпак, жалобно звякнув бубенцами, летит на землю. Вскоре к нему присоединяются два костюма: один – цветной и грубый, другой – из тончайшей светлой материи.

...Последним аккордом в эту груду слетела корона. Ни король, ни бывший паяц этого, конечно, не заметили.

Ничего себе «ванна»! Это целое мини-озеро! Или Крэн тут в своей второй ипостаси плещется?

Хихикнув, Леста с наслаждением бултыхнулась в тёплую воду. Он ещё и лепестков велел насыпать – хорошо хоть на это пошли не розы, а тюльпаны. Розы девушку откровенно бесили своей изощрённостью. То ли дело свежий, чуть резковатый запах красных лепестков на голубой водной глади...

Натягивая платье, она жмурилась от удовольствия и чуть ли не мурлыкала по-кошачьи. Наконец-то нормальная женская одежда! Тонкая, летящая, облегающая фигурку... А ещё – косметика. Немного, совсем чуть-чуть: глаза подчеркнуть. Зелёные, влюбленные, с золотой искоркой смеха на дне... Как это Крэн сказал: «Это единственное ценимое мной золото... Слушай, а ведь правду говорят, что золото намного дороже серебра! Никогда бы не подумал».

И оба рассмеялись.

Спустившись через потайной ход, Леста слегка колыхнула ширму, как было условлено. Только собралась сделать это ещё раз – досуг королю паяться на портьеру в углу – как услышала звуное:

– Я решил не тянуть до послезавтра, а сыграть свадьбу сегодня! И для начала позвольте вам представить мою невесту!

Придворные недоумённо переглядывались – ох уж это величество с его чудачествами... Камелия приосанилась, ожидая обещанного сюрприза. Лесту заметили, только когда она пересекла ползала. Вторую половину Крэн уже вёл её за руку.

– Это... это что? – перекосилось изящное личико королевы.

Король улыбнулся.

– Я же сказал – это моя невеста. Впрочем, я не против это повторить... и велеть протрубить на всю Тихую Заводь – тоже.

– Леста – королевская невеста! Тили-тили-тесто, ты теперь невеста! – выполняя высочайшую волю, завопил Сиф. Вприпрыжку подлетев к сестре, повис у неё на шее.

И тут кто-то изумлённо выговорил:

– Да это же наш шут!..

Кто-то заахал, кто-то принялся протирать глаза и лорнеты и творить заклятья от нечистой силы. Камелия с неистовым воплем: «Чуяло моё сердце!..» бросилась к девушке с явным намерением задушить на месте. Но под ноги ей попался мальчишка, угрюмо заявивший:

– Не тронь Лесту! И вообще лучше проваливай отсюда. Это наш дом, а ты чужая и холодная.

– Да как ты смеешь!.. – от оплеухи Сиф без труда увернулся, и узкая ладонь со всего маху впечаталась в подножье трона.

А Крэн, будто ничего не замечая, велел накрывать столы и теперь объяснял чудесную метаморфозу шута в без пяти минут королеву. А под конец объявил:

– Король может жениться только на равной ему по статусу – так написано в законе. Не думайте, что я нагло нарушаю его. Просто с сегодняшнего дня в силу вступает новый закон – разрешающий мезальянсы. В том числе и для лиц королевской крови в Тихой Заводе.

Зал впал в некоторый ступор от подобного заявления. Одна Камелия зашипела на короля взбешённой кошкой:

– Ах, так?! Смеяться надо мной? Проводить за моей спиной грязные игры?! Ты хоть понимаешь, болван, что это государственное оскорбление? Что я объявляю Заводе войну? И не успокоюсь, пока не сотру с лица земли последнюю здешнюю лачугу, пока тебя и твою девку не приволокут ко мне грязным кровавым мешком?!..

Король слушал молча, только лицо каменело. Когда королеве потребовалась передышка, чтоб перевести дух, он ледяным тоном сказал:

– Будьте так добры, леди, пройдите со мной на крыльцо. Там вы получите ответ на свои справедливые вопросы.

За ними хлынула толпа – по дороге любопытствующих прибавилось. Обведя взглядом пёстрое собрание, Крэн неожиданно подмигнул – мол, не взъщитесь, уж чем богат...

Крики. Ахи. Лёгкая паника. Успокаивающие возгласы самых наблюдательных. Королева хлопается в обморок. Но недолго она в нём валялась – дракон подхватил её и легонько встряхнул. Этого хватило, чтобы у неё застучали зубы как в лихорадке.

– Что, папашке побежишь жаловаться? – загремел дракон. – Мол, не удалось Тихую Заводь к рукам прибрать – король не захотел доверчивым дуралеем быть? Теперь, значит, поставим Заводь в отместку на поток и разграбление?..

Жуткое это было зрелище: огромное разъярённое чудище и визжащая и барахтающаяся в его лапах женщина. Камелия как-то вдруг растеряла всё своё очарование. Не выглядела и беззащитной жертвой, над которой творится насилие. Лицо перекосилось, визг резал по ушам... Ни один из собравшихся мужчин не вступился за неё – а ведь они были далеко не трусы.

– Попробуйте только напасть на нас! Вас встретит гвардия таких, как я! – с этими словами дракон задрал голову и выпустил из пасти залп огня. Пламя, на миг затмив солнце, с шипением метнулось туда-сюда и исчезло. – Так что, дорогая, катись-ка ты из Драконьей Заводы, и дорогу обратную не вспоминай. Окажу услугу сиятельной особе, так уж и быть. Сопровожу до границы.

С этими словами Крэн полетел на запад, унося прочь незадачливую высочайшую гостью.

Вир оглядел стул с облупившейся полировкой и покачал головой.

– М-да... мебели явно отжили свой век, – констатировал он. – Не беспокойся, зятек, всё обтяпаю в лучшем виде! Обновлю вам тут обстановочку. Эх, соскучился я по работе большой и хорошей!.. – столяр аж зажмурился от удовольствия.

– Я вот тут попросил списочек накидать, – Крэн протянул ему листок бумаги. – Что, куда, в каком количестве... С пожеланиями, в каком стиле, – и прочее.

Вир уставился в бумажку.

– Первому министру – стол дубовый, с множеством ящичков... Кресло большое, мягкое, с фиолетовой обивкой... А почему бы не

серо-буро-малиновой в полосочку? – хмыкнул он и двинулся к выходу, продолжая разглядывать список и что-то бормотать под нос.

В коридоре в него со всего маху врезался Сиф, чудом не огрев зажатой в руке поварёшкой.

– А мы сегодня варим суперсуп из обычной курицы! Туда надо только травку запихать особенную, я тебе не скажу какую, и морковь, когда жарить, всё время мешать! И вообще, главный повар сказал, что я буду не овощи со всеми чистить, а экспе... экспиринтировать... ну, создавать новые блюда, короче. Он сказал, что у меня к этому талант, вот.

Своему малолетнему шурина Крэн предложил стать пажом или пойти учиться на гвардейца. Конечно, Сиф выбрал гвардию. Попросил, чтобы его сперва научили на лошади ездить – давно об этом мечтал. А потом как-то заглянул в громадную дворцовую кухню – и вся военная карьера накрылась медным тазом.

Ещё дома он частенько готовил еду, и так мастерски пожарить обычную картошку не удавалось даже Лесте. А уж о том, что он мог сотворить из стакана обычной муки, к тому же грубого помола – и говорить не приходится. А здесь – такой размах! Такие возможности! Не говоря уж о всевозможных ингредиентах, которых Сиф и названия-то впервые слышал.

Заявив, что гвардия в Тихой Заводи и без него круче некуда, пацан нацепил белый передник и такой же поварский колпак. Через пару недель главный повар – пожилой уже мужик – решил, что годика через два он со спокойной душой уйдёт на пенсию. Король же подобным раскладом оказался чертовски доволен – гурман из него был ещё тот.

Хотя в последнее время все как-то подзабыли, как выглядит недовольный Крэн. Нет, он мог вспылить и разбить о чью-нибудь бестолковую голову очередную вазу – но это как-то бледно смотрелось на общем фоне окрылённости. Такого он раньше не испытывал даже в драконьем обличье.

...Стоя у раскрытого в вечерний сад окна, Крэн слышал лёгкий перезвон и сам не заметил, как начал улыбаться. Не оборачиваясь, дождался, пока сзади его несмело обнимут, и закрыл глаза от удовольствия.

Леста попыталась уложить подбородок ему на плечо, но не помогли даже туфли на каблуках. После третьей попытки король не выдержал и сам обнял королеву. Снова лёгкий перезвон, на сей раз уже никем не замеченный...

Женившись на своём шуте, Крэн упразднил эту должность. А чтоб не пропадать добру, бубенчики с колпака велел приделать к короне. Леста заявила, что это лучший свадебный подарок. Как бы ни ворчала она на профессию гаёра – за полгода успела к ней привыкнуть и расставаться не собиралась.

– Может, прогуляемся? – предложила она.

В саду они наткнулись на ещё одну влюблённую парочку, сыгравшую свадьбу в один день с ними. Когда Крэн объявил о «мезальянсе в законе», Фирс тут же бросился седлать коня и во весь опор помчался в заветный трактир, наплевав на все приличия. И вот теперь Филта (платья на её размер пришлось спешно шить на заказ, во всём дворце не нашлось такого размера) сидела в его объятиях с чертовски довольной физиономией. Правда, как-то подозрительно взъерошенная и чуток в мятой одежде... но это уже детали несущественные, верно?

Королевская чета хотела быстренько пройти мимо, чтоб не мешать людям, как Фирс их окликнул:

– Эй, господа ваши величества!..

– Я вот всё хотел спросить, – продолжал он, – что это за новости о гвардии драконов? Положим, легенду о королях-драконах – истинных властителях Тихой Заводи – слышал... а это как понимать? Может, у нас все дворянские роды обращаться могут? Надо бы попробовать, да я не знаю, как...

Король хмыкнул.

– Соврать врагу – грех небольшой, – ответил он. – Нет, Фирс, других драконов тут не водится, я один... Мне другое покоя не даёт. Может, правда, слишком либеральничаю? Вот закон этот о браках межсословных – не все его воспримут так, как вы...

Он с тревогой уставился на счастливую пару. У Лесты на языке вертелась язвительная реплика про образ истинного владыки Драконьей Заводи – непременно с драконовскими ухватками, но она промолчала. В конце концов, этот закон был принят из-за неё.

– Не все, – спокойно ответил вельможа. – Но для короля главное – обеспечить условия, дать возможность... а уж сумеет, захочет ли этим кто пользоваться – то не в его власти. Дурак – он и при либерализме дурак.

Крэн собрался было долго и жарко спорить... но ему не дала Филта, выпалив:

– Ваше величество, а можно увидеть, как вы в дракона превращаетесь? А то Фирс так интересно рассказывал...

Да уж! Об этом гудел весь дворец – и добрая половина Заводи. Старые легенды, оказывается, имеют нечто общее с нынешней действительностью. Что ж, ради осознания этого можно и конспирацией пренебречь...

Крылатая легенда, плавно оттолкнувшись от земли, полетела навстречу уже начавшему темнеть небу.

2011

Про Красную Шапочку: как оно всё было на самом деле

– Ну кончай уже маникюры-то наводить! Солнце скоро закатится, а корова всё недоена! И что ведь за страхолюдство, прости Господи, – как ровно кровью руки измазаны!..

Красная Шапочка поморщилась, но ничего не ответила и аккуратным слоем лака покрыла левый мизинец. Откинулась на стуле и залюбовалась результатом.

– Выкину я всю твою мазильню, – привычно пообещала мать. Но, убедившись, что дочь не пронять, вздохнула и повернулась к печке – с той договориться было проще.

А Шапочка тем временем вскочила и с метеоритной скоростью понеслась в коровник. Метеориты, правда, каблуками не стучат и дверями хлипкими так не хлопают... Взглянув на кучу свежееосыпанной штукатурки, мать загрустила.

Сколько раз она ругала себя, что так распустила дочь! И давала страшные клятвы – с завтрашнего дня... нет, с сегодняшнего вечера взять её в ежовые рукавицы. Но чтобы иметь такие варежки, надо пойти и убить как минимум двух, а то и четырёх ни в чём не повинных ёжиков, а этого мать сделать не могла. Ведь бедные ёжики превратились бы в абсолютно бессмысленные жертвы: Красная Шапочка обладала просто поразительной способностью выскальзывать из любых тисков без какого-либо ущерба для себя.

«Не иначе в отца пошла, – с горечью думала мать. – Он ведь тот ещё ветрогон был... И шапку он эту оставил – ровно в насмешку, а она вцепилась хуже клеща и по сей день таскает...»

Шапка – а вернее, берет с весёленьким помпончиком – всё напоминание об отце Красной Шапочки. Услыхав, что у вечерних прогулочек имеется продолжение, он вспомнил, что у него кончился отпуск. Прямо-таки в этот же день, бывают же такие совпадения. И дела службы самым настойчивым образом призывают его в город. Так боялся опоздать, что даже шапку забыл.

Мать не плакала, не пыталась отравиться или уехать его искать чёрт знает где. Она спокойно родила девочку и назвала её Красной Шапочкой. А когда та подросла и начала вопросы задавать, как ни странно, получила ответ. На следующий день она залезла в комод – и с тех пор носила шапку зимой и летом, объясняя это тем, что раз у неё такое имя, надо ж его подкреплять и оправдывать.

А мать, глядя, как подпрыгивает красный помпончик на светлых локонах, отвергала все предложения выйти замуж, пожить в одной хате или прогуляться по лесу, пособирать грибочков. Сперва отвергала, а потом они как-то сами собой перестали поступать.

Вот так они и жили вдвоём, не бедствовали, а всё же заметно было, что мужика в доме нет. Известно, деревня: забор подправить, кровлю перекрыть, половицы сменить, чтоб не скрипели... Да мало ли чего. Дров тех же нарубить. Соседа, что ли, звать? Дак ему бутылку ставить надо, чего доброго, ещё и распивать пособлять... «Ну их всех к бесу», – думала мать и, поплевав на ладони, сама отправлялась за дровами на жиденькой лошадёнке. А дом понемножку хирел и уже начинал заваливаться куда-то набок. Ну да не в стенах счастье, как известно.

А Шапочке так вообще наплевать было, что в доме творится. Со всякой там уборкой-прополкой она справлялась одной левой, а потом убегала. Ни одна гулянка без неё не обходилась. Но на закате девочка обязательно возвращалась домой, чтоб не беспокоить мать. Мило болтала, с диким аппетитом ужинала и делала вид, что укладывается спать. А дождавшись, когда мать заснёт – ухававшись за день, та моментально отрубалась, – Шапочка выскальзывала из хаты, умудряясь не наступить ни на одну из скрипучих предательниц-половиц, и гулянка продолжалась.

Зато утром девочку надо было поднимать домкратом. Мать уже привыкла к этому и не будила её. Шапочка открывала глаза с четвёртыми, если не с десятými петухами, подымалась с кровати и навёрстывала проспанные полдня с такой бешеной скоростью, что поводов для придинок совсем не оставалось. Кроме одного, вечного и неизменного, – внешности.

Идёт себе по лесной тропинке девочка. Белая кофточка, юбочка средней (очень такой средней) короткости, босоножки плетёные ножки до самых колен обвили... Лес кругом такой приветливый, солнцем щедро залитый. Помпончик на шапке так и прыгает туда-сюда в такт шагам хозяйки, потому как она тоже припрыгивает и пританцовывает. И даже, кажется, что-то напевает себе под нос.

Придорожные кусты зашевелились, хотя лёгкий ветерок давно успел улечься и даже прикорнуть. Как оказалось, ветер здесь был совершенно не причём. На тропинку вышел Волк. Он показался Красной Шапочке просто огромным зверюгой. Может быть потому, что волков она видала только в книжке на картинках. А ещё у Волка на шее был повязан большой малиновый бант.

Волк окинул девочку оценивающим взглядом, облизнулся и спросил:

– Куда, красавица, направляемся в полном одиночестве?

Красная Шапочка остановилась:

– А не мешало бы поздороваться и представиться, прежде чем вопросы задавать. Если так интересно, то иду я к бабушке, жратву ей несую. И у меня, между прочим, времени мало.

– Вай, вай, какая неласковая! – Волк даже прищёлкнул языком от огорчения. – Как же тебя одну-то отпустили, не побоялись? Лес-то – он страшный... не гляди, что такой солнечный – опасно в нём. Личности бродят всякие... нехорошие...

– Вот кроме твоей поганой морды я нехорошего здесь ещё никого и ничего не встречала! – и впрямь рассердилась Шапочка. – Дай пройти.

– Пройти-то я дам, – усмехнулся Волк. – Но попозже.

Он внезапно прыгнул на девочку и сбил её с ног. Да нет, не стал перегрызать ей горло – делать ему, что ли, нечего. На языке уголовного кодекса Волку пришили бы изнасилование малолетних и отправили лет на десять лес валить. Но дальше фронта, известно, не пошлют – он и без того был лесным жителем и внаглую решил этим воспользоваться.

Наконец Волк поднялся, отряхнулся и уже хотел по-быстрому сматывать удочки, как вдруг услышал тихий голос:

– Послушай... Мне понравилось...

Тот ошалело воззрился на Шапочку. Она лежала и смотрела на него огромными синими глазами. Он только сейчас разглядел, что она такая синеглазая. И не было в этих глазах ни страха, ни боли, ни унижения, а одно только любопытство. И живой интерес к его скромной (да уж! скромнее некуда) персоне.

Волк смутился и попятился обратно к кустам. Остановился и начал переступать с лапы на лапу, явно не зная, что делать в такой идиотской ситуации.

Красная Шапочка тем временем села, поправила выбившиеся пряди волос, чуток одёрнула юбку и сказала:

– Мне много раз говорили, что секс – не повод для знакомства, но сегодня я хочу плюнуть на эту фразу. Меня зовут Красная Шапочка, – и протянула ему руку. – А тебя?

Серый разбойник ещё немного потоптался на месте, затем осторожно подцепил девчоночью ладонь своей лапищей и пожал её.

– А я – Волк, – прогудел он. – Просто Волк, – и откашлялся для важности. – Очень приятно познакомиться.

– Мне тоже было приятно. Правда, я ничего не успела понять, ты такой быстрый, прямо не волк, а кролик, – засмеялась девчонка. Она уже вскочила и теперь со всех сторон оглаживала волчью шубу. – Но ты мне понравился, у тебя шерсть такая мягкая. И вообще ты милый.

С этими словами она чмокнула вконец обалдевшего Волка в нос. На чёрной носопыре остался отпечаток красной помады.

– Слушай, может, я тебя... это... провожу, – пришла в волчью голову какая-то идея. – Ты вроде к бабушке собиралась.

– Избавиться поскорей хочешь? Не мечтай, не выйдет. А к бабушке мне и впрямь пора.

Красная Шапочка подхватила корзинку, но, подумав, всучила её Волку. Вот так они и пошли вместе по тропиночке.

Волк наконец вышел из ступора и начал поддерживать непринуждённую беседу. Рассказал он Красной Шапочке, что не обычный он волк, а волк-одиночка. Со стаями не знается, сам по себе живёт и промышляет. Не потрафила чем-то стая – взял да и убежал. Вроде с вожаким чего-то не поделили, не иначе самую зелёноглазую волчицу. У волков ведь с этим просто: не хочешь со всеми жить – вольному воля, иди в одиночки. Таких уважают, побаиваются. С полным на то основанием: одному труднее выжить, многие быстро лапы протягивают. Но если одиночка всё же удержится на плаву, с ним предпочитает не связываться даже хозяин тайги.

Только вот за всё платить надо, за авторитет и силу волка-одиночки тоже. Стая его обратно уже не примет, равно как и волчицу, что с ним сойдётся. Так и будет бродить неприкаянный, а в лунные ночи песни выть – самые тоскливые.

Правда, спутнику Красной Шапочки на все эти высокие и печальные материи было глубоко наплевать. До старости, когда одиночество давить начинает, ему было как пешком до помянутой луны, а лупоглазая юность меж тем успела кончиться. Волк был доволен собой и жизнью и брал от последней, как говорится, всё, что плохо лежало. Слава о его проделках гремела по всему лесу, порой и за пределы выкатывалась.

За разговорами время бежит как породистый рысак, и вот уже за поворотом показалась бабушкина избушка. Нет, без курьих ножек. И даже без деревянного петуха или там конька на крыше. Мрачная такая

и неприветливая избушка. Впрочем, Волку это могло и показаться, потому как он загрузил, поджал хвост, а потом спросил разом осипшим голосом:

– Шапочка, ты... это... может, как-нибудь ещё встретимся, а? На том же самом месте...

– Обязательно встретимся! – Красная Шапочка обхватила волчьи уши и немного потрясла их. – На том же самом месте. Скажем, завтра.

– Завтра? Ур-р-ра! – зарычал зверь. Потом подозрительно уставился на девчонку. – А не обманешь?

Шапочка в ответ засмеялась, подхватила корзинку и побежала к дому. На пороге обернулась, показала язык, а потом скорчила уморительную рожицу и исчезла за дверью. А Волк свернул с солнечной тропинки и поплёлся в тёмный лес.

Теперь надо сказать несколько слов о бабушке.

Лежит себе на кровати старушка – божий одуванчик: охи, ахи, стоны, капризы, причитания, ворчания, угрозы... Ладно, хватит, а то у слушателей завянут уши. Старость, она, как известно, не радость. Но к этой милой старушке куда больше подходила другая пословица: сделал гадость – сердцу радость.

Не любила бабка людей. Затем и перебралась в лесную глушь, чтоб никого не видеть и не слышать. Всё бы хорошо, да вот незадача: скучно без дела валяться. От скуки бабуся заделалась настоящим авантюристом, прямо героем-разведчиком: по ночам прокрадывалась в деревню и устраивала разные мелкие и крупные пакости. Кому дырку в заборе сделает, кому ворота за здорово живёшь дёгтем измажет, а кому и амбар подпалит. А потом идёт обратно, потирая руки и похихикивая.

Зачем ей это было надо, она толком и сама не знала. Просто удовольствие получала таким манером – и всё.

Сказывалась она больной, да и в самом деле больная была. Постоянно у бабуся правый бок кололо – не иначе как печень пошаливала: ведь говорят, что от злости именно печень сильнее всего страдает. Ещё у бабуки была ужасно морщинистая кожа, просто как у Бабы-Яги, так что ей можно было дать лет сто навскидку. А если подумать да приглядеться – то и все двести. На самом же деле это была женщина средней зрелости, ей едва за пятьдесят перевалило.

Старуха терпеть не могла зиму. Ведь зимой приходилось перебираться в деревню и жить семейно. И никакой – только подумайте! – никакой возможности ночью выйти и чего-нибудь сотворить.

Потому как сугробы наметало – дверь не откроешь. Красная Шапочка иногда вылезала через дымоход и, утопая в снегу по самые уши, расчищала проход.

Бабка брала реванш, отыгрываясь на домашних. Терроризировала их со страшной силой, секрет которой заключался в не менее страшной слабости. Красная Шапочка тоже не любила зиму: из-за бабки, из-за холода, необходимости лазить по дымоходу, а потом отмываться в семи водах, а пуще того – из-за вынужденного сидения в четырёх стенах.

Но сейчас лето только начиналось, дни стояли солнечные, ночи – тёплые и пахучие, и обе были довольны: и бабушка, и внучка, каждая на свой лад.

– Вот мой дом. – Волк галантно пропустил Красную Шапочку вперёд.

Ничего себе «дом»! Да это же натуральная пещера! Маленькая и тёмная, только под потолком прорублено небольшое окошечко. Камни у стены сплошь покрыты шкурками, и всё заячьими. В углу – куча старых обглоданных костей, пол не метён... В общем, типичное жилище холостяка.

Однако Волк тут же развил бурную деятельность по приведению жилища в приличный вид. Выволок откуда-то веник и принялся им размахивать. Поднял пыль столбом и сам же расчихался.

Шапочка рассмеялась – уж больно потешный вид был у чихающего Волка с веником в лапе, которой он пытался утереть чёрный влажный нос. Лапа тоже была в пыли, так что чихи следовали один за другим, как пулемётная очередь.

– Да давай я сама уберу, – наконец не выдержала она.

– Ни-ни, ни в коем случае! Ты гостя. Я сейчас... – зверь выкатился за порог и сунул бедный нос в траву. Полегчало моментально. Да и надо признать – он больше дурачился, развлекая девчонку. Но хватит – надо быстрее кончать с уборкой и приступать к развлечению более интересному. На мягких шкурках ей наверняка будет удобнее, чем на голой траве...

– Я, понимаешь, редко здесь бываю, – оправдывался Волк, сметая с потолка наглых пауков вкупе с их творениями. – Где спать захочется, там и заночую. И добычу удобнее разделять на месте...

– Тогда зачем тебе вообще дом? – спросила Красная Шапочка.

– Как зачем? Надо знать, что он есть, что в любой момент сюда можно прийти... что он мой и только мой! – стукнул Волк кулаком

по венику. Сперва хотел по стене, но вовремя передумал. – Надо же сзади чувствовать тыл, где спокойно, уютно...

– Уютно! – Шапочка фыркнула. – Завёл бы лучше волчицу какую... Она б тебе и уют навела, и ждала бы каждый раз. А то возвращаешься в холодную и грязную камеру-одиночку.

– Ты не путай Божий дар и яичницу! – Волк рассерженно потряс головой, даже зубы лязгнули. – Я баб терпеть не могу, вся их порода такая – прицепится, так свету белого не взвидешь. Мне такой хомут на шею не надобен. Под кустик прогуляться – это другое дело, это я очень даже уважаю, а чтоб всерьёз связываться... Пусть из моей шкуры охотники решето сделают, ежели я введу бабу в дом! – закончил он с убеждённой фанатикой.

– Но меня же ты ввёл, – склонилась набок головка в красной шапочке. И взгляд – такой ехидный-ехидный...

– Тебя... Ты... – неожиданно растерялся Волк. Прямо-таки замер сталагмитом пещерным. – А ты... а ты не баба, вот. – Выдав сей оригинальный бред, он совсем по-собачьи улёгся у её ног и голову на колени положил в придачу.

– Ну не баба. Женщина. Девушка, девчонка – всё равно я женского рода, – как несмышлёнышу втолковывала ему Красная Шапочка. А руки уже как-то сами начали теревить волчьи уши.

– Всё это чушь заячья! Нет в тебе ничего, что я в женском роде ненавижу. Они все трусливые, порядочные, расчётливые и въедливые до ужаса.

– Как видно, ты много знаешь о женщинах, – усмехнулась Шапочка.

– Да уж довелось!.. – Волчара оскалился, а потом ухватил зубами тонкое запястье и начал осторожно прикусывать. Да ещё горячим дыханием обдаёт, как из печки. А оно такое щекотное...

Девочка засмеялась. Ей нравился Волк именно смешением чувств, которое он вызывал. Эдакие клыки на тебе смыкаются – ну что ему стоит сомкнуть их до конца? Вон как хищно прищурился, жуть берёт! Мурашки по спине ползти начинают...

Ага, мурашки. Только вот появляются они совсем даже не от жути, а оттого, что этот лесной зверюга такой нежный... И наглый к тому же: уже не руки – коленки зубами тискает, а лапа ползёт куда-то выше. Лапа большая и тяжёлая, шерсть на ней то жёсткая и свалывшаяся, то неожиданно мягкая. А когти... ой, они такие острые и громадные... но вжаты в чехольчики и потому только щекочут. Ох, ну что же ты творишь, серый разбойник!..

...А на заячьих шкурках и впрямь было удобнее. Получился такой сэндвич: снизу – заячьи шубы, сверху – волчья, а посередине – голая и абсолютно счастливая девчонка.

Вечерело. Последние лучи заходящего солнца лениво возлежали на кронах деревьев, подумывая о том, что скоро им придётся покинуть столь гостеприимное место. Мычали загоняемые домой коровы, в речке поплёскивалась рыбёшка, а парни стояли на берегу и курили.

– Что-то не видать нашей супердевочки, – сказал один из них, бросив окурок в воду. – Давно не выходила погулять.

– Да-да, – подхватил второй, – ей, похоже, слава голову вскружила. Я её третьего дня встретил: как, мол, что-чего. С лаской к ней – Шапочка-лапочка, а она – некогда, дай пройти.

Парней звали Сеня и Веня. Сеня – тот, что повыше, а Веня – пониже ростом и толстенький, как колобок. Однако именно он слыл главным знатоком по девушкам. Знал, видать, какие струны в них задевать для хорошей музыки. Потому и было ему обидно, что кто-то вдруг ускользнул из цепких лап его обаяния.

– Ба, да вот и она сама, легка на помине, – махнул рукой Сеня.

Красная Шапочка возвращалась домой. Её гнал поистине волчий аппетит, нагулянный за целый день шатаний по лесу. А ещё ей очень хотелось поскорее вернуться обратно. Ночь собиралась быть ясной, и Волк обещал рассказать, как по лесному называются созвездия. И даже хотел показать какую-то невиданную, обалденно красивую звезду, мол, про неё никто толком не знает, только он... Вот же интриган мохнатый...

О чёрт! Ну вот только этого не хватало!

– Здравствуй, Красная ты наша Шапочка, – сладко пропел Веня, засунув руки в карманы. – Нехорошо друзей забывать. Выходи на бережочек как солнышко скроется.

– Мы по тебе соскучились, – добавил Сеня, ухмыльнувшись.

Шапочка зевнула во весь рот, даже не прикрыв его.

– Никаких бережочков, – сказала она. – Я спать хочу. Я весь день за грибами ходила, устала в доску, а их уже все повырвали, одни ножки торчат... Мне теперь пожрать и спа-а-ать...

– А ты пожри и приходи к нам спать, – предложил Сеня. А Веня промурлыкал: – Мы тебе колыбельную споём...

Обнял девчонку и потянулся на носочках поцеловать. Та немедленно тоже встала на носочки. Удивлённый Веня вместо поцелуя получил

подбородком в нос, а девчонка тем временем выскользнула, состроила длинный и оттого особенно обидный нос и вприпрыжку убежала домой.

– Чего это она? Сбесилась? – недоумённо спросил Сеня.

Пряатель проворчал, ощупывая распухший нос:

– Она всегда была бешеная, не в этом дело... Нечисто тут что-то. Причём тут грибы, какие ножки? Вон, Катюха сегодня полное лукошко тащила... Чего-то Шапочка воду мутит.

Сеня вдруг загорелся идеей:

– Она, по-любому, нынче выйдет, так? Ночью она не в своей койке – это всем известно, – хохотнул он. – Ну и давай проследим, куда она потащится. Может, хахаль какой особый завёлся. Хотя откуда ему взяться... в нашей деревушке все парни наперечёт...

Упоминание хахалья разозлило Веню, и он сказал:

– Давай.

А Красная Шапочка тем временем запивала холодную картошку простоквашей и беспечно болтала ногами под столом, то и дело поглядывая на большие настенные часы с кукушкой. Часы были серые. Раньше Шапочка ненавидела этот цвет, а теперь он стал... не любимым – особым. Она везде его замечала и могла долго смотреть, вспоминая рычащий голос, зелёные мерцающие глаза, оскаленные клыки – такие страшные и в то же время нежные... Длинный хулиганский хвост... ага, ладно, хватит дурью маяться, надо живей доедать картошку...

Шапочка теперь убегала в лес при первой возможности. И невозможности тоже. Волк обычно приходил на полянку, где они так занятно познакомились, а уж оттуда парочка отправлялась либо по намеченному Волком маршруту, либо так – куда занесут лапы и ноги в плетёных босоножках.

Волк оказался чертовски интересным собеседником. Он с жаром и рыком рассказывал про свой лес, про его обитателей и повадки-привычки, жаловался на «этих сволочей-охотников, которые как устроят облаву – так проклинаешь весь белый свет...» Водил девчонку по тайным и заповедным местечкам, порой настолько страшным, что она ёжилась как от холода и жмурила синие глаза, и тогда Волк клал тяжёлую и тёплую лапу ей на плечи...

Потом они вспоминали, что у них имеется ещё такой орган, как желудок, и зверь топал на большую дорогу (или на совсем незаметные тропочки) караулить добычу. Затем её делили на две очень неравные части, и Шапочка разводила костёр. Пришлось захватывать из дома спички, соль и хлеб.

Ох, до чего же вкусной была ароматная свежезажаренная дичь! Вредный Волк, попробовав кусочек, обозвал гадостью и заявил, что сырое мясо, да ещё со свежей кровью, не в пример вкуснее. С этим уже не согласилась Шапочка. В итоге девчонка садилась боком к огню, волчара подсаживался с другого бока, и оба уплетали порцию по своему вкусу, но с одинаковым хрустом и треском за ушами. Красную Шапочку абсолютно не смущал вид какого-нибудь несчастного окровавленного зайчика.

Совсем перестала Красная Шапочка общаться с деревенским народом. «Здрасте—до свидания» – и вся недолга. Лесной серый хищник сманил самую весёлую и заводную девчонку, без которой и песни не так пелись, и хороводы не эдак водились. А Шапочка, пару раз встретившись с Волком, обнаружила, что в деревне ей скучно и что все парни ей надоели. В конце концов, они быстро теряли к ней интерес – до следующей ночи, и не рассказывали столько забавных и захватывающих историй... А ещё они после Волка казались какими-то лысыми. Волку же, наоборот, нравилась её гладкая кожа...

– ...Ну что я тебе говорил, – ткнул локтём Сеня в пухлый Венин бок. Тот было взвыл, но, памятуя о конспирации, зашипел и вернул тычок в удвоенном виде. Теперь зашипел Сеня, но Веня уже отполз в сторону, поднялся и кошачьим шагом двинулся за Красной Шапочкой. И вовремя: красный помпончик подпрыгивал где-то уже у самой кромки леса.

Шапочка спешила. Конечно, ночной воздух и шуршание трав, и замершая ласковая речная гладь – всё это очень хорошо, но вот как-то в одиночку они не так интересны. Куда веселее на это любоваться, прижавшись к тёплому мохнатому боку...

– Точно хахаля завела, – шёпотом бурчал Сеня, продираясь сквозь густой кустарник, для чего ему приходилось сгибаться в три погибели. – И явно не из нашей деревни – то-то в лесу от чужих глаз хоронятся...

– Я этому ейному хахалю... – со злостью сплюнул Веня. – Тоже мне, любовь великая и светлая! Пусть знает своё место, ш-ш-шмара недоделанная...

– Тиш-ше! – шикнул Сеня. – Пришла на место встречи.

Шапочка добралась до их закодированной полянки и огляделась. Волка нигде не было видно. Она тут же надулась. «Я к нему, понимаешь, лечу, едва ноги на этих каблуках не сворачиваю, а он опаздывает, как барышня кисейная!» Хотя ведь часов у зверя нет... Да и у Красной Шапочки их не было. Ориентировались они по светилам небесным да по стуку собственного сердца.

Шапочка с размаху плюхнулась на траву. Со скуки уставилась в звёздное небо. Вон Большая Медведица. Интересно, любит ли она мёд? И из чего он сделан – из космической пыли? А кто тогда пчёлы?.. А маленький Медвежонок слушается маму? Тоже, наверное, шалит и своевольничает, а та его шлёпает и ставит в угол... или что у них там есть... И вообще, Большая Медведица, Медвежонок – а где Медведь? Где ихний папка? Или он тоже, как на земле... Девочка вздохнула, стянула с головы берет и отбросила его в сторону.

И завизжала на весь лес. Так что даже Большая Медведица головой покачала – в ней сразу две звезды замигали. На Шапочку навалилась сверху громадная тень. Укоризненно проворчала:

– Я думал, оглохну. Ты что, не догадалась, что это я?

– Догадаешься тут, когда так внезапно – бац сзади! – сердито ответила девчонка.

– А я вообще внезапный, если ты заметила, – ухмыльнулся Волк и, лязгнув зубами, попросил: – Ты лучше бант завяжи, а то он весь перекосялся набок куда-то.

Тонкие проворные пальчики с красными ногтями, в скудном ночном свете ставшие чёрными, принялись бороться с наглухо затянутым морским узлом.

...Когда от тёмных деревьев на опушке отделилась серая тень и заскользила к Шапочке, парни заволновались. Сеня даже заоглядывался в поисках подходящего орудия, но ему пришлось заткнуть уши. А когда он их освободил, то услышал нечто вообще несуразное: Волк с девочкой болтали как старые приятели, та его обихаживала, а потом он потащил её куда-то, говоря, что там будет лучший обзор...

«Может, я сплю?» – подумал Сеня и ущипнул себя за руку. Стало больно. Да и ни в каком сне, даже самом кошмарном, не привидятся (не прислышатся?) такие вопли. Он оглянулся на товарища – тот уже осторожно продвигался вперёд и махал рукой: мол, давай за мной. Сеня сделал шаг и наступил на какую-то сухую ветку, дико захрустевшую. Веня резко обернулся и зашептал:

– Идём тихо-тихо, тише мышек! Близо не подходим. Не дай Бог почует – сожрёт и косточки выплюнет.

– Может, не сожрёт... Он умный, с ней вон базарит... – пробормотал долговязый Сеня. – И вообще, тебе хорошо: ты в любую норку спрячешься, а мне тут гнуться в дугу надо...

– Ну и погнёшься. Авось радикулит не заработаешь, – презрительно бросил Веня.

Приятели с грехом пополам проследили путь интересовавшей их парочки и, когда та наконец остановилась, с облегчением улеглись на пузо за кустами. Сквозь них всё было видно и слышно.

– ...Нет, ну обалдеть! Кассиопея – Кикимора! Это ж надо додуматься! Ты посмотри, какая она красивая! И как протяжно звучит – Ка-сси-о-пе-я-а-а... А тут – Кикимора болотная! Нет, ну вы совсем с ума походили...

– Я ж тебе говорю, – втолковывал Волк. – Кикимора в лесу – второе лицо после лешего. Ей надо почёт и уважение оказывать, иначе она своим болотом весь лес затопить может. Бр-р-р! – зверь затряс головой, как будто его окатили холодной водичкой. – Шапочка, ты не представляешь, какая это пакость – разлившееся болото. Нет уж, языки не отсохнут, пусть лучше мы эти звёздочки неблагозвучно обзываем, зато и хозяйка болотная на нас не рассердится...

Они сидели на берегу речки на поваленном дереве. Обзор и впрямь был замечательным: огромное небо отражалось в воде, и звёзды были повсюду – и сверху, и снизу. Шапочке казалось, что они не на берегу сидят, а давно уже вылетели в открытый космос... Но тут она что-то вспомнила и вернулась с небес на землю.

– Эй, Волчара, – пихнула она зверя в бок. – Ты мне обещал показать самую красивую звезду. Ну и где она? Не взошла ещё, что ли?

– Ах да, звезда, – оживился Волк. – Почему же, она взошла, но увидеть её можно только в этом озере.

Он наклонился над водой и призывно махнул лапой. Девочка подошла и тоже уставилась в озеро.

– Ну и где?

– Да вот она, – тыкал Волк лапой куда-то очень близко к берегу. Красная Шапочка проследила за его движением, но по воде бежала рябь от волчьей лапы.

– Да ты нагнись! Пониже. Ещё!

– Но здесь только моё отражение... Ах ты, чёрт зубастый! – она выпрямилась и захохотала. – А я-то думала...

Договорить она не успела, потому что Волк столкнул её в воду. И с удовольствием констатировал:

– Падающая звезда! Ну вот, я загадал желание.

– Дядя Ваня, но его надо непременно убить! И чем скорее, тем лучше! Нет, но это же просто хамство: сманил человеческую девку – и как будто так и надо! Вот же серый гад...

– И ладно б кого ещё, а то именно Красную Шапочку, – добавил Сеня.

– А что он тебе – дурак? Небось, выбирал самую лучшую, – резко ответил Венья и, повернувшись к охотникам, продолжал: – Дядя Ваня, дядь Костя, ну неужели обязательно тянуть до осени? У вас же такие ружья крутые... и вы никого не боитесь – ну что, вам трудно его сейчас подстрелить?

– Ты, малый, не лебези! – сверкнул глазами из-под густых нависших бровей дядя Костя. – И с панталыку нас не сбивай: если сейчас устроить облаву на твоего Волка, весь лес переполошится! А летом зверью полагается спокойненько жир набирать, чтоб нам же потом и досталась хорошая добыча.

– Так что вы, ребята, гуляйте пока до осени, – добродушно заговорил дядя Ваня, пожилой и усатый охотник. – А глядишь, она и сама его бросит: зверь всё ж таки... Это скотоложество уже какое-то, – плюнул он с отвращением и растёр плевком сапогом.

Парни вышли на улицу. Раздосадованный Венья пнул подвернувшийся под ногу камушек, отчего тот взлетел на воздух и, описав извилистую дугу, звонко бамкнул о сохнувший на плетне горшок. Горшок разлетелся на художественные черепки для будущих археологов, а приятели дали дёру, пока не вышла хозяйка и не разоралась.

– Август только начался. Это целый месяц ещё ждать, – уныло протянул Сеня. – Похоже, нам Шапочки как своих ушей в этом году не видать...

– А я её, если честно, уже и видеть не хочу, – сказал Венья и прислонился к плетню, на котором, слава Богу, никаких горшков не висело. – Просто хочу восстановить справедливость и порядок. Человек должен жить с людьми! А если он от них уходит куда-то к чертям мохнатым – пусть за это платит и не жалуется. И вообще, – у него загорелись глаза, – давай-ка ей устроим тёплую встречу... Торжественную, с речами и приветствиями – она ж у нас звезда...

– Да не простая, а падающая, – вспомнил Сеня, и оба захохотали.

Тёплую встречу оказалось до смешного легко устроить: событий в деревне случалось мало, и новости, особенно такие пикантные, ловили в оба уха. Когда на следующий день Красная Шапочка, как обычно, пошла за водой, от речей и приветствий не было отбоя:

– Волчья невеста!

– Да какая невеста! Жена законная. Скоро детки пойдут...

– Да вы что – это ж заколдованный царевич! По ночам шкуру сбрасывает, в добра молодца обращается...

– Сам ты царевич! Ей просто зверюги нравятся, извращенка потому что. Эй, Шапочка, у меня здоровенный кавказец есть, хошь, приведу? Тебе понравится!

– Не, она своему лесному чучелу верность блюдёт!..

– Ты полегче, а то она нажалуется – он придёт и тебя съест! Ням-ням!..

Красная Шапочка от растерянности даже ведро выронила, чем, конечно, вызвала новый приступ хохота и улюлюканья. А когда он малость стал потише, подобрала ведро и звонко крикнула:

– Вот что такого вы мне сказали, чего я без вас не знала? Это всё правда: и про невесту, и про деток, и про то, что я извращенка! Ну а если так – то вы все правильные и порядочные, мне с вами скучно! Вы даже дразниться-то не умеете как следует, – и на глазах у всей деревни прошла колесом. И ещё раз. И ещё. Юбка на ней, конечно, задралась по самое не могу, но девчонку это не слишком заботило. Набрала воды и преспокойненько пошла её относить.

Дразнить её после этого всё же не перестали, хотя и продолжали с куда меньшим пылом. Но главное – до матери долетело, и та не знала, верить или не верить. И на всякий случай устроила скандал. А Шапочка хоть и держала марку независимости и принципа «а мне наплевать», на самом деле ей от всего этого было паршиво и наплевать как-то не удавалось. И она не придумала ничего лучше, как поговорить со своей бабкой. Мол, она хоть и вредная, а всё же женщина бывалая, поймёт и посочувствует, ну и всё в таком роде.

Старуха и впрямь оказалась бывалой, и смекалистой к тому же. Услышав, что внучке в деревне житья нет, заохала, запричитала и сказала, что её дом – приют для гонимых и обиженных.

– И Волка своего приводи, я посмотрю, только чтоб без шуток!

Бабуся сообразила, что если она Шапочку сейчас поддержит, та ей доверится и выболтает много полезной информации. С которой будет несравненно проще извести этого проклятого Волка.

Здесь надо оговориться: бабушка была, как ни странно, без предрассудков. Её не трогало, что внучка якшается с лесным зверем. Да хоть с чёртом рогатым, лишь бы... Вот тут начинаются сложности.

Бабуля давно заметила, что внучка какая-то... по-особому счастливая. Ведь любовь и кашель не скроешь, как гласит пословица. А старуху р-р-раздражало людское счастье, она его всеми старческими силами разрушить пыталась. И вот открылся такой подходящий случай.

Падает с дерева жёлтый лист. Падает медленно, не спеша, можно сказать – с достоинством. А кто это сказал, что у листка чувства собственного достоинства быть не может? Ещё как может. Он ведь ничего плохого не делает, падает себе и всё. С высоты причём, с самой верхушки. Но спокойно осесть на землю ему не удаётся: на лету его ловко ухватывают острые зубы. Довольный Волк относит «добычу» Красной Шапочке.

На листке прокушены две дырочки. Девочка смотрит сквозь них, вертит лист и так и эдак. Потом прикалывает его ёлочной хвоинкой себе на шапку и спрашивает:

– А наш ребёнок ведь будет оборотнем, правда?

Волк скалится во всю пасть – это у него такая улыбка:

– Пр-р-равда. Он будет человеком или волком по своему желанию. Забер-рёт качества обоих р-р-родителей. – И снова рычит от удовольствия.

Шапочка в рассеянности перекатилась набок и подпёрла голову рукой. Уставилась в синее по-сентябрьски прозрачное небо.

– Знаешь, Волча, я так люблю осень... Вот такую раннюю, когда уже всё такое жёлто-буро-красное, но ещё тепло. Потому что стараешься урвать, уворовать побольше счастья и воли, пока ещё солнце греет! А потом как заладит собачья слякоть, а там и вовсе зима притащится... Бр-р-р! Ненавижу зиму всеми потрохами.

– За что такая немилость? – удивился Волк. – Это мы всем лесом её дружно ненавидим, а людям-то что? Вы печки топите, едите от пуза урожаем свой, и в огороде работать не надо...

– Ага! Тишь, гладь и Божья благодать! – перебила девчонка. – А если я тишь не перевариваю? Если мне больше нравится вкалывать в три руки, а потом шашни до зари крутить? На чёрта лысого мне эта зима, когда я как в клетке – сугробы наметёт, не выйдешь... Да и выйти некуда. И бабка ещё к нам перебирается, это вообще кошмар...

– Хорошая у тебя бабушка, – возразил серый. – Вежливая. И с пониманием: меня не выгоняла и не кричала...

Шапочка огрызнулась:

– Это по принципу «скажи спасибо, что из дома не гонят»? Дурацкий принцип, им всякую гадость можно прикрыть и ходить спокойно!

Она вскочила. Голова внезапно закружилась, пришлось прислониться к дереву. Волк наблюдал за ней с опаской.

Она заговорила – непривычно медленно и страстно:

– Как хорошо здесь! Ты только посмотри, какое прозрачное небо... какая тонкая паутинка... какой воздух хрустящий... Ах, как бы я хотела всё это сохранить, удержать... Всё такое огромное... как сама жизнь. У меня рук не хватает её обнять... а так хочется! Я ужасно её люблю. И тебя тоже люблю, очень-очень.

Обняла волчару за шею и поцеловала – как всегда в нос, но непривычно долго. Как будто выпить его хотела – до дна. Ни капли не оставив.

Вздыхнула:

– Ну ладно, пойду. Помидоры с мамкой солить будем – уродились в этот год...

– Ночью-то придёшь? – спросил серый разбойник.

– А как же! – хитроуце улыбнулась Красная Шапочка. – Жди.

И ушла. А ночью Волк напрасно её прождал: соленьями занимались до глубокой полуночи, и Шапочка сама не заметила, как отрубилась. За завтраком мать сказала:

– Мы давно у бабушки не были. Сходи, попроведай, да пирогов вот ей отнеси. Ещё тёплые...

Красная Шапочка и пошла по лесной тропинке. Светило её любимое прощальное солнышко, но на него почему-то совсем не хотелось любоваться. Девочка ускорила шаг, сама не зная почему.

А к бабушке в избушку утром зашли два охотника. Те самые дядя Ваня с дядей Костей, которых просили Волка-то подстрелить. Для наведения справедливости и порядку. Они уж, почитай, и забыли про это, да бабуся им напомнила. Состроила несчастную мину и принялась жаловаться: зачаровал, дескать, такой-рассякой лесной гадою внучку, сладу с ней никакого нет, а сам-то момента хорошего выжидает, чтобы съесть! Для того и в доверие втёрся. Охотники и вспомнили, и ругать начали на чём свет стоит и Шапочку, и Волка.

Тут дверь открывается, и заходит Волк собственной персоной. Он проверить решил, не зашла ли Красная Шапочка к бабушке. Заодно и старуху навестить – он к ней тепло относился. Как охотников увидал – попятился было, но бабуся тут как тут: мигом дверь захлопнула и засов задвинула. И кричит охотникам:

– Это он! Стреляйте его живее, он и меня съесть хотел! Видите – притащился к одинокой старухе внаглую!

– Да что вы, Клавдия Ивановна... – изумлённо начал Волк, но курки были уже на взводе, и оба выстрела грянули почти одновременно.

Зазвенела на полке посуда, тревожно звякнули окна – громадная волчья туша свалилась на пол.

– Ах ты, чёрт, – проговорил дядя Ваня, садясь на корточки над распростёртым зверем, – шкуру попортили...

– Да, как-то всё так неожиданно... – начал было дядя Костя, но его прервал стук в дверь. Дробный, частый, требовательный.

Дядя Костя пожал плечами и пошёл открывать.

– А... а... – корзинка выпала из рук Красной Шапочки, пироги покатались по полу. Ещё тёплые, румяные, пышные пироги. Она наступила на один из них каблуком и не заметила.

– Волк! Волчара, Волча, Волчишка... Очнись, это я! Слышишь, ну быстро вставай! – Она потрянула его – раз, другой... В руки ударила гулкая тяжесть мёртвого тела.

Довольная бабка хихикнула со своей лежанки:

– Потряси, потряси. Может, сделает одолжение, встанет. А может, ещё за живой водичкой сгоняешь, а, Красная Шапочка? Хочешь, адресочек дам?

Шапочку как будто молотком долбанули по голове. И даже красная шапочка не смягчила удар.

– Ты же говорила, что он такой милый... Он так о тебе отзывался хорошо... А ты... вы... вы что вообще наделали, сволочи?!

Дядя Ваня успокаивающе взял её за руку:

– Красная Шапочка, ну зачем ругаться-то? Ты теперь свободна, это в тебе остатки чар говорят, ну да скоро и они развеются. Будешь ты снова жить-поживать как все хорошие люди.

Жить... Девчонка ухватилась за это слово: она будет жить... А как же Волк? Неужели ей никогда-никогда больше не слышать его рыка, не бродить вместе по лесу – вообще больше не встретиться с ним? И опять уйти к «добрым» людям, которым она нужна была как красивая кукла, а стоило ей и впрямь стать счастливой – так сразу вроде костяшки в горле... А теперь эти хорошие кокнули Волчишку – и рады. А ей-то что остаётся? Ребёнка родить? Оборотня... Чтоб его травили всей деревней, а потом тоже убили? А жить он будет – без отца, как она? И она сама – как мать, одиночкой, соломенной вдовой... Уже настоящей... Нет! Ни за что!

– Нет! Нет! Не хочу! Не хочу, как мать... не хочу, чтоб он как я рос... – девчонка закрыла лицо руками.

– Послушай, Красная Шапочка... – начал было дядя Ваня.

– Слушать ничего не хочу! – выпалила та. Увидела на столе охотничий нож – им хлеб к завтраку резали. Метнулась, схватила его и, выдохнув: «Будьте вы все прокляты!», – воткнула в глотку. Свою, разумеется. В чужие она не умела.

Новость разлетелась со скоростью вспугнутого воробья. К бабушкиному дому сбежалась добрая половина деревни. Любопытные заглядывали в приоткрытую дверь, толпились у немытых окон и переговаривались между собой.

– Такая молодая!.. Такая красивая!..

– Мать жалко. Она ж у неё одна-единственная, как в поле рябинушка...

– Это всё этот мерзкий зверь...

– Ага, мерзкий, она из-за него зарезалась...

– Да дура потому что! Нашла с кем связаться. Говорил я: добром это не кончится.

– Ты насчет дуры полегче! Про мёртвых...

– Ох, и наедемся блинов на поминках!

В доме прогрохали сапоги. На крыльцо вышел дядя Ваня и услышал последнюю фразу.

– Какие блины?! – грохнул он кулаком по хлипкому косяку. – Какие блины, я спрашиваю?! Кто их готовить будет? Мать, что ли, ейная? Да она бьётся, как припадочная, того гляди ума решится!

Он разглядел сиротливо жавшихся в сторонке Сеню и Веню и шагнул к ним.

– Вы что, стервецы, наговорили? «Увёл насильно», «смотреть противно»... А вы, поганые ваши хари, хорошо смотрели? Али не видели, что она добровольно с ним спелась? Так что на тот свет следом отправилась. Или вам того и надо было? – Он схватил обоих парней за грудки. Веня только хлопал круглыми от ужаса глазами, а Сеня жалобно блеял:

– Да нет, что вы... мы не хотели... мы только...

– Да брось ты их, Иван, – дядя Костя тоже вышел на крыльцо. – Тут старуха ещё масла в огонь подлила: чары, чары... Карга проклятая...

Дядя Ваня разжал руки – парни тут же благоразумно смылись – и проговорил, глядя на напарника:

– Мы же с тобой, получается, девчонку-то прикончили... Кабы не стрельнули, она б...

Тот взъелся:

– Ах, мы с тобой? Если бы да кабы? А вот они все, – он махнул рукой на притихший народ, – не причём, да? А ты не слыхивал, как её каждый божий день дразнили да попрекали серой шкуркой? А...

...Бабка потеряно сидела на кровати, подобрав под себя ноги, и качала головой, бормоча под нос: «Но я же не хотела, чтоб до смерти... Я же так, пугануть хотела... ну поиздеваться малость, самую чуточку... а оно вона как вышло...» Переводила взгляд с внучки на дочь и обратно. Внучка изломанной веткой лежала на Волке, кровь на ней уже почернела и абсолютно не гармонировала с красной шапкой. А дочь, кажись, снова грохнулась в обморок: вон, из дома выносят, чтоб ветерком пообдуло...

А в это время в деревне объявился неизвестный гражданин, весь какой-то помятый. Он только что сошёл с редко ходящей в этой глухомани электрички. И удивился, чего это кругом переполох стоит – мол, когда он тут бывал по молодости, было куда спокойнее.

– Что? Волка убили? Ну так и хорошо – он овечек ваших таскать не будет... А девчонка-то причём? Кого зарезали? Да что вы все галдите – я ни черта не разберу!.. Вот это ничего себе любовь...

Гражданин вызвался пойти посмотреть. Тут же нашлось с десяток провожатых, трещавших без умолку и дополнявших дело всё новыми и новыми подробностями, так что бедный приезжий не знал, чему и верить. Кое-как добрались до зловещей избушки. А тут как раз приводили в чувство мать Красной Шапочки. Гражданин спросил, нахмурившись:

– Это она?

– Нет, нет, она в доме, это мать... – наперебой начали ему возражать и тянуть в дом. Но он сердито отмахнулся и наклонился над женщиной. Проговорил разом осипшим голосом:

– Маша... – Откашлялся. – Мария!

Та с трудом разлепила веки – и вздрогнула. На неё смотрели глаза дочери. Такие же синие и пронзительные, только почему-то тревожные. Красной Шапочке это чувство было абсолютно незнакомо.

– Шапочка, что случилось? – слабым голосом спросила мать. Перевела взгляд с глаз на лицо и охнула: незнакомый мужик, плохо выбритый, рубаха мятая, под левым глазом (как только сразу не заметила?) желтизна от незажившего фингала... Незнакомый?

– Андрей, – выдохнула мать. Попыталась подняться. Мужик помог. – Андрей, ты откуда взялся? Очень вовремя, кстати. Отпуск, что ли, получил? Первый раз за семнадцать лет?

– Да я... того... В общем, от бузы всякой отдохнуть, здоровье подправить... а то оно у меня ни к чёрту... У вас тут вообще что творится? Какая-то ахинея про Волка, про Красную Шапочку какую-то... Разве так детей называют?

Мать отстранила руку, поддерживавшую её. Выпрямилась.

– Здоровье, значит. На курорт приехал... – Она развернулась и отчеканила: – Вон там лежит твоя дочь. Мёртвая. Я назвала её Красной Шапочкой, потому что шапка – это всё, что ты мне оставил, кроме ребёнка.

– Что... как... моя дочь... – забормотал Андрей. Он влетел в избушку и устался на живописную картину, представшую перед глазами. Наклонился и снял с белокурой головы красную шапку. Повертел в руках. Точно, его шапка. И помпончик тот же, весёленький, пушистый.

Медленно, как во сне, он вышел на крыльцо и уселся прямо на порог, обхватив голову руками. А потом спросил – тихо-тихо, но так, что все услышали:

– Что же мне теперь делать?

И все молчали, никто не знал, что ответить. Только Мария опять слабо качнулась и бессильно склонила голову набок.

– Ну иди, приводи в чувство, – проворчал дядя Ваня. – И вообще – хоронить надо, что мы тут стоим, как сороки-бездельницы... Положим их рядышком, раз такое дело...

Андрей с трудом поднялся и, пошатываясь, направился к Маше. А выпавшая из его рук красная шапка так и осталась валяться на крыльце.

2011

Я была богом

Я была богом. Не богиней – богом. Весёлым и щедрым разгильдяем. Беззаботным олухом. Как ещё назвать любителя выпить и покутить?

Бог накрывал столы и звал своих друзей на очередной праздник. Если такового на календаре не значилось, он придумывал его тут же, на ходу. Повод мог быть любым – от хорошей погоды до событий межпланетного масштаба. А как-то раз он объявил День былинки, пробившейся сквозь асфальт, и отправил каждого искать такие травинки и наблюдать за ними. После этого пошли на убыль жалобы на плохие условия и собственное бессилие.

Итак, бог готовил угощение и созывал друзей. Любой желающий мог прийти на огонёк. До поздней осени он расставлял столы под открытым небом, и прохладный вечерний воздух горячил лица собравшихся, а сердце невольно сбивалось с привычного ритма.

Еды, вина и музыки хватало до глубокой ночи. Бог танцевал со всеми красавицами, но все знали: это лишь на ночь, не дольше. Многих это не смущало: он был хорошим любовником и платил щедрые алименты. А сам он был не прочь передать часть силы многочисленному потомству.

Но в предрассветные часы он уходил. Пьяный, счастливый, влюблённый – уходил, и не могли его удержать ни тёплая компания, ни нежные объятия. Бокал оставался недопитым, аккорд – недоигранным, фраза – недосказанной. Он оставлял всё и шёл – не зная куда, не ведая зачем, не понимая к кому. Шёл, страдая дикой головной болью с похмелья и при этом стремительно и неумолимо трезвея. В животе булькало выпитое вино вперемешку с ужином, тряслись руки и ноги, дрожало всё тело от танцев и бурного секса – а голова становилась ясной, почти кристально прозрачной и холодной, как свежесвыпавший снег.

Он шёл по дороге или где придётся, мог шагать напрямик через лужи. Смотрел на холмы, города, деревья, проезжавшие редкие ночью машины – и сердце будто кто-то сжимал когтистой лапой. Округа выглядела мирно, и всё его существо каждой клеточкой чувствовало, что чего-то не хватает. Кто-то внутри него ворчал, гудел, ругался, плакал, умолял... страстно хотел чего-то. А чего – он никак не мог понять.

И тогда бог принимался творить. Он зачерпывал горсть воды, поднимал упавший грязный лист, ловил первый лучик солнца – и создавал из этого клочка материи и энергии всё, что хотел. Дома и ракеты, животных и камни, людей и леших, и гномов, и ещё тысячу удивительных существ... а главное – чувства, мысли, эмоции: радость, гнев, удивление, привязанность, лень и смелость... Тасовал всё это, как колоду карт, смешивал и менял местами.

Солнце стояло высоко в зените, а порой и вовсе клонилось к закату, когда бог жадными глотками пил наскоро сотворённую холодную воду и отключался под ближайшим кустом. Светлые волосы слипались от пота, в одежду набивалась пыль пополам с репейником... и всё же от этого полумальчишки-полуоюоши невозможно было отвести глаз. Даже во сне сохранялась какая-то странная блудливо-госкливая полуулыбка на его лице. Как будто он кого-то очень хотел встретить и никак не мог найти...

И однажды встретил.

Это был совершенно обычный будний день. Бог озабоченно шёл по своим делам, обдумывая сразу с десятков необходимых действий и вмешательств в разных частях континента, – и на мосту увидел

девушку. Синее платье, синие глаза, тёмные волосы. Это всё, что успел отметить его разум, прежде чем дать команду «reset».

Конечно, он с ней заговорил. А она лишь смеялась – и молчала. Она была немая. А ещё – бог сам не знал, как это понял столь ярко и отчётливо – это была Мечта. Та самая, по которой тосковал и без которой бескрайний простор был тесен, как сапог на три размера меньше положенного.

Они переспали тут же, на полусгнивших шатающихся досках моста. Даже не одевшись, она посмотрела на него в упор, так что синева глаз едва не поглотила его с головой – и растаяла, нырнув в горизонт. Ей не было нужды всё время быть в теле, как и ему.

Не было ничего, абсолютно ничего выдающегося и оригинального ни в ней, ни в ситуации. А всё-таки с тех пор он искал её – повсюду. В толпе людей и среди безвоздушного пространства. Иногда находил, и она оставалась рядом какое-то время, потом ускользала опять. Однажды бог не выдержал и посадил её в банку. Обычную трёхлитровую банку, как бабочку. В размерах уменьшил, конечно. Целый день она стояла у него на виду, и он мог носить её, прижав к груди. А она молчала – и смотрела сквозь стекло... и сквозь него.

Бог разбил банку, бросив с вершины самой высокой горы своего мира. А потом он плакал, и слёзы из зелёных глаз падали вниз огромными ледяными сосульками и почему-то не разбивались.

Иногда Мечта приходила сама. Садилась рядом, скромно сложив руки, и смотрела, как бог творит. Она не умела делать абсолютно ничего – только смотреть, смеяться и заниматься любовью. Ей не было нужды что-то делать – она сама была делом. И в эти редкие спокойные минуты бог был счастлив. Счастлив так, как никогда за свою бог весть сколько длящуюся жизнь.

А потом Мечта пропала. Не приходила сама, и бог не мог её найти нигде в округе. Он стал искать настойчивее – а результат оставался тем же. Её больше не было.

Он ждал её. Ждал, пока в соломенных волосах не появилась седина и он уже не смог вселяться в тело юноши. Теперь он ходил в обличье усталого сорокалетнего мужчины. Тело покрылось шрамами – кровь кипела от напряжения, кожа лопалась, и красное лилось на землю, удобряя её. Потом вырастали самые изысканные цветы – бог надеялся, что Мечта заметит эту красоту и спустится полюбоваться поближе. А она всё не спускалась.

Чтобы забыть о ней, бог отправился в путешествие по Вселенной. Он надеялся, что смена красок, чувств и движений заглушит

воспоминания. Шатаясь по чужим мирам и влипая в переделки, бог стал богат мудростью... но это не могло вернуть ему ни спокойствия, ни счастья.

А время текло. По крупицам и песчинкам – оно утекало, а куда – не знал и сам бог. Высыхали реки, в каменную крошку превращались горы, материки меняли свои очертания. История людей и иных существ сменила окраску столько раз, что белое успело забыть о том, что когда-то было чёрным. А бог всё не мог забыть о Мечте.

Энергия иссякала, а подпитки не было. Бог понял, что скоро он сможет передвигаться лишь в виде дряхлого старика. И хотя надежды почти не осталось, он не захотел так выглядеть – вдруг вернулась бы его возлюбленная? О том, что она может быть старухой ещё древнее его, он предпочитал не думать.

И в отчаянии бог закричал на всю Вселенную. О яркой любви и глухой тоске, о том, как тяжело творить, когда никто этого не ценит. О том, как жизненные соки утекали в никуда, как материя умирала, не успев родиться и обрести форму. Как обшаривал задворки и закоулки мироздания, чтобы найти Мечту. Как отжил свой огромный век бога, так и не найдя её.

И тогда бог проклял Мечту. Тоже – на всю Вселенную. А потом... Он не планировал это. Просто, мельком увидев какую-то светящуюся точку далеко внизу, он вдруг развил бешеную скорость и помчался ей навстречу, прессуя время и энергию в маленький комок, теряя на ходу память и сознание. А главное – чувства... боль... тоску... стремление... надежду... До последнего вдоха – надежду...

Я была богом. У него всё же было неплохое чувство юмора: он предпочёл превратиться в девушку. Может, решил, что женщинам больше везёт в любви?.. Что их жизнь более спокойная?..

Чудак человек! Даром что бог. Мне, конечно, повезло в любви... и какое-то время мне удалось пожить спокойно, тихо и мирно. Но что такое жалкие пара десятков лет по сравнению с его вечностью!.. А в моей жизни он больше покоя уже не найдёт.

Бог недооценил человека, если рассчитывал среди людей найти забвение Мечты. Она зовёт и манит, греет и выворачивает наизнанку, ускользает, но кажется, что – протяни лишь руку – она рядом...

Мне не кажется. Я могу протянуть руку и потрогать. Не знаю, где эта богиня шаталась миллионы световых лет, но она явно была в курсе событий. Потому что, как только бог упал на Землю, чтобы стереть себе память и душу, – она тоже превратилась в человека,

упав почти рядом... и почти сразу, отстав лишь на год. На какой-то земной год! Мерзавка...

...Она была хорошей любовницей. Не захотела упускать своего и на сей раз, превратившись в парня. Ещё эта зараза решила вставить контактные линзы, видимо, думая обмануть меня нехитрой игрой тонов синий – зелёный.

Но чёрта с два! Я узнаю тебя, даже если ты станешь белым медведем и будешь лежать, закрыв глаза и уткнув нос в снег! Я тебя просто учую, даже с сильнейшим насморком. И теперь... о теперь ты можешь говорить! Я вытрясу из тебя всю душу, всю правду, где тебя носило! Ты у меня попляшешь, проклятая синеглазая зар-р-раза!..

Ой... всё не могу привыкнуть. Уже зеленоглазая.

Как я.

Не зря же я была богом...

2014

Мечта дракона

По воде бежит рябь, переливаясь под солнцем. Закутанная в серый плащ фигура стоит, укрываясь средь буйства зелени, и наблюдает за девушкой, сидящей на кромке берега.

Руки её не знают покоя – теребят подол платья, перебирают мелкую гальку под ногами... или просто сжимаются в замок до побелевших костяшек. Им бы обнимать золотой изгиб арфы, касаться натянутых, как тетива, струн в поиске мелодии – грустной, восторженной ли, но всегда проникающей в самое сердце...

– Почему же ты не играешь, менестрель?.. – кажется, спрашивает ветер, ласково треплющий светлые волосы девушки. – Почему?.. – чудится, шепчутся листья в высоких кронах, порой отпуская своего собрата в полёт, и тот, кружась, приземляется ей на колени, словно стараясь утешить. Но сухи серые, как осеннее небо, глаза, обращённые вдаль, и покинули их прежние задорные искорки.

– Ветер, ласковый ветер, – едва слышно шепчут губы, словно не хотят отпустить на волю печаль даже в одиночестве. – Мою госпожу унёс дракон... Долго ли мне ещё ждать её возвращения? Я бы играла в ожидании, но проклятый ящер унёс и мою арфу... И с тех пор не находят применения руки, и скована молчанием душа...

Фигура в плаще также неслышно отступает назад. А серые глаза закрываются, и словно наяву встаёт тот день перед арфисткой...

Солнце пронизывает королевский сад, и зелень листвы плещется в его лучах, радуясь погожему дню. На резной скамейке под распустившимся кустом белых роз сидит девушка с точёным гордым профилем. Голубое одеяние её расшито золотыми нитями, и золотой же обруч охватывает тёмные волосы.

– Эхеан, ты снова навеваешь тоску!.. – капризно обращается она к другой девушке, наигрывающей на арфе печальную музыку. – Сыграй что-нибудь весёлое наконец!..

Пальцы арфистки замирают над струнами, последний протяжный аккорд всё ещё длится...

И обрывается внезапным рёвом, от которого тёплая кровь холодеет. Солнце меркнет, перекрываясь громадным крылатым телом. Зелёная чешуя искрится и переливается. Дракон, круша деревья и клумбы, опускается рядом и, сверкнув янтарными глазами, рокошет:

– А! Тебя-то мне и надобно, королевская дочка!.. – и тянется к ней лапой с кривыми когтями; каждый – величиной с ладонь. Принцесса, опомнившись, поднимает визг. От дворца уже торопится стража с мечами – но чем броне страшна сталь?..

Менестрель же, заслонившая собой принцессу, не имела и её. Так нелепа фигурка в сером платье, что пытается закрыть от дракона его добычу...

– Думаешь, сумеешь мне помешать? – смех вырывается из пасти вместе с язычками пламени, и один из них опаливает Эхеан.

Принцесса замолкает – от неожиданности. Райнен Великолепная привыкла, что ловят её каждое слово и повеление, но от застенчивой арфистки не ждала подобного поступка.

Кричавшую и потрясавшую железом стражу отделяет от девушек шагов пять. Дракон не ждёт, пока те их преодолеют: вытянув левую лапу, подхватывает принцессу и разводит за спиной крылья.

...Уже поднимаясь в воздух, другой лапой он цапнул из рук Эхеан музыкальный инструмент – её арфа была покрыта золотом.

В сумраке пещеры вспыхивают искрами драгоценности, грудями сваленные повсюду. Изобилие сокровищ ошеломляет даже Райнен, хотя к золоту принцессе не привыкать.

– И всё-таки: зачем я тебе? – спрашивает она, когда понимает, что есть её или заживо сжигать никто не собирается. – Почему драконы с таким упорством стремятся заполучить принцессу?..

Оглядевшись в поисках места, куда можно присесть, Райнен устало опускается прямо на кучу золотых монет: они также холодны, но хотя бы не колотятся.

– Это я сам хотел бы знать, – грустно отвечает чудовище. Положив голову на передние лапы, ящер задумчиво рассматривает пленницу. – Драконы всегда воруют принцесс и создают огромные запасы сокровищ. Я не знаю, почему они так поступают, но раз я дракон, – тяжёлый вздох проносится по пещере, – то надо соответствовать...

Принцесса осторожно произносит:

– Ты... как будто не рад быть драконом?..

Чудовище снова изрыгает пару язычков пламени. Усмехается?..

– Я был человеком. А как-то раз... поигрался с амулетом одним удачно... – дракон отводит взгляд. – Кстати, меня зовут Зольтах.

Райнен немного смущена: мужчина, судя по голосу – молодой... может, ещё и красивый... Она опускает голову, надеясь, что в полумраке тот не заметит её внезапного румянца.

– Колдунью просил я вернуть мне прежний облик... Она засмеялась и ответила, что человеком меня обратно сделает только человек. А кто, как и, главное, когда – не сказала...

Солнце пронизывает королевский сад, и зелень листвы плещется в его лучах, радуясь погожему дню. Юноша-садовник занят привычным делом: подравнивает кусты белых роз – они вот-вот должны распуститься. Выдирая малейшие сорняки вокруг, снимая с колючих стеблей гусениц, любуясь набухшими нежными бутонами, Зольтах счастлив. Ему недавно доверили возделывать сад при дворце, и он всеми силами хочет здесь удержаться.

Внезапно что-то нестерпимым блеском вспыхивает в зарослях, и юноша наклоняется разглядеть, что же это. Золотой медальон на цепочке, на крышке – гравировка в виде трёх язычков пламени... Измазанные в садовой грязи пальцы вертят его – и медленно надевают на шею. Жаль, рядом нет зеркал – взглянуть, идёт ли ему дорогая вещь.

...На закате, собираясь домой, Зольтах вновь разглядывает находку – и обнаруживает, что у медальона откидывается крышка. Он уже почти надавил на неприметную защёлку, как вздрогнул от властного голоса:

– Откуда у тебя эта вещь?! Немедленно отдай!

Король Вернес Могучий, кажется, объят пламенем: закатное солнце садится за его спиной, и взглянуть ему в лицо, не жмурясь,

невозможно. Не обращая внимания на требовательно протянутую руку, Зольтах возмущается – в мыслях – ведь это он нашёл медальон! Нечего разбрасываться вещами, если они вам дороги, Ваше Величество!

...Негромкий щелчок – и громкий треск ломаемых деревьев. Цепочка, разрываясь на шее дракона, вместе с амулетом улетает далеко в кусты.

Серое платье прячется под покровом серого же плаща. Босые ноги разгребают дорожную пыль – тоже серую. Мир утратил краски, сузившись до единственного мышинового цвета.

...Дракон унёс принцессу четыре месяца назад. Король бросил клич о награде за её освобождение, и вереницы рыцарей потянулись к Клыкастой горе. Ни один из них не вернулся.

Сначала Эхеан терпеливо ждёт, когда Райнен вернётся, – так дитя ждёт ушедшую мать, прежде чем разразиться беспомощным в своём отчаянии криком. Но дни идут, а нет и намёка на возвращение принцессы.

Она пытается играть – но чужой инструмент остаётся чужим. Струны не слушаются, гриф холодит ладони и душу, мелодия не ложится на сердце. Ни изукрашенные изумрудами и рубинами – ещё более роскошные, чем её золотая арфа, – ни обычные деревянные не льнут к рукам.

На рассвете, не оглянувшись, королевский менестрель покидает дворец.

...Эхеан нашла ту арфу в пять лет где-то в бездонных недрах дворца. С трудом проволочла её по переплетению коридоров к себе – и больше не желала с ней расставаться. Сверкающая, как солнце, даже в самый пасмурный день, она стала продолжением рук и души менестреля, отогревая в ненастье и добавляя блеску праздничным дням. За полтора десятка лет она сроднилась с арфой настолько, что не представляла себя без неё.

Как и без Райнен.

Девочке десять лет, но выглядит она куда младше. Как загнанный и измученный зверёк, пугливо жмётся она в тень коридора. Тощий мальчишка в яркой крикливой одежде наступает на неё и, наслаждаясь происходящим, выкрикивает:

– И не смей больше ходить здесь! Тебе тут нечего делать... ты выродок, тебе место на конюшне, с лошадьми и конюхами!

Лицо мальчишки перекошено, он захлёбывается слюной, утверждая силу над девочкой, за которую некому вступиться.

Некому?..

Маленькая, но хлёткая ладошка с размаху впечатывается в наглуго физиономию. Мальчишка разворачивается, готовый втоптать обидчика в мраморный узорный пол... и, отпрянув, растеряно бормочет:

– Ваше Высочество... простите...

Шестилетняя девочка с золотым обручем на голове презрительно окидывает его взглядом и велит убираться. Что тот и исполняет со всей поспешностью. А Райнен произносит, обращаясь к Эхеан:

– Если тебя ещё кто посмеет обидеть – сразу говори мне. – Голубые глаза не по годам серьёзны.

Эхеан, не веря, смотрит на принцессу – и на протянутую в дружеском жесте руку. Вспоминая что-то из подсмотренных церемоний, внезапно она опускается на одно колено и, целуя детскую ручку, говорит:

– Моя госпожа, я клянусь служить вам в горе и в радости, и быть с вами всегда рядом... если можно.

– Хорошо, – важно соглашается Райнен. И через секунду, превращаясь из королевской особы в ребёнка, с любопытством спрашивает: – А как тебя зовут?..

Шум, лязг металла. Что могло стрястись тёмной ночью? Принцесса встревожено приподнимается на ложе из вереска, который принёс ей Зольтах.

Дракон лениво поворачивает морду и приоткрывает левый глаз. Потом правый. Горячий вздох вихрем проносится по пещере:

– А... опять... Но почему обязательно ночью-то?! До утра подождать удержу нет?..

– Куда ты? – испуганно спрашивает Райнен вслед выползающему наружу ящеру.

– Гостей встречать дорогих, – ехидно бросает тот, не оборачиваясь.

...У подножия горы спешившийся рыцарь колотит снятым шлемом по щиту – и по собственным доспехам. Столь самозабвенно, что даже не сразу замечает плавно опустившегося рядом дракона.

– И чего шумим? Чего тишину нарушаем? – зевая во всю пасть, вопрошает тот.

– Я пришёл сразиться с тобой! И освободить прекрасную принцессу Райнен Великолепную!

– Так прекрасную или великолепную? – уточняет дракон. – А я-то думал, что полкоролевства хочешь...

Рыцарь водружает шлем на голову и на пробу рассекает мечом воздух.

Дракон снова неудержимо зевает и, тряхнув гигантской головой, заявляет:

– Хочешь принцессу? Забирай, пожалуйста. У меня лишь одно ма-а-аленькое условие. Верни мне человеческий облик.

– Так ты не дракон? – от недоумения рыцарь опускает меч. – Но я же не колдун, откуда я знаю, как тебе расколдоваться?

Зольтах вздыхает и – в который уже раз – повторяет:

– А меня и должен расколдовать обычный человек...

Рыцарь пожимает плечами... но внезапно вспоминает собственное детство...

Рыжий огонь в камине тёплыми неровными бликами освещает комнату. Он создаёт уют – и одновременно заостряет до предела темноту за окном и за приоткрытой дверью. Что за чудовища прячутся во мраке?.. Мальчик лет семи теснее прижимается к сидящему рядом человеку, чья голова давно побелела – от возраста и от пережитого.

– Дедушка, а почитай мою любимую, про храброго рыцаря Рамадзана и Синего дракона...

Дед слегка усмехается:

– А прекрасную принцессу Лириен ты, значит, не уважаешь? Напрасно... – и, получив в ответ нетерпеливый жест, спокойно продолжает: – Тогда иди и принеси мне книгу.

Ромел втягивает голову в плечи. Идти за книгой – туда, к чудовищам, в темноту... Не утешает даже то, что можно взять тройной подсвечник с зажжёнными свечами.

– Так что же, Ромел? Ты хочешь быть похож на Рамадзана? – отчаянный кивок. – Тогда тебе нужно сразиться со своим личным Синим драконом. Иди и возьми книгу. Посмотри в глаза своему страху.

Прерывистый вздох подозрительно напоминает всхлип. Но дед как будто этого не замечает и вкладывает в детскую руку подсвечник.

Ромел поднимается и, сделав два шага к двери, вновь застывает.

– Иди навстречу страху. Так делал Рамадзан. Так можно перестать бояться. Так станешь человеком.

Ладони противно покалывает, исцарапанные коленки чудом не подгибаются. Рубеж преодолен: комната осталась за спиной... И,

разозлившись, Ромел внезапно идёт не в соседнюю, куда ему нужно, а в чернеющий угол коридора, высоко подняв над головой подсвечник. Где там эти чудовища, пусть уже выходят наконец!..

И долго стоит, пытаясь осознать, почему никаких чудовищ там не оказалось.

Когда он протягивает наконец книгу, дед, не глядя, кладёт её на колени и повторяет:

– Так становятся человеком...

Дорога делает поворот, и за стеной деревьев не видно, что за ним. Лишь слышен топот копыт. Эхеан отступает с тропы на луг – а то ещё затопчут с разбегу.

Породистый конь. Хороший меч. Доспехи – так себе, обычная медь, но прочная. Рыцарь не самый знатный, но толк в своём деле знает.

– Эй, красавица, куда направляешься? – всадник, придержав коня, разглядывает незнакомку. – Может, подвезти?..

Острый взгляд серых глаз обжигает сильнее пощёчины:

– Ноги пока целы.

Девушка торопливо скрывается за поворотом, надеясь, что всадник тоже двинется своей дорогой. Не тут-то было. Спешившись и быстро ведя коня под уздцы, он говорит в спину Эхеан:

– Я зла тебе не желаю, не вор и не насильник. Но тропа эта ведёт к логову дракона – а дальше тупик. Я сам оттуда возвращаюсь. Может, ты сбилась с дороги, так помогу выбраться.

Менестрель оборачивается. Светлая прядь выбивается из собранной вокруг головы косы, и её треплет налетевший ветер.

– Мне туда и нужно. Дракон унёс мою госпожу.

– Госпожу? Так ты из свиты принцессы? И пошла за ней в такую даль одна и пешком?! – во взгляде рыцаря теперь смешиваются недоверие, восхищение и уважение. Девушка в ответ лишь кивает – и продолжает путь.

– Вот это верность, – бормочет под нос Ромел, качая головой. – Да о такой только легенды складывают, и то через слово врут... Подожди! – окликает он Эхеан. И торопливо идёт за ней.

Рыцарь, с трудом удерживаясь в седле, возвращается домой. Раны дают о себе знать – в голень, сквозная, и ещё одна, невидимая, но всё равно ноет. Ромел возвращается один – его оруженосец сказал, что уходит к другому господину, более удачливому. Герб с

полумесяцем в разрезе туч сияет не так ярко, как пристало бы победителю: некому надраить доспехи.

Но рыцарь улыбается, глядя окрест. Вот и роища, за которой высится башня с окнами едва ли не в рост. Скоро, совсем скоро он обнимет красавицу-жену – и раны утихнут. Не исчезнут, нет, но болеть станут меньше.

Он не видел сочувствующих взглядов прислуги, пока эхо шагов раздавалось по коридору. Рванул желанную дверь на себя. И застыл на пороге.

Белизна двух тел – как белый гной на ране. Женский крик, суевливая бегодня усатого маркиза. Кажется, они встречались на каком-то приёме... Память отказывала.

Каролина падает на колени, что-то стонет. А Ромел слышит: «твоя... навеки...» – среди гроздьев сирени в сумерках, среди строгих стен под звон колоколов... И собственный шёпот – «Каролина!» – посреди боя и мрака, что поднимал лучшие громких окриков военачальника.

В тёмных глазах вместо ярости – пустота.

– Ты не жена мне больше, – хриплый от сжавшего горло комка голос. – Уходи.

Кольцо, сдёрнутое с руки, со звоном катится под босые ноги женщины.

Болота... Проклятые болота. Страшна не столько трясина, сколько неясные блуждающие огоньки. Манят, дразнят, зовут за собой... парализуют, пригвождая мощные лапы к земле. Кажется, от одного их вида на загривке шевелятся чешуйки.

Но он делает шаг вперёд. И ещё. Сам не понимает, как. Огоньки то приближаются, то вновь убегают в толщу ночного тумана. Сердце кузнечным молотом стучит в ушах. Но Зольтах очень хочет стать человеком. И, отчаянно сорвавшись с места, на бреющем полете летит навстречу проклятым огонькам.

Огромного усилия стоит не зажмуриться, но ему удаётся и это. Зольтах ждёт, что крылья просто откажут нести его, и он рухнет в трясины, прямоком на издевательски мерцающие точки. Но внезапно они исчезают.

Дракон разворачивается, решив, что в темноте не заметил, как перелетел на противоположный берег. Но нет – ноздри по-прежнему щекочет запах тины и стоячей воды. Только пугающих огней он больше не может разглядеть, как ни всматривается.

...Зелёные бока всё ещё тяжело вздымаются. Зольтах прикрывает глаза и уговаривает себя успокоиться: в пещере уже жарко от его шумных вздохов. Но теперь в них слышится разочарование – ведь он по-прежнему дракон...

Принцесса, стоя на пороге, вглядывается в облитую лунным светом тропу, проложенную сквозь острые камни. Клыкастая гора не зря так зовётся – ни подняться сюда, ни спуститься вниз человеку почти невозможно.

– Хочешь вернуться? – интересуется Зольтах, чтобы отвлечься.

Райнен оборачивается. Признание вырывается весенним ручьём:

– Не хочу. – Спohватившись, быстро добавляет: – Но там мой дом... Отец... Королевство, наконец! И Эхеан...

– А это кто?

Не отвечая, девушка медленно идёт вдоль стены, ведя по ней нежной ладонью.

Чёрные клубы дыма вместе с алыми язычками пламени вырываются из драконьей пасти – и сваленные сучья занимают огнём. Зольтах подцепляет брошенную заячью тушку и, вспоров шкуру в нужных местах, снимает её. На золоте мерцает кровавый след, но Райнен уже привыкла к подобному зрелищу.

Дразнящий аромат щекочет ноздри. Принцесса сыплет в жаркое соль и пряности – скорее всего она вновь недосолит или бухнет слишком много перца. Но страдает от собственного неумения лишь она сама, а потому учится Райнен быстро.

Поужинав, она усаживается у порога на кучу вереска, заботливо принесённую драконом, обхватывает колени руками и уводит взгляд в небо. На закате ещё розовое, над головой оно уже темнеет и кажется столь близким, что хочется протянуть руку – и коснуться первой звезды...

– Здорово, правда? – морда дракона укладывается рядом и с таким же мечтательным выражением любуется на тонкий серп молодого месяца.

Райнен кивает. Ей уютно рядом с чудовищем. Можно болтать, а можно просто молчать, как сейчас, – и неизвестно, что греет душу сильнее. Забота дракона окружает её, как объятия матери из смутных детских воспоминаний. Хотя здесь она не принцесса, а пленница.

Жёсткая чешуя слегка касается руки, и девушка вытягивает ноги, тайне надеясь, что дракон положит голову ей на колени. В самом деле, ему же наверняка иногда нужна подушка...

– Ладно. Ты как хочешь, а я спать, – внезапно заявляет Зольтах и уползает вглубь пещеры. Сворачивается там огромным клубком, по-собачьи накрывая хвостом голову.

Райнен всё также смотрит на небо, но выступившие на нём звёзды уже не кажутся близкими.

– Ты будешь держать меня здесь, пока не встретишь того, кто вернёт тебе человеческий облик? – спрашивает принцесса, когда раздосадованный Зольтах протискивается под каменные своды. Очередной рыцарь просто ускакал восвояси после его признания, обозвав на прощание оборотнем...

Ящер не сразу оборачивается на голос Райнен, а та добавляет уже совсем тихо:

– А не думаешь, что это могу быть я?

– Ты? – удивляется Зольтах. Подобное ему как-то не приходило в голову. – Хм-м... а что, вполне может быть... Что ж, попробуй. – В янтарных глазах дракона загорается надежда.

Всего лишь надежда... Ему нужна не принцесса, ему нужно расколдоваться – и забыть о проведённых здесь днях как о страшном сне...

Слеза скатывается по щеке, холодя кожу – и душу. Впервые Райнен понимает, почему её менестрель так часто играла печальные мелодии.

Нежные губы касаются шершавой драконьей чешуи. Девушка выдаёт себя с головой – но она должна хотя бы попытаться.

...Минуты текут. Чуда по-прежнему не случается.

Дракон разочарованно вздыхает:

– Ну, вот... Снова неудача. Постой... а почему ты выбрала такой странный способ?

Принцесса вновь идёт вдоль стены – теперь уже обратно, к порогу. Волосы её свешиваются, заслоняя пылающее лицо – и печальные глаза. Зольтах запоздало соображает:

– Поцелуй... Поцелуй любящего рушит злые чары! Но... Райнен, это значит...

Та не отвечает, остановившись на пороге. Вновь смотрит на расстилающуюся под ногами даль. И очень хочет стать птицей – взлететь, подняться высоко-высоко в небо, подальше от земли и самой себя. И там, на высоте, сложить крылья.

Дракон же замолкает, не договорив. Прикрывает чешуйчатые веки, и прошлое уносит его на своих волнах...

Заря едва занимается, обливая небо золотой дымкой. Но Зольтах уже на ногах и возится в королевском саду. Он любит эти

рассветные утренние часы, когда все ещё спят и никто не мешает сосредоточиться на своих мыслях.

Все ли?

Протяжная, сжимающая сердце мелодия льётся откуда-то сверху. В хрустальной тишине звук отчётлив, будто играют прямо за плечами. Невольно Зольтах вертит головой в поисках источника музыки – и внезапно садовые ножницы падают из его рук на влажную землю.

Девушка на балконе дальней башни дворца. Ветер взмывает чёрные кудри, заслоняя лицо, к тому же стоит она в профиль. Оранжевый свет окутывает её фигуру, и кажется она сотканной из несмелых ещё рассветных лучей.

А мелодия продолжается, набирая силу. В ней отчаяние и безрассудство, и безграничная вера в жизнь и красоту мира. Садовник стоит и не может сделать ни шагу, зачарованный.

Последний аккорд повисает в воздухе росинкой на лепестке. Взмывается в последний раз смоль волос – и девушка уходит. Кто она? Знатная дама? Почётная гостья? Служанка?.. Зольтах не бывает внутри дворца, ночуя в сторожке в глубине сада.

...С тех пор садовник не оставлял надежды ещё раз увидеть таинственную девушку, хотя и не представлял, как сможет её узнать. А через месяц он нашёл медальон.

На пороге пещеры вырастают два силуэта: пониже – в широком плаще, второй, позади – в доспехах, со снятым шлемом.

– Райнен! – тонкий, знакомый до сжавшегося сердца голос уносится под своды.

Дракон недоумённо поворачивает тяжёлую голову: ещё ни один человек не осмеливался сюда забираться. А принцесса, замерев на мгновение, срывается с места. Сноровисто перебравшись через разделявшие их груды сокровищ, заключает менестреля в объятия. Лица у обоих светятся ярче драгоценных камней под лапами дракона.

Райнен первая разжимает ладони и спрашивает:

– Как ты здесь оказалась?

– Пришла за тобой, – спокойно отвечает Эхеан, и глаза её лучатся.

Принцесса оборачивается на Зольтах, потом смотрит на Эхеан и вновь – на дракона.

Рыцарь же, тенью подпирающий стену, с любопытством рассматривает Райнен. Но горестный вскрик менестреля отвлекает его, и он, выхватив меч, принимает боевую стойку и оглядывается, готовый защищать её от неведомой угрозы.

Эхеан же бросается куда-то в угол пещеры – и, наклонившись, замирает. В наступившей тишине её всхлип слышится отчётливо, как звук упавшего с обрыва камня.

Она оборачивается, держа на вытянутых руках свою арфу. С порванными струнами.

В тёмном небе расцветают узоры салютов – сегодня день рождения принцессы. Не смотрит на них лишь маленькая фигурка, бессильно прислонившаяся к воротам дворца. У её ног лежит неразлучная арфа с лопнувшими струнами.

Райнен смеялась, гости кружились в танце, благоухали свежесорванные цветы в вазах – а у Эхеан не было времени даже полюбоваться великолепием. Она играла весь вечер почти без передышки.

Завтра вновь идти к дворцовым музыкантам и просить струны. А после натягивать их изрезанными пальцами. Помочь ей вряд ли кто согласится – Эхеан недолюбливают во дворце, несмотря на явную благосклонность принцессы. Она давно привыкла к этому, но сегодня усталость взяла своё, и грязные разводы ползут по лицу от размазываемых слёз.

...Фигура в сером плаще вырастает бесшумно – и как будто из ниоткуда.

– Отчего плачет королевский менестрель? – Женщина. Лицо под капюшоном молодое, глаза старые.

Эхеан не знает, что ответить. Она не привыкла жаловаться.

Женщина смотрит на содранные в кровь руки Эхеан. На сжавшиеся плечи. Поднимает арфу и задумчиво перебирает свитые кольцами мёртвые струны.

Ладонь пересекает царапина. Женщина углубляет её, вжимая острые обрывки в кожу, и что-то шепчет. Тёмные в сгустившихся сумерках капли падают на арфу – и свёрнутые кольца струн распрямляются.

– Теперь их не порвать человеку, – молвит колдунья, возвращая инструмент. – Но и другими не заменить. Если всё же лопнут, тебе придётся искать замену – и чем-то жертвовать.

Колдунья растворяется в ночи прежде, чем Эхеан успевает хоть что-то сказать.

– Ты... безмозглая ящерица! – кричит Эхеан на дракона, не заботясь о том, что одним движением лапы он может оборвать её голос навечно. – Мало что украл мою вещь, так ещё и испортил! Теперь не починить... она была заговорена... – крик переходит в еле слышный шёпот.

– Ну, я не знал же, – оправдывается Зольтах. Но менестрель не слушает его. В глазах её загорается мрачный огонёк, и девушка принимается расплетать уложенную вокруг головы косу.

– Может, струны всё же можно будет натянуть, – произносит принцесса. Эхеан не отвечает, расчёсывая золото волос поднятым золотым же гребнем. После оборачивается к Ромелу:

– Дай меч.

Тот смотрит на неё, не замечая, как рука сама протягивает оружие. И вскрикивает – кудри падают на сокровища, срезанные заточенной сталью.

Тонкие пальцы менестреля натягивают новоявленные «струны» – и на пробу касаются одной. Изумительной чистоты звук эхом разносится по пещере.

Эхеан опускается рядом с арфой. Смотрит на дракона, на свою госпожу, на рыцаря, в чьих глазах немой укор – и незнакомая доселе нежность. Они молчат – и тоже смотрят на менестреля.

Арфистка вскидывает руки, как крылья, в широких рукавах плаща – и тихий аккорд начинает мелодию, что так долго зрела без выхода.

Три пары глаз почти одновременно закрываются – потому что так проще справиться с болью и радостью, что, переплетясь теснее влюблённых, текут по венам, воскрешённые музыкой.

Девочка с обручем на голове тербит королевскую мантию:

– А где же мама?

Король устало отвечает, что мама задерживается, она обязательно придёт, только позже... но Райнен отчётливо понимает – ложь. Развернувшись, бежит из тронного зала – и горячие слёзы первой потери обжигают ладони.

...Балкон – самый высокий во дворце. С него хороший обзор. От кованых ворот ведёт дорога – куда она уводит? Есть ли вообще у неё конец? И доведётся ли принцессе сделать по ней хоть пару шагов? Она ведь не вольна распоряжаться собой, как хочет...

А линия горизонта подёрнута невесомой дымкой, и нестерпимо хочется добраться до неё, коснуться рукой, взглянуть – а что же там, за гранью...

Грусть туманит взор... но взгляд по-прежнему чист и светел...

Свой и чужой крики, сливаясь, стегают по ушам. Тяжесть меча в руке привычна по каждодневным тренировкам. Но на тренировках лезвие не заточено – и от точного выпада между пластин доспехов не окрашивается красным.

Первый бой окончен. Противник, слабо дёрнув разжавшейся рукой, затихает.

Первый убитый. Так победа это – или поражение?..

...Смеющееся девичье лицо средь гроздьев сирени. Стоны – жалкие, унижительные; звон упавшего кольца. Сердце отзывается прыжком вниз, но внезапно всплывает ещё одно лицо – не по годам серьёзное, с обрезанными золотыми кудрями.

Сердце ухаёт вновь, на этот раз – вверх.

Пещера. Одиночество. Люди разбегаются от одного вида – а они-то ему и нужны.

...Холодный блеск сокровищ. Ветер навстречу в полёте, небывалая сила – и мудрость. И желание – до царапающих камни когтей – вернуться, вернуться...

В глубоких янтарных глазах тоска – и надежда.

Изученные до последнего поворота переплетенья дворцовых коридоров. Принцесса медленно проводит ладонью по обшитой бархатом стене – и, кажется, та поёт под руками не хуже арфы менестреля. Дом...

– Райнен!

Пурпурная мантия, взметнувшись на обнимающих руках, скрывает алое платье принцессы. Пока никто не видит, король обнимает дочь вновь – и дыхание его прерывается на мгновение.

Но вот Вернес отстраняется и поправляет чуть съехавшую корону.

– Райнен. Нужно что-то решать. Я не могу отдать тебя в жёны твоему менестрелю, а судьбу твою пора устраивать.

На посветлевшее было лицо девушки драконьим крылом ложится тень.

– Нет, отец.

Вздёргивается упрямо подбородок, и не терпящий возражений голос чеканит слова:

– Я буду править Золотой Долиной одна. И пусть кто-нибудь попробует сказать, что у меня не хватит на это силы!..

Кажется, даже тень её вырастает. Райнен оправдывает своё прозвище – она и впрямь великолепна.

– Я поговорю с тобой позже, – молвит король, и полы его мантии взметают мельчайшую пыль на мраморном полу.

Райнен разворачивается и бредёт в противоположную сторону. И делает вид, что не замечает двоих у витражного окна.

– Да простит меня госпожа Райнен, – говорит Ромел, провожая взглядом принцессу, – но моя госпожа – ты...

И берёт в ладони смеющееся лицо менестреля.

Райнен Великолепная восседает на коне рыцаря – прямая и гордая более обычного. Сухи её глаза – пламя души плещется в них, грозя опалить. Но ужасаться и восхищаться некому – Ромел и Эхеан отстали. Трудно пешему поспеть за конным. Особенно если пеший и сам не торопится.

– Тяжёлая, наверное, твоя арфа, – кивает рыцарь на висящий за плечами девушки чехол. – Давай понесу.

Менестрель недоумённо пожимает плечами: она рада этой тяжести. Но что-то в голосе спутника заставляет взглянуть на него. И ноги сами останавливаются.

– Эхеан... – имя птицей слетает с губ, и прочие слова умирают, так и не прозвучав. Руки спешно стягивают железные перчатки – и раскрывают навстречу тёплые ладони.

Серые глаза недоверчиво смотрят на них. Тонкие пальцы невольно взмываются к остриженным кудрям. Впервые менестрель жалеет о капризном своём деле.

Широкие, в мозолях, ладони зарываются в остатки светлых волос.

– Ты не переживай, отрастут, – шёпот тревожит сильнее любимых мелодий. – А мне и так нравится...

Эхеан делает шаг вперёд и кладёт голову на плечо Ромелу. Доспех холодит и царапает кожу, но в объятьях теплее, чем у огромного камина в тронной зале.

Зольтах просыпается оттого, что лежит на чём-то холодном и жёстком. Он совершенно точно помнит, что засыпал, как и всегда, в пещере. Разве что свернулся в клубок теснее обычного, ёжась от острого, как собственные когти, одиночества. Люди ушли, а он остался. Драконом.

Две слезы, огромные и горячие, скатились тогда из янтарных глаз и, зашипев, истаяли тонкой струйкой пара. Будто и не было их. Будто и не было ничего: ни отчаянного полёта над болотом, ни смутившего поцелуя принцессы, ни сжимающей сердце игры менестреля.

Зольтах закрывает глаза и упрямо не хочет их открывать вновь. Он устал быть чудовищем.

Но лежать становится всё неудобнее, и он раздражённо поворачивается и шарит лапой, чтобы выяснить, отчего привычное ложе вдруг стало таким неудобным.

Лапой?

Белизна кожи в рассветной мгле сияет ярче серебра.

Не веря, Зольтах вскакивает и оглядывает себя. Долго. А потом окрестности оглашают смех и крик счастливого человека, что безрассудно сбегает с вершины Клыкастой горы, не щадя новёхонький зелёный камзол – и собственную вновь обрётённую жизнь.

– И всё-таки, – бормочет он, немного успокоившись, – кто же меня расколдовал?

Рыцарь, менестрель, принцесса. Лишь эти трое впервые за всё время отозвались на его просьбу – и попытались помочь, как умели. Каждый по-своему.

Махнув рукой – и всё ещё не веря, что это самая что ни есть настоящая человеческая рука, – Зольтах решает разделить заслуги поровну. Он понимает, что все трое ему отныне дороги.

Хотя... нет. Одна дороже.

Мелодия рисует почти осязаемый узор: то убегает вдаль нежным ручейком, то обрушивается горной лавиной на незащищенное сердце под толщей зелёной брони. Воспоминания увлекают Зольтаха, как и остальных слушателей. Но что-то неясное тревожит, и он никак не может понять, что именно. Как будто видел увлекательнейший сон – а проснувшись, мгновенно забыл, и досада не покидает всё утро.

Эхеан не закрывает глаз, но она слишком сосредоточена на игре. Никто не видит, как напряжённо вслушивается дракон, как нервно сворачивается и вновь распрямляется его хвост. Зольтаха не покидает ощущение, что эту мелодию он где-то уже слышал.

Ну конечно! Вон они, те аккорды, что подарили полёт раньше, чем у него появились крылья. Он уже слышал эту музыку – три года назад, в королевском саду...

Райнен резко поднимается и вновь выходит на порог, запрокидывая лицо, будто пытаясь разглядеть в изгибе горизонта что-то, доступное только ей. Хлесткий ветер взметает чёрные кудри – и Зольтах, наконец, складывает разрубленные половинки холста в одно целое.

Дворцовая башня. Девушка на балконе. Игра королевского менестреля...

...Он украл принцессу, потому что драконам это свойственно. Но понял, что начинает незаметно к ней привязываться – и это смущало. Ведь черноволосую незнакомку он тоже не мог – и не хотел – забыть. И как же хорошо, что забывать никого и не надо...

Скрещённые алебарды преграждают путь во дворец. Один стражник неуверенно произносит:

– Похож на нашего бывшего садовника...

– Не велено, – перебивает второй. Он здесь недавно и не помнит Зольтаха. Да и мудрено его узнать спустя три года.

– Проведите меня к принцессе, – драконьи отголоски в голосе заставляют стражников переглянуться и исполнить просьбу.

Райнен стоит у окна, скрестив руки. Истончившаяся, но всё такая же невыносимо гордая и прекрасная.

Оборачивается – и недоумённо рассматривает растрёпанного оборванца, пока не наткнется на виноватый взгляд жёлтых глаз. Их теперь обрамляет не зелёная чешуя, а обычное человеческое лицо. Но усмешка, доброта и – на доньшке – драконья мудрость – по-прежнему светятся в знакомых до остановившегося сердца глазах.

– Райнен... Я... ты...

...Старый Вернес стоит на балконе и, щурясь от заходящего солнца, смотрит на две пары, медленно бредущие по расцветшему саду. Рука сжимает ключ от сокровищницы, куда перекочевали драконьи богатства, ставшие выкупом.

Внезапно Зольтах вскрикивает и наклоняется. На раскрытой ладони вспыхивает огнём медальон на порванной цепочке. С тремя язычками пламени на крышке.

– Как вовремя ты нашёл его, – глубокий женский голос из-под серого капюшона. Требовательно протянутая рука.

– Вы та колдунья, – хрипло произносит молодой король. – Но к чему было всё это?..

– Чтобы вы помнили, что значит быть человеком. А ты, король, не забывай и о мудрости дракона, что перешла к тебе. – Медальон исчезает в кармане плаща. На прощание колдунья касается волос Эхеан – и прежний водопад кудрей золотой волной ложится на белое платье менестреля.

Мерцают свечи в зашторенной комнате. Книга в тяжёлом бархатном переплёте развёрнута посередине, и на страницах – причудливая вязь. Рядом разбросаны листы бумаги и стёршийся грифель. А на листах – принцесса, дракон, девушка с арфой, рыцарь на коне, король на троне... Картинки движутся, отображая всё, что с ними произошло.

Но вот они иллюстрируют уже не прошлое, а будущее: молодые король и королева с озабоченными лицами – соседнее королевство начало войну за острова и втягивает в неё Золотую Долину. Старый король горячо призывает откликнуться, но Зольтах не зря жил в шкуре дракона три года. В ход идёт всё: шантаж, подкуп, слежка, заверения и жаркие обещания – но через две недели соседи мирятся, не пролив и капли крови друг друга.

Золотистая в пламени свечей рука сгребает картинки и задумчиво держит их, чуть сминая при этом. На стол с глухим стуком ложится медальон – и губы колдуньи трогает лёгкая улыбка.

Сильные пальцы затачивают грифель. Бездумно вертя его, колдунья размышляет, что – и кто – будет следующим.

...А на картинках, небрежно брошенных в угол, жизнь продолжается, и маленькая девочка нетвёрдыми шагами исследует королевский сад, что когда-то возделывал её отец. А в высокой башне с огромными окнами женщина смеётся, глядя, как горит в рассветных лучах золотая арфа, к которой упрямо лезет сын.

Но колдунья уже не смотрит на них. Она сделала, что могла, дальше пусть разбираются сами.

...Грифель бесшумно опускается на бумагу – и первый робкий штрих оттеняет её пока ещё нетронутую белизну.

2015

Шахматы

Игра. Сколько она продолжается? Час, два, сутки? Счёт времени потерян. На шахматном поле застыли лишь три оставшиеся фигуры – Белый Король, Чёрный Король и Чёрная Королева.

...Больше никого не осталось. Нет уже Белой Королевы – обманчиво милой, беспощадной по сути. Её загнали в угол, и ничем не мог помочь Белый Офицер, до того дважды прикрывавший Королеву собой. Он лишь до крови закусил губу, когда обезглавленное тело летело за край доски. Через три хода за край упал и сам Офицер, а его напарник согласился на честный размен ещё в самом начале Игры.

Чёрный Офицер держался дольше, переживя обоих Белых Офицеров, чем заслужил благосклонный кивок своего Короля. Но, разогнавшись, он пошёл в атаку на Белого Короля – и был сражён обычной Пешкой. Её смешной хвостик так забавно топорщился, когда она бросилась на защиту Короля, – а серые глаза её почему-то

улыбались, словно умирать было совсем не страшно. Разозлившись за промах, Чёрный Король отправил Коней проучить глупых Пешек, и сразу три из них поплатились жизнью за жизнь Чёрного Офицера.

Не отставал и Белый Король от своего противника, нанося точные и выверенные удары по тщательно сплетённой, как паутина, защите. Они стояли друг друга, одинаково просчитывая ходы – и одинаково преподнося сюрпризы.

Но Чёрному Королю улыбнулась удача: он сумел сохранить одну Пешку. И, что ещё важнее, сумел провести её сквозь всё поле – и подарить корону. Белый Король остался совсем один. Конец игры близок, и финал её прозрачен – Белый Король уже вынужден отступить к краю доски...

Взгляд Королевы затуманен: силки расставлены, добыча бьётся в тенётах, петля на горле, на бьющейся голубой жилке уже заклёстнута. Осталось лишь крепче затянуть... и ловить на рваном выдохе медленно исчезающую, столь непокорную и неуправляемую жизнь...

Нога в изящной туфельке поднимается для решающего шага – и внезапно застывает в воздухе.

Некуда шагать.

Взгляд из опьянённого мгновенно превращается в хищный, цепко оглядывающий маленький участок поля. Мысли вспыхивают одна за другой искорками. Но мозг бесстрастно констатирует: шагать некуда.

Два хода. Теоретически. Практически – ни одного.

Королева оборачивается к Чёрному Королю. Тот скучающе смотрит в сторону, словно ждёт, когда же, наконец, закончится эта ставшая скучной игра и можно будет идти домой пить чай. Зелёный, с жасмином.

Но хода нет слишком долго, и он нехотя поворачивается с раздражённым видом, словно рядом с ним не грозная Королева, а всё та же прежняя жалкая Пешка. Бровь его чуть изгибается, когда он видит застывшую в нелепой позе соратницу и противника, стоящего на краю доски с невозмутимым видом.

Чёрный Король опускает взгляд на три квадрата, что окружают Белого Короля – и чувствует резкую нехватку воздуха. Ему хватает доли секунды, чтобы оценить положение, но... как?! Как они могли просмотреть, прошляпить... так позорно, почти по-детски *зевнуть*?..

Белый Король скрещивает руки на груди и склоняет голову набок. Он по-прежнему спокоен, лишь на дне серо-голубых глаз просвечивает торжество победителя.

Он победил. Он не поставил ногу на грудь противника – и не обагрил клинок алой кровью, льющейся сквозь чёрные доспехи. Но

он не дал победить себя – а именно об этом грезил Чёрный Король во сне и наяву.

Королева переводит взгляд с одного короля на другого – и чуть покачивается при этом. Сказывается напряжение полуторачасовой игры и азарта. Но она всё ещё не сделала шага. Ветер взметает подол чёрного платья, обнажая изящную лодыжку, перетянутую узким ремешком. Если бы не он, туфелька, пожалуй, уже слетела бы с замершей в четырёх дюймах от доски ступни. Но Королева всё ещё не может решиться, ибо шагнуть вперёд – смерть, а остаться на прежнем месте – поражение.

– Дьявол!.. дьявол, дьявол!.. – Чёрный Король не выдерживает, и проклятья оглашают молчаливое поле. Скучающий вид исчез, уступив место нелепой в своём бессилии злости проигравшего.

Он проиграл. Его не пригвоздили к доске, не сбросили с неё. Его лишили возможности сбросить противника. Это даже не ничья, это пат, чёртов пат, когда ходить – некуда.

В ярости Чёрный Король топчет белую – белую! – клетку, на которой находится. Каблуки оставляют царапины на лакированной поверхности. Это не доска – это ненавистное спокойное лицо Белого Короля, искажённое мукой и мольбой о пощаде, в багровых кровоподтёках. Это сломанные рёбра, что врезаются в лёгкие, исторгая предсмертный хрип – и опять-таки мольбу о пощаде...

На настоящем, не из фантазий, лице Белого Короля медленно проступает улыбка. Так мать глядит на неразумное и капризное дитя: всё понимая – и не имея возможности и желания поступать иначе.

Улыбки противника Чёрный Король не переносит: с особо громким и красочным проклятьем он в два прыжка преодолевает отделявшие его от края клетки – и, взметнув полы чёрной мантии, словно птица Рух – крылья, срывается вниз. Крик его становится тише – и, наконец, тишина оглушает оставшихся на клетчатом поле.

Её нарушает негромкий стук опустившегося, наконец, каблука – на свою же клетку. Серо-голубые глаза разочарованно отворачиваются. Но тонкие руки взмываются вверх – и снимают тяжёлую корону.

Вновь налетевший ветер взлохмачивает и без того беспорядочную причёску ещё больше. Королева делает шаг вперёд – на клетку, соседнюю с Белым Королём, на верную смерть, хотя игра и окончена. И кладёт корону к его ногам.

Подёрнутые было льдом глаза теплеют, и улыбка – на сей раз искренняя, восхищённая – вновь трогает бледные губы.

– А вы умеете проигрывать, миледи, – произносит Король, и уважение в его голосе медленно перетекает в теплоту. Сцепленные, казалось, насмерть руки разъединяются.

Королева не двигается с места. Сейчас цепкие пальцы возьмутся за эфес меча, и её отрубленная голова покатится, смешно подпрыгивая, за край. Потом туда же отправится тело – она столько раз наблюдала этот нехитрый процесс за время игры! И хотя игра должна бы закончиться – Чёрного Короля нет, – но он ушёл против правил, глупо ждать их исполнения от его противника.

К тому же... Игра не кончена. Чёрная Королева это чувствует – всей кожей, так ярко, будто никакого платья на ней и нет.

...Сияющая серебром корона со звоном ударяется о доску и катится куда-то к центру поля. Король, чуть качнув обнажённой головой, делает шаг вперёд – к Королеве.

Ветер подхватывает подол чёрного платья и белой мантии, накладывает их друг на друга и нещадно треплет. На одной клетке совсем мало места для двух фигур.

Успевший попрощаться с жизнью взгляд обрушивается на Короля вновь заклубившимся азартом.

– А вы умеете играть, милорд, – констатирует Королева, и лёгкая улыбка трогает её губы. Как эхо улыбки, не сходящей с губ Короля.

2015

Русалочка

Полгода как отгремели свадебные фанфары, и русалочка стала женой принца.

Поначалу счастье её было безгранично. Нежность переполняла её, и она торопилась истратить её, словно та могла внезапно оборваться на полувздохе. Не обращая внимания на острые ножи, по которым ей приходилось ступать, счастливая, она не ходила – порхала, или плыла – так восхитительно плавны были её движения. Так выразителен был взгляд, что, казалось, никто и не обратит внимания на то, что она немая.

Но ничто не длится вечно, а счастье – более всего. Принц всё чаще стал уезжать на охоты и пиры без жены, всё реже называл её милым Найдёнышем. Русалочка не понимала, в чём причина, оттого в её взгляде засквозила печаль.

К тому же она начала скучать по морскому дну. Не могла теперь без грусти смотреть на все оттенки зелёного и синего, будь то тёмно-

зелёный, как стены дворца морского царя, или нежно-лазурный, как пронизанная солнцем поверхность моря... Платье она носила ржаво-алое, как изъеденные солёной водой клинки с затонувших кораблей, меж которых она так любила находиться часами. Красная едва распутившаяся роза украшала каштановые волосы; иных же украшений она не принимала.

Высокий, почти под самой крышей дворца, балкон выходил прямо на море – немудрено, что это было её любимое место! Сюда часто уходила она, утомившись от нескончаемых приёмов и церемоний или же устав улыбаться, танцуя на неизменных острых ножках. А

подумать ей было о чём – недавно сделала она открытие, которое её обрадовало и опечалило одновременно. Русалочка ждала ребёнка. Скоро уже должно было стать заметным ожидание, но перемены в поведении принца тревожили русалочку. Будет ли он рад ребёнку, если всё реже находит время на сон грядущий поцеловать любящую жену?..

Далеко на горизонте в летнем лёгком мареве терялись скалы. Русалочка вспомнила, как даже издали восхищалась их могучим гордым видом и всё хотела подплыть поближе, да не успела...

– А, вот вы где, Ваше Высочество! – внезапный оклик заставил метнуться спугнутой рыбкой, едва успев ухватиться за перила. Русалочка до сих пор не могла привыкнуть к бесцеремонным манерам первой фрейлины, приставленной к ней ещё полгода назад, до свадьбы.

– Вас обыскались, – недовольно сказала фрейлина и поджала губы. В руках она держала бархатную подушечку, на которой покоилась сверкающая даже в подступающих сумерках диадема. – Опять без короны – и это когда к нам съехался весь цвет высшего общества! Принц вынужден танцевать с гостями уже в десятый раз, пропустив первый танец!

Отчитав русалочку, словно нашкодившую девчонку, – та ведь не могла ответить, – фрейлина водрузила диадему на каштановые кудри и выбросила ненужную розу за борт балкона. Русалочка проводила недолгий полёт цветка грустным взглядом, но цепкие пальцы уже охватили запястье и потянули на церемонию.

Небрежно толкнув дверь покоев, принц усталым взглядом окинул привычное роскошно убранное помещение. Отстегнув перевязь с изукрашенным кинжалом, не глядя швырнул её в угол.

Откинувшись на шёлковые подушки, он рассеянно бродил взглядом по резному потолку, по гобелену над кроватью. Два лебедя, розовые, как фламинго, в лучах восходящего солнца, крыло к крылу летели навстречу горизонту...

– Эй, там! – позвал принц. – Ледяного шербета!

Духота стояла невыносимая. Стоило бы, пожалуй, окунуться в прохладную морскую воду. Судя по всему, ночью обещала быть буря.

Неслышно отворилась дверь, и слуга с поклоном поставил на прикроватный столик запотевший хрустальный графин. Потянувшись за ним, принц сделал неловкое движение, и на колени выпал начавший увядать красный цветок, пару часов назад заботливо вплетённый ему в волосы.

Взяв его двумя пальцами, будто вызывающую брезгливость вещь, принц повертел его так и эдак. Потом, пожав плечами, страхнул на узорчатый ковёр.

Из-за обшлага камзола выглядывал белоснежный платок. Его можно было назвать изящным, если бы уменьшить вышивку на нём хоть вполовину. Да и мощность духов до сих пор сохранилась с первозданной силой. Всё же принц достал его, развернул. Гордый королевский вензель, вышитый в углу, притягивал взгляд.

...По случаю дня рождения короля во дворец съехалось много гостей. В их числе оказалась и принцесса соседнего королевства, очаровательная белокурая девушка. Принц понравился ей ещё полгода назад, когда она вместе с остальными монастырскими воспитанницами выбежала к берегу, на который вынесло прекрасного незнакомца. А потом оказалось, что незнакомец ещё и наследник процветающей державы... Ведь у принцессы было два старших брата, и корона могла ей достаться лишь хорошим замужеством.

Правда, наследник отчего-то возьми и женись, вопреки всем обычаям, на безродной, непонятно откуда взявшейся, да ещё и немой девчонке. Кроткая красота её пленяла всех – от последнего служки до короля-отца, а танцевала она так, что забывалось, на небе ты или на земле... Но принцесса тоже умела танцевать, и весьма изящно. К тому же она могла говорить и давать советы по управлению государством – а король-отец, праздновавший свой семидесятый день рождения, со дня на день собирался переложить корону на молодого наследника.

Вздохнув, принц принялся за блаженно ледяной щербет. Свидание в саду, в зарослях цветущих акаций, слегка утомило его. К тому же принцесса так переживала о предстоящей коронации – сложно ведь найти понимающего в делах государственных человека!

Принц и впрямь нуждался в подобном советнике, поскольку в силу молодости, лёгкости ли характера он частенько сбегал с уроков политологии и истории, да и фортификацию изучал спустя рукава. Наставник не осмеливался на него жаловаться. И теперь, когда знания грозили резко понадобиться, молодой принц пребывал в растерянности. Отец собирался удалиться от дел и поселиться в лесной хижине, подальше от всех, а прекрасная жена не могла помочь – откуда бы! Никому во дворце и в голову не приходило, что русалочка – самая настоящая принцесса и ей ведомы многие премудрости. Принц относился к ней как к забавной игрушке – живой, трепетной и безмерно его обожающей. Потому, собственно, и женился, очарованный.

Теперь же очарование от повседневного обихода притупилось, и принц начал задумываться о будущем, как ему казалось, более серьёзно.

– Всё-таки лучше увезти в моё королевство. Не стоит давать пищу для сплетен. Там ей будет также хорошо, как здесь, а нам уже никто не помешает...

Нежный голосок принцессы обволакивал принца, ласки одурманивали. Не помня себя, он согласился. Да что там жена – скажи ему кто, что для продолжения нужно отдать корону и королевство в придачу – он и тут бы подписал всё что нужно, не глядя, лишь бы не отрываться от прелестницы.

Впрочем, так оно и было.

И той же ночью русалочку, по обычаю гулявшую в поздних сумерках по морскому берегу, подхватили крепкие руки, уложили поперёк седла, и горячий конь помчался далеко-далеко, туда, где смыкаются скалы на горизонте. Хотела русалочка их увидеть, но не так, ой, не так! А что было ей делать – она, немая, не могла подать голоса, а сопротивляться сил у неё тоже доставало.

К рассвету они пересекли границу. Опустив русалочку на землю, – та свалилась сномом, так её умотали скачка и страх неизвестности, – всадник сказал:

– Мне приказано тебя убить и скинуть твои кости в море. Но убивать беззащитную молодую девушку я не стану. Я увёз тебя куда смог, дальше ищи свою долю сама. Да не оставит тебя небо!..

И русалочку обдала пыль, взметнувшаяся из-под конских копыт.

У подножия скал плескалось море. Русалочка исследовала их, хоть и не забиралась высоко – мрачные пещеры не пугали её, напоминая о подводных гротах. И то сказать, до страхов ли ей было – ноги её болели беспрестанно, ребёнок внутри отнимал всё больше сил, и грызла душу тревога за принца и тоска по нему – она ведь не знала, что он согласился потерять своего Найдёныша.

Но скоро боли ей добавилось – как-то вечером наверх всплыла старшая сестра и сказала:

– Принц твой женится во второй раз! Это его невеста хотела тебя убить, а он поверил, что тебя увезут подальше и поселят в какой ни есть деревушке! Осенью они играют свадьбу. Ведьма сказала, что твоя человеческая жизнь продлится, пока ребенку не исполнится месяц. А потом тебе надо убить принца и его жену, или станешь пеной морской – и ты, и дитя твоё! Жизнь за жизнь...

Тогда поняла русалочка, что ступни её, в которые беспрестанно вонзаются острые ножи, – не боль. Сердце её заметалось, заколотилось так бешено, словно решило раньше времени освободиться от плена рёбер. Предательство, да ещё столь малодушное, захлестнуло русалочку тёмной волной, и она свалилась прямо в воду.

Сестра подняла её и положила осторожно на берег. Покачала головой.

– Если это любовь, то век бы не знать её, – сказала она и, запечатлев поцелуй на лбу русалочки, взмахнула хвостом и пропала в пучине морской.

Спустя полтора месяца прибрежные скалы услышали забытый ими крик младенца. Девочка родилась с двумя ножками, человеком... Русалочка, едва оправившись от родов, не отпускала дочь почти ни на секунду – ведь совсем скоро им предстояло стать пеной морской! Либо же ей придётся стать убийцей того, ради кого она отдала голос, потеряла дом и самоё себя, кто стал отцом её милой дочери и даже не догадывался об этом! Ужасный выбор! В каштановых прежде волосах её проступила седина от неизбежного горя. В глазах же горела такая тоска, что, казалось, камни кинулись ей на помощь, если смогли бы.

Сёстры, каждый день приплывавшие посмотреть на племянницу, торопили русалочку.

– Плывём же! – говорили они. – К концу лета приходит тёплое течение. Мы поможем тебе добраться до королевства принца. Будешь ночевать и отдыхать на берегу, в бухтах и заливах. Малышка твоя так мила, так игрива – она стоит того, чтобы жить! Поспешим!

Сам царь морской поднялся на поверхность. Хоть он и не приближался к берегу, старшие сёстры доплыли до него, держа над водой ребёнка. Внучка при виде огромного царя сперва заревела, а после протянула ручонки к блестящему посоху и заулыбалась.

И вот русалочка, поддерживаемая сёстрами, отправилась в путь. Ей часто приходилось отдыхать – теперь ведь она была человеком. Девочка же в воде чувствовала себя лучше матери – почти всё время спала и мало капризничала. С ясными синими, как у матери, глазами, столь же выразительными, она была прелестна.

Русалочка же чахла и истончалась на глазах. Она не могла ни поплакать, ни высказать никому, что творилось у неё на душе, и лишь смотрела – на дочь, на сестёр, на море и небо, и живописные берега вокруг – смотрела, смотрела...

Такого жадного, говорящего, отчаянного взгляда сёстры не могли больше переносить. Они поплыли на поклон к морской ведьме.

– Неужели не найдётся никакого средства? – говорили они. – Наша сестра чахнет! Мы не хотим терять её и племянницу, а ведь русалочка не сможет убить своего принца. Мы готовы заплатить тебе – чем пожелаешь, а уж она и подавно!

Ведьма оторвалась от поглаживания бородавчатой жабы, и та, скатившись вниз, ушлёпала в угол.

– Заплатить... Чем? Не богатствами же с королевских подвалов? Этого добра мне не надо. А что ещё осталось ценного у вашей сестры? Впрочем... Если так не хочет убивать, пусть отдаст мне молодость! Пусть ходит древней старухой, согбённой так, будто прожила с десятков веков!

Русалочка только кивнула, едва сёстры рассказали ей о словах ведьмы. И в тот же миг они дружно ахнули: милые черты исказились до неузнаваемости, кожа посерела и сморщилась, прекрасные некогда волосы повисли грязными редкими клоками. Древняя трясущая старуха стояла перед ними вместо прежней очаровательной русалочки, самой красивой из всех сестёр.

Она наклонилась над водой, и новая боль пронзила её сердце: теперь уж точно принц никогда и не посмотрит на неё, старую уродину. Она ведь всё ещё любила его, хоть он и вовсе этого не стоил. Но у неё ещё была дочь, которая теперь будет жить, и русалочка прижала её к высохшей груди.

Погода стояла самая ясная, море было спокойное и чистое, ласковая лазурь разливалась до горизонта. Корабль с королевским штандартом отчаливал от берега; множество народа провожало его с шумом, шапки мелькали в воздухе.

Принц... нет, теперь уже молодой король стоял на палубе вместе с белокурой королевой, а та улыбалась и посылала всем воздушные поцелуи. Быстро же забыли немую русалочку – толпа запоминает лишь то, что ярко и бросается в глаза, и остаётся глуха к тихому и незаметному, составляющему обычно самую суть жизни.

Стояла в толпе и русалочка; пробралась она к самым сходням корабля и смотрела прямо на своего принца. Глаза её, молодые на старом лице, говорили громче розовых ланит юной девушки, но – увы! – некому было их слушать. Принц заметил оборванную старуху. Она улыбнулась ему жутким беззубым ртом и протянула к нему руки, забыв в мгновение и о своём обличии, и о том, что он её предал. Он же равнодушно скользнул по ней взглядом и, не узнав прежней жены, не узнал и дочери, любопытно таращившей глазёнки на пестроту вокруг.

Но вот раздалась команда «Поднять якоря!», и фрегат тихо отчалил, увозя в свадебное путешествие королевскую чету.

Молодые король и королева долго ещё стояли на борту плечом к плечу. Со стороны они казались нежными влюблёнными, но это было не так. Новоиспечённый король озабочен был полнотой обязанностей, свалившихся на него; любовница, ставшая женой, грозила исчезнуть из его сердца ещё раньше, чем первая жена. Королева же и вовсе не испытывала к нему пылких чувств: желанная корона украшала теперь её хорошенькую головку, и радость от обладания золотым ободком все принимали за восторг медового месяца.

Так они плыли двое суток, и такого ясного неба, моряки говорили, не были уже полста лет. На третий день лазурь помрачнела, небо нахмурилось тяжёлыми тучами, и к вечеру прилетела настоящая буря. Корабль качался на вспененных волнах, как бумажный кораблик в ручье, что так любят по весне пускать мальчишки. Паруса оказались изорваны в клочья, грот-мачта наклонилась и с громким треском обрушилась на палубу – замешкавшийся юнга едва успел отскочить с её пути.

– Ваши величества! – прокричал капитан. – Скорее вниз, в каюту!

Король и королева, так и не ушедшие с палубы, будто очнулись от его зычного голоса и кинулись было к люку, ведшему вниз. Но тут корабль качнуло особенно сильно, палубу захлестнула волна величиной в дом, и королевскую чету смыло за борт. Кипящая пена скрыла их от глаз моряков.

Напрасно матросы аукали до хрипоты и скидывали канаты за борт – слепящая пелена застила глаза, и на поверхности моря лишь вздымались новые и новые волны.

Морская ведьма, отпихнув неразлучную жабу-вскормыша, загасила котёл с мерзким варевом, и буря наверху начала понемногу утихать.

– Иной раз приходится наводить порядок, – сказала она, выплеснув жидкость из котла за порог, отчего полипы, сторожившие у входа, шарахнулись в стороны. – Принц не любил ни первую, ни вторую жену, он как мотылёк порхал с цветка на цветок, не ценя ни аромата, ни цвета. Наслаждаться ему объятиями дна морского – то уж никого не отпускает! А королева любила только власть – так пусть же властвует теперь над водорослями и угрями!

И ведьма отшвырнула котёл в угол, так что он вспугнул жабу, загромыхав.

– Надо же раз в столетие делать доброе дело, – добавила ведьма.

И на рассвете, когда едва розовые лучи солнца коснулись русалочки, дряхлое лицо её разгладилось, на щёки вернулась свежесть румянца. Истрепавшееся платье исчезло; набежавшая волна прибоя плеснула на стройные ножки русалочки, и те сдвоились, срослись обратно в хвост. От холода она открыла глаза, и, ёжась, обнаружила, что она стала вновь русалочкой, и былая красота к ней вернулась.

Девочка, спавшая рядом с матерью, проснулась и захныкала. Русалочка обняла её, не зная, что делать с ней – ведь та-то была человеком. Но, едва оказались они в море, как ноги у малышки срослись в чешуйчатый хвост, и задышала она в воде так же спокойно, как на суше. Обрадованная русалочка прижала дочь к груди, и только круги побежали по лазурной глади...

Во дворце морского царя обрадовались, когда младшая сестра вернулась домой, снова русалочкой, такой же прекрасной, как и прежде, да ещё и с малышкой – новые ведь русалочки появлялись редко, раз в сто лет.

Русалочка поняла, что принц её утонул – ведь иначе с неё не снялось бы заклятье. Часто сидела она в своём разросшемся садике, как раньше, обхватив руками хвост, рядом со статуей мраморного мальчика. Глаза её были полны не отчаянием, а тихой грустью – нежная душа её переживала всё не бурно, но так глубоко, как не снилось и тёмным морским гротам.

Наверху осень сменилось зимой, а потом новой весной и тёплым летом, и так несколько раз. Понемногу горечь утихала, время затягивало шрамы на израненном сердце русалочки. Тем более малышка её подрастала и хорошела с каждым днём. Шесть её тёток и прабабка налюбоваться не могли на прелестную маленькую русалочку.

Но не прошло и года, как русалочку вновь начало тянуть наверх. Уж слишком запали ей в душу безбрежный простор моря от края до края, зелень деревьев и чудные голоса птиц – немая, теперь она больше ценила звуки. За матерью временами увязывалась и малышка, и, хотя до пятнадцатилетия ей было ох как далеко, никто не мог удержать её на дне – ведь она родилась на земле, и на поверхности её всё приводило в восхищение так же, как когда-то мать.

Русалочка же теперь выплывала только по ночам, когда берег был безлюден и тих, а в небе прямо над головой сверкали огромные созвездия. С первым же лучом солнца ныряла она обратно, не желая больше видеть ни белого света, ни людей с их изменчивыми и неблагодарными сердцами.

Но как-то в одну из безлунных ночей, когда она привычно сидела на камне, посреди моря замерцал огонёк, и русалочка услышала дружное пение. Огонёк всё приближался, и вот уже можно было рассмотреть рыбацкую лодку. Два молодых рыбака возвращались домой с хорошим уловом.

Русалочка уже хотела скрыться под водой, но отчего-то замешкалась, и рыбаки заметили её.

– Эй, красавица! – окликнул её один. – Не поздновато ли купаться?

– Далеко ты заплыла, – покачал головой второй рыбак. – Давай залазь к нам, доведём до берега, – и подмигнул так залихватски, что русалочка смутилась и соскользнула с камня. Волосы её взметнулись, и в неровном свете фонаря блеснула зелёная чешуя.

– Тьфу, да это ж русалка! – сплюнул первый рыбак и схватился за весло. – Гребём быстрее, как бы беды не было! – И он погрёб так яростно, будто за ним гнался сам морской дьявол.

Напарник же его всё смотрел в ночную мглу, туда, где оставалась русалочка. На следующий день он вновь приплыл туда на лодке, уже один, но русалочки не было. Не было её и ночью. «Уж не привиделось ли мне всё?», – подумал было он, но друг его в трактире целый вечер рассказывал, как стая русалок гналась за ними и грозилась утащить на дно. Не мог же он с пустого места всё выдумать!

Русалочка же не хотела подниматься на поверхность – боялась вновь наткнуться на молодого рыбака. Её сердце только-только начало успокаиваться, и то, что глаза у парня на лодке оказались тёплые и весёлые, ей совсем не понравилось. Не хватало ей только новой любви и новых страданий!

Но на третью ночь она не выдержала и поднялась-таки на поверхность. И что же – рыбак сидел на берегу и наигрывал весёленький мотивчик на свирели.

– А, вот и ты, – воскликнул он. – Я уж было устал тебя ждать.

И он заиграл вновь – просто, безыскусно и в то же время так пронзительно, что у русалочки защемило сердце. А потом рыбак начал ей рассказывать про свою жизнь, про всякие случаи на рыбной ловле – когда забавные, а когда и такие, что жуть брала. Он ведь ходил в море с десяти лет – сперва с отцом, а схоронив родителей, с другом, порой же и вовсе в одиночку.

– Расскажи и ты о своём мире, – попросил рыбак русалочку. Но та лишь печально покачала головой и жестом запечатала себе рот.

Рыбака, однако, это не смутило, и с тех пор они стали часто видеться. Скоро и дочь русалочки, увязавшись за матерью, всплыла на поверхность,

и ей молодой рыбак тоже понравился. Уж она-то болтала с ним без умолку, вдохновенно лепеча о диковинах подводного мира. Так что он принялся вздыхать о том, что не может их увидеть, но потом смотрел на нежную русалочку и на её смешливую дочку, и казалось ему, что вряд ли на всём дне морском сыщутся большие сокровища.

Русалочка больше не сидела в своём садике. Статую принца она сняла с пьедестала и забросила в дальний и тёмный грот. Красные когда-то любимые цветы её тоже больше не росли здесь: она и видеть не хотела ничего, что напоминало ей о принце.

Впрочем, теперь ей не хотелось даже и плести венков: не слишком она радовалась возвращённой молодости. Хоть русалки и не стареют, ей казалось, что молодой рыбак так добр с ней, потому что она красива, а потеряй она красоту паче чаяния – и не взглянет, как когда-то принц.

Дочка же русалочки всё сильнее привязывалась к рыбаку, только и разговоров было: «А когда наверх?» Русалочка молчала – впрочем, и не могла иначе, но хмурились брови на нежном лице: не хотелось ей, чтобы её дочь, как и она, привязывалась к человеку.

Но и сама русалочка не понимала себя: она ведь продолжала часто видеться с рыбаком. Даже стала чертить на прибрежном песке рисунки, а он их разгадывал – так они общались.

– Нынче наверху разыграется немаленькая буря, – сказала вдовствующая королева, выйдя на порог морского дворца. – То-то нападает добычи сверху!

У русалочки от этих слов почему-то защемило сердце. Она ведь накануне предупреждала рыбака, чтобы он в этот день не ходил в море, и тот вроде согласился. И, успокаивая себя, она пошла играть с дочкой. Но тревога отчего-то не проходила, и, оставив дочь с одной из сестёр, русалочка что было сил поплыла к поверхности.

И что же она увидела! Он всё-таки не послушался её, и утлое судёнышко швыряло на волнах, как щепку. Рыбак боролся со стихией, пытаясь грести к ставшему таким далёким берегу, но ярость моря была сильнее пары жалких деревяшек. Вот одно весло выпало из рук, и достать его парень уже не смог, если бы только не прыгнул в воду.

Русалочка смотрела, как он борется с морем и как море постепенно одерживает верх. Может, и хорошо, что так? Он попадёт к ней на дно, и им больше не придётся разлучаться. Смерть замкнёт его очи и уста – что с того, она ведь тоже немая! Она вновь расчистит свой садик и устроит ему самую лучшую могилу, и даже

опять посадит там цветы, только не красные, а тёмно-синие. И будет сидеть рядом, подолгу смотря вдаль и ничего не видя...

Меж тем из рук рыбака вывернуло и второе весло, и лодчонка стала неуправляемой – верная гибель! Буря и не думала стихать. Однако рыбак не собирался так быстро сдаваться. Держась одной рукой за борт, он сбросил обувь и с трудом стащил мокрую одежду, чтоб, если унесёт в море, лишний груз сразу не тянул ко дну. И вцепился что было силы в лодку, надеясь удержаться.

Но все усилия были тщетны: волны захлёстывали всё сильнее, он уже не успевал отплёвываться от солёной воды, и вот глаза его закрылись.

Вздохнула русалочка, вспоминая ножи под ногами и тысячи невидимых ножей в сердце. И, подплыв к рыбаку, подхватила его и помчалась к берегу, обгоняя волны.

На берегу уложила она рыбака поудобнее, подальше от воды, чтобы не смыло его набегавшими волнами. Взглянула с печалью, собираясь уже уползти обратно, как вдруг заметила, что руки её стали словно чужими: потемнели, покрылись сеткой морщин и помимо воли задрожали. Спадавшие на грудь волосы вмиг перестали быть тёмными – она вновь была старухой!

Открытие это заставило её замешкаться, и тут рыбак закашлялся и открыл глаза. И что же он увидел – трясущаяся старуха нависала над ним, неприкрытая в своём уродстве. Немудрено, что первым движением его стало – отшатнуться!

Поникли плечи русалочки. Люди все одинаковы, их влечёт только красивое, яркое и громкое. Больше ничему не дано завладеть их душами. Они не умеют всматриваться в глаза и вслушиваться в тишину...

Развернулась она, чтобы больше никогда не всплывать на поверхность, и дочери заказать подплывать ближе, чем на десяток миль к берегам. Она ещё так мала – потоскует немного, а потом забудет и проживёт свои триста лет в тишине и покое на дне морском, не зная острых ножей.

Но тут её сзади окликнули:

– Постой! Не знаю, кто ты, но ты спасла мне жизнь, – рыбак, прокашлявшись, приподнялся, пытаясь сесть. – Чем я могу тебя отблагодарить?

Замерла русалочка. Обернулась. Подняла глаза, не по-старушечьи синие и живые. И узнал рыбак этот говорящий взгляд – светила в нём чистая её душа, и никакие чары и невзгоды не могли потушить ровный тихий свет.

– Это же русалочка! – воскликнул он. – Да ты настоящая ведьма, однако! Жаль, ты не можешь обратиться в человека – я б не искал тогда другой жены.

И при этих его словах хвост русалочки задрожал, и через минуту стройные девичьи ножки она уже укутывала длинными каштановыми волосами.

Вот она поднялась, не веря глазам своим, и сделала несколько неуверенных шагов. Ножей она больше не чувствовала – так, лёгкое жжение, как если идти по чему-то горячему, но не обжигающему.

Но вот набежавшая волна захлестнула её по колено, и в тот же миг ноги её превратились обратно в хвост. Едва же выбралась она на берег, как вновь стала человеком.

Способность эта передалась и её дочери, и с тех пор стали они жить на земле, в простой рыбацкой хижине, что оказалась милее роскошных дворцовых покоев. Соскучившись же, обе они отправлялись в гости на дно морское. Говорят, под старость лет даже муж её овладел этой способностью и своими глазами увидел наконец все чудеса, о которых рассказывала приёмная дочь.

Но это уже совсем другая история.

2016

Счастье на развес

В маленький уютный магазинчик с вывеской «Счастье на развес» заходит покупатель.

– Здравствуйте, проходите, пожалуйста.

– Доброго дня. Мне бы счастья немножко, с полкило примерно. Соскучился, давно не покупал, вот решил зайти посмотреть, – усталый мужчина средних лет нерешительно останавливается перед прилавком.

– У нас большой выбор видов счастья. Вас какое интересует? – за прилавком возникает женщина средних же лет в аккуратном белом чепце.

– Да я, собственно... – мнётся покупатель, переступая с ноги на ногу. – А какие вообще виды есть?

Женщина грустно улыбается, и негромкий её голос заполняет помещение.

– Есть золотое счастье: утренний луч солнца; огонь в камине; яркие праздничные огни; музыка, поднимающая усталый дух и усталое тело на небывалые высоты. Есть счастье цвета серебра: одинокая прогулка; странствия; поиски и размышления. Если вам по

душе алые рубины, то вот пылкость души и любовь к людям, что способна перемолоть тысячу препятствий на пути. Предпочитаете спокойный зелёный? Вот маленький сад, который вы будете возделывать и наслаждаться плодами своего труда. А вот этот изумительной красоты изумруд – когда твоими плодами наслаждаются другие... Взгляните на пронзительную глубину синего – счастье встретить родственную душу, понимающую с полуслова. Здесь переходы фиолетового и розового. Увы, они не пользуются популярностью – открытая миру и жадная до истины душа нередко обречена на провал... но зато сколь великолепно это счастье!..

Мужчина замер, слушая продавщицу.

– Даже не знаю, что и выбрать, – наконец заговорил он. – А чего-нибудь вроде успеха у вас нет?

– Успех, власть и золото – в магазине через дорогу, – быстро ответила женщина. – Там всегда большие очереди... И немудрено – туда завозят великолепные пурпурные типажи, высшая проба... Но эти вещи очень требовательны: малейшая халатность, небрежность, нечестность – и пурпурный становится тёмно-багровым, как запёкшаяся кровь, а потом и вовсе чернеет...

Покупатель хмыкнул.

– Почерневшее счастье – невелик навар. – Он почесал в затылке. – Но что же мне всё-таки выбрать?..

Женщина поправила белый чепец.

– Если вы мечтаете об успехе, то могу предложить вот этот компактный садик. Видите, зелёный с золотыми переливами. Вложенные в него усилия окупятся сторицей.

– Честно говоря, работы и всяческих усилий мне и так хватает, – покупатель явно не горел желанием приобретать такое сомнительное счастье.

Женщина пожала плечами. Тут дверь скрипнула, и послышалось тоненькое «мяах!» Серый, явно бесхозный котёнок заполз в магазин в надежде поживиться и отогреться.

Мужчина был очень занят раздумьями о том, какое же счастье ему выбрать, и не обратил внимания на кошачий писк. Но когда о его ногу принялось тереться что-то тёплое, ему пришлось посмотреть вниз. И сперва он нахмурился, а потом на лице медленно проступила улыбка, да такая добрая, что следы усталости куда-то пропали. Он подхватил котёнка на руки, и тот забурчал ещё громче, вцепившись коготками в полосатый шарф.

– Некому о тебе позаботиться, – вздохнул мужчина. – Несправедливо! Пойдём-ка со мной – у меня как раз дома пачка сосисок вчера куплена, покормлю тебя.

И, забыв о том, что так ничего и не выбрал, покупатель пошёл к выходу, баюкая на руках отогревающегося зверька. Он уже собирался открыть дверь, как прямо у него перед носом по воздуху спланировала бумажка. Недоумевая, он взял листок в руки и прочитал: «Счастье. Вес: полкило. Цена: бесценно».

2016

Сказка в сумерках

Я расскажу тебе сказку. Это враньё, что сказки нужны только детям. Усталым душам они нужны ещё больше – а кто из нас не устал? Сегодня твои плечи поникли, и нет сил их поднять – пусть так! Тебе незачем быть сильным в этот вечер.

Ты согласно киваешь, плохо соображая, о чём я вообще говорю, и кладёшь потяжелевшую голову мне на колени. Я задумчиво перебираю твои волосы – они рассыпаются в пальцах, как песок, как вода, как само время...

Сколько нам с тобой осталось – вместе и по отдельности? Я едва вернулась с похорон, как уже пора справлять день рождения... Сколько секунд и дней ещё у меня в мешочке Ёжика за спиной? Сколько – в твоём?.. Нам кажется, что в мешочке никогда не покажется дно, но это иллюзия...

Ты спишь. Пусть так! Сегодня тебе как никогда нужен отдых.

Я бережно, почти невесомо касаюсь кончиками пальцев твоего лица. Спи. Я навею тебе добрый сон... Я расскажу тебе сказку. Про время.

Время когда-то жил на вершине самой высокой горы, в самом роскошном дворце, какого не было и у великих царей прошлого и настоящего – и вряд ли будет в будущем. Но ему наскучил дворцовый блеск, и он перебрался в простую хижину, с трудом дававшую укрытие от ветра и холода. Из царившего великолепия он прихватил лишь золотые, инкрустированные бриллиантами часы на цепочке. Бриллиантов такой редкой филигранной огранки насчитывалось на Земле всего несколько штук. Этих камней не касалась рука ювелира – за тысячелетия их отполировала сама планета.

И вот часы небрежно брошены на войлочную циновку, местами потёршующая, а хозяин лишь изредка посматривает на них – когда возвращается домой из своих путешествий. Так он быстрее вспоминает, на каком временном отрезке находится в данный момент.

Подружка-Смерть, частенько заходившая к Времени на чай, подтрунивала:

– Что это ты в эдакую халупу решил переехать? Сменил шило на мыло, нечего сказать! Может, тебе на развалинах местечко тёплое показать? Поближе ко мне переберёшься...

– Не-а, – ответил Время, позёывая, – у тебя такого чая нет...

Смерть возмущённо хлопнула себя по коленям:

– Эдакого поклёпа на меня давно не возводили! Да у меня под боком лучшие сорта чая, их по всему миру развозят! Что бы ты понимал...

– Сорта-то лучшие, – согласился Время, пододвигая к собеседнице поближе вазочку со свежайшим печеньем. – Только чёрные. А я люблю зелёный чай. С жасмином... – и он мечтательно прикрыл глаза, вытянув к очагу длинные ноги.

Смерть обитала в развалинах древнего города, от которого остались одни полуразрушенные остовы. Её забавляли макаки, прыгавшие по обвалившимся руинам лианам, и королевские кобры, свивавшие гнёзда в тёмных подземельях, куда не проникал дневной свет. Горе искателям сокровищ, забредавшим сюда! Смерть смеялась: «Они сами торопятся ко мне в гости! Как это мило с их стороны! Обычно за работой приходится тащиться к чёрту на кулички...»

Правда, однажды появились люди, у которых в руках вместо верёвок и кинжалов были пистолеты. Они перестреляли королевских кобр и добрались до сундуков с подземными богатствами. Смерть, огорчённая потерей любимиц, пристроилась рядом, невидимая, и недобро наблюдала за ними. Возможно, будь искатели в трезвом уме, они бы почуяли её холодное дыхание и убрались восвояси, но золото затуманило разум. Начались споры, кому больше, и очень скоро пятеро лежали на сокровищах в кровавой луже. Шестой, раненый, жадничавший меньше других, с трудом поднялся – и увидел лик Смерти во всей её жуткой красе. На мгновение, но ему хватило и этого.

После этого люди долго там не появлялись, чем Смерть была весьма довольна. «Нет худа без добра», – вновь и вновь повторяла она любимую поговорку. Правда, ей пришлось зайти к сестре и попросить у той парочку королевских кобр – уж больно ей нравилось их шипение, как той – пение соловья или мурчание котёнка. «Каждому своё», – философски рассудила Смерть, на что Жизнь пренебрежительно скривила личико.

Сёстры, как можно было догадаться, недолюбливали друг друга. Вернее, Жизнь недолюбливала сестру, а та лишь посмеивалась, поправляя капюшон. Без него мало кто выносил прямой взгляд Смерти – он обладал способностью сбрасывать все преграды и мастерски возведённые защиты, обнажая до самой сути.

...Бульканье, шипение и поплывший запах дыма нарушили идиллию чаепития.

– Эй, Время! У тебя уже весь кипяток выкипел, вернись на грешную землю! – Смерть прищёлкнула костлявыми пальцами у хозяина перед носом. Тот вскочил, чуть не запутавшись в собственных ногах, и заозирался. Уловив проблему, принялся ворошить задымившие дрова и заново набирать чайник.

– О чём ты эдак призадумался? – водрузив подбородок на сжатые замком руки, спросила Смерть. – Не поделишься со старой подругой?

Время методично набивал фарфоровый чайник заваркой. Она уже сыпалась из носика, но сильные пальцы продолжали крошить ароматные листья вперемешку с белыми лепестками.

Когда листья встали горкой, и очередной лепесток просто скатился с неё на стол, Смерть не выдержала и перехватила запястье Времени. А свободной рукой скинула капюшон.

– А? Что?!.. – немедленно отреагировал хозяин, одновременно утрамбовывая несчастную заварку и старательно пряча взгляд. – И ничего ты не старая, я тебя ещё вот такой помню... Да нацепи ты уже обратно эту тряпку! – взорвался он.

Смерть, грустно усмехнувшись, тихо пробормотала: «И ты, Брут!..», но собеседник, поглощённый своими переживаниями, её не услышал.

Плюхнувшись обратно в плетёное кресло, Время кинул косой взгляд на Смерть – убедиться, что та натянула капюшон, – и без предисловий заявил:

– Я полюбил твою сестру, Жизнь. И не нахожу больше покоя ни в прошлом, ни в будущем, ни в настоящем.

Жизнь устроилась на океанском дне, облюбовав уютный грот. На сторонний взгляд, в нём было тесновато, но Жизнь редко прислушивалась к сторонним мнениям. За нелёгкий характер не раз её называли тяжёлой, дрянной, невыносимой, куда реже – чудом и даром небес.

Под водой она спокойно дышала, отрастив жабры. Хвост, на манер русалок, отращивать не стала, поскольку частенько выбиралась на сушу и подолгу там находилась. Работы всегда хватало: посадить рано выпавшего из гнезда птенца, расчистить пересохшее русло ручья,

на минуту обнять заброшенного ребёнка – и пусть он ничего не увидит, тёплое её дыхание согреет ему сердце, красной нитью отзываясь сквозь годы.

Глядя на Жизнь, никогда нельзя было определить её возраст. Молодые глаза порой темнели, как грозное небо, и вот уже древняя мудрость плещется в них, как вино в кубке, лучась терпением и пониманием. А промчится весенний ветерок – и зажжётся в очах неукротимый огонь странствий и приключений, великих свершений и великой любви...

Не сказать, чтоб она была красавицей. Хоть и в уродины её записывать – самому надо уродом быть. Было в ней невозможное, не поддающееся словам очарование, что заставляло к ней возвращаться снова и снова – даже когда казалось, что уж лучше в лапы к Смерти.

И немудрено, что Время, помнивший Жизнь с её появления на свет и всё это время за ней наблюдавший, понял, что отвести от неё глаз – выше его сил...

Смерть никак не отреагировала на признание Времени. А тот, воодушевлённый молчаливой готовностью выслушать, продолжал:

– Я пленён её красотой, её душой. Очарован улыбкой, хоть порой за ней кроется невысказанная грусть. Ах, как бы я мечтал баюкать Жизнь на руках, словно долгожданного ребёнка, оградить от всякого зла и не позволить даже малейшей слезинке омрачить её лицо!.. Но это лишило бы Жизнь игры красок и той лёгкости, что ей присущи.

Я не хочу упрятать её под стеклянный колпак – она там зачахнет, как любимые ею розы...

– Я любовался Жизнью не одно столетие, – продолжал хозяин, откинувшись в кресле. – Считал это блажью – ведь мы слишком разные... Но горы крошатся, моря высыхают, города людские растут вширь и ввысь – а сердце моё не умолкает. Даже путешествия потеряли для меня всякий смысл.

Время умолк. Слышалось лишь его тихое дыхание да негромкое тикание золотых часов. Смерть потянулась за призывно выглядывающей из вазы печениной. Та надломилась у неё в руке и двумя половинками рухнула на стол – настолько была свежая и рассыпчатая.

Время проследил крошки печальным взглядом.

– В этом и беда, – молвил он. – Моё дыхание не сравнить даже с твоим... Раньше мнилось, это дар – властвовать над живой и неживой материей. Теперь кажется, что на плечах моих лежит проклятье.

Он протянул руку к белоснежным цветам в вазе и что-то негромко сказал. Те пожелтели, потом почернели, скукожились, опали сенной трухой, и, наконец, сама труха обратилась в пыль.

Хозяин встал и, резко отодвинув кресло, вышел из дома.

Смерть осталась сидеть, не меняя позы, и смотреть на раскрошившуюся печенину столь пристально, словно та заключала в себе все тайны мироздания.

Кто знает, может, так оно и было.

Время шёл по крутой горной тропе, почти исчезнувшей за нагромождением камней. Высота была такая, что дух захватывало. Казалось, под ногами расстелили цветной платок, и стремительная горная река превратилась в синюю ленточку, забытую рассеянной девчушкой на прогулке.

Погружённый в свои мысли, меньше всего ожидавший кого-то здесь встретить, на всём ходу он свернул за каменную глыбу, напоминавшую изваяние древнего божка, и столкнулся с Жизнью.

Та от неожиданности взвизгнула, потеряла равновесие и полетела вниз.

Время с расширившимися глазами вытянул руку, и время остановилось. Качнувшиеся от ветра ветки низеньких кустов замерли, наклонившись в подветренную сторону. Облака застыли на месте. Покатившийся было из-под ног Времени камешек завис в воздухе.

...Такое же безвременье царило и в его домике, а до того – во дворце. Иначе он не смог бы пользоваться окружающими предметами.

А слабости у Времени были вполне себе предметные – выпить дымящуюся чашечку чая, посидеть в кресле у очага с хорошей книгой, заложить крутой вираж на лихом автомобиле...

Жизнь меж тем аккуратно отцепила юбки от вытянувшегося куста, подхватившего её в полёте, и удивлённо сказала:

– Спасибо, конечно... но я в состоянии о себе позаботиться.

– Инстинкты сильнее разума, – буркнул Время, что-то добавил под нос – и освобождённый камешек помчался навстречу синей ленте.

Не оглядываясь, Время зашагал дальше, убыстряя шаг, хотя местность очень этому не способствовала.

Жизнь недоумённо проводила его взглядом, потом ухватилась за ближайший выступ и с лёгкостью горной козы принялась карабкаться вверх. Там, под самыми облаками, у орла с орлицей никак не выводились орлята. Непорядок! Надо исправить...

Высоко-высоко в горах, куда не долетал орёл, где клубится вечный туман, и потому пилоты стараются обходить в маршрутах этот участок, из снега и льда выстроена пещера. Там обитает Вечность.

Нечасто застанешь её дома – любит она улетать в Космос. Там зайдёт к знакомой планете новыми кольцами полюбоваться, тут заболтается со звездой – а, глядишь, за это время звезда уж вокруг оси своей обернулась...

В этот раз Времени повезло: он застал Вечность дома. Та перекаtywала в ладонях льдинки, и те не таяли. Вечность любила холод: он напоминал ей о Космосе. Ведь она родилась среди бескрайних вселенских просторов...

– Заходи, Кай, – чуть улыбнулась хозяйка. – Гостем будешь.

– Без Герды, – грустно улыбнулся в ответ Время. Когда-то он пересказал Вечности полюбившуюся сказку, и с тех пор она звала его не иначе как по имени героя. А себя порой величала Снежной Королевой.

Вечность вскинула бровь, наклонив голову набок.

– Я люблю твою дочь, – без обиняков сказал Время. – И не знаю, что мне делать.

Бровь взлетела ещё выше.

– Старшую, разумеется. – Не вопрос, утверждение. – М-да... хоть бы кто пришёл и сказал: люблю младшую!..

– Святых мало, а дураки тебе вряд ли интересны, – пожал плечами Время.

– Дураки вечны, – усмехнулась Вечность. – По крайней мере, они сами так считают.

– Ты не ответила, – устало перебил её Время, опускаясь прямо на ледяной пол.

– А какого ты хочешь ответа? – удивилась та. – Если тебе приспичило ухаживать за моей дочерью – говори об этом сразу ей.

– Но я же... – Время не договорил, он был сбит с толку: ведь он пришёл не потому, что старомоден и по традиции просит руки дочери у родителей!

– Да. Идеальной парой тебе была бы Смерть, я всегда это говорила. Но когда это молодёжь прислушивалась к голосу разума! Жизнь ярка, как бабочка, столь же глупа и бесстрашна. При всех её недостатках у неё просто фантастические способности к выживанию... и обаяние, да, с этим не поспоришь. В твоих объятьях она станет прахом... но рано или поздно эта участь её не минет. Так пусть её полёт бабочки станет счастливым полётом... Иди к своей Герде, Кай. Она сгорит всё равно. И ты сгоришь – когда-нибудь. Лишь мне вечно складывать из льдинок и планет собственное имя...

Глаза Вечности смотрели сквозь Время, не видя его.

...Жизнь наседкой раскинула руки перед кроватью пятилетней девочки. Золотистые локоны разметались по подушке, глаза закрыты, кожа бледная. Медицинские приборы, присосавшиеся к груди, противно попискивали. Рядом сидела молодая женщина с красными от недосыпа, но сухими глазами. Спина её на казенной табуретке держалась стрункой, будто на приёме у английской королевы.

– Нет! Ты не должна её забирать! Она такая маленькая и ещё такая невинная!.. Да посмотри только на её мать! Есть у тебя вообще сердце или нет?! – кричала Жизнь на сестру.

Смерть, облокотившись на железное изголовье кровати, привычно огрызалась:

– У меня есть мозги и привычка смотреть вперёд и анализировать! Ты видишь только то, что у тебя под носом. А ты знаешь, что, когда она подрастёт, под ангельской внешностью будет стучать насквозь прогнившее сердце, если его сейчас не остановить? Что она убьёт собственную мать, которая вообще-то великолепный художник, и скроется с накопленной суммой денег? А ты знаешь, что её брат после этого окажется в тюрьме, потому что она мастерски подкинет ему все улики?..

Как и всегда в подобных случаях, Жизнь округлила глаза. На мгновение ангельское личико девочки перекопилось мордой чудовища. Но лишь на миг. Жизнь продолжала вечный спор:

– Это всё будет когда-то, если вообще будет! Ей можно дать шанс, нужно дать шанс! Человеческая душа – великая сила!..

Смерть скривилась:

– Как ты можешь до сих пор верить в человечество! Полистай их историю, если память запорошило – ни дня без убийства и подлости! Давай заканчивай демагогию и убирайся – время девчонки вышло!

Зазвенело лезвие натачиваемой косы. Приборы тревожно завывли, замигали красным... Жизнь, в миллионный раз ощутив своё бессилие перед сестрой, разрыдалась, выдохнув той в лицо:

– Будь ты проклята!

Смерть, протирая окровавленное лезвие, в миллионный же раз вздохнула:

– Вот так делаешь свою работу честь по чести – одни проклятья собираешь...

Человек в белом халате, внезапно прекратив делать непрямой массаж сердца, поднёс к губам девочки зеркальце. То осталось чистым.

...Жизнь шмыгала носом, размазывая по лицу грязные разводы. Ещё одна битва проиграна. Сколько веков они ведут нескончаемую войну с сестрой за души и тела живых существ? Как же это выматывает...

– Не хочешь отправиться со мной в небольшое путешествие? – внезапно раздался голос. – Думаю, тебя это немного утешит.

На открытой ладони Времени, протянутой Жизни, лежал белоснежный носовой платок. Та неловко взяла его. Кое-как протерев лицо, спросила:

– Какое ещё путешествие?

Вместо ответа Время открыл проход в будущее и жестом предложил Жизни пройти первой. Та, оправляя измятую юбку, неверной походкой шагнула в лабиринт Времени.

– Может, хоть он ей мозги вправит, – проворчала Смерть. Закинув на плечо инструмент, она отправилась домой, к кобрам и обезьянам. На сегодня работа была закончена.

– Направо, да, вот так, – Время вёл Жизнь по своим лабиринтам, про себя думая, что не мешало бы тут прибраться, а то пыль столетий по всем углам... Впрочем, спутница его меньше всего обращала внимание на отсутствие уборки: чистоплюйкой её было не назвать.

– Сюда, – и они оказались на большой шумной выставке. Проморгавшись после темноты перехода, Жизнь жадно принялась

разглядывать картины: все они каждым штрихом, каждым оттенком цвета и изломом линий воспевали её.

Она смогла лишь заворожено выдохнуть:

– Как же это чудесно!..

К одной картине она никак не могла подобраться: больше всего людей толпилось как раз в этом углу. Когда наконец стало свободнее, Жизнь ахнула: на картине была изображена златоволосая девочка. Она бежала по парковой дорожке со всех ног и смеялась. Казалось, рядом раздавался детский смех, стоило взглянуть на её счастливое раздумавшееся лицо, так непохожее на больничную бледность...

И действительно, сквозь гомон взрослой толпы слышался детский смех. Жизнь потрясла головой, но всё же обернулась. И затрясла ещё сильнее: на руках у художницы сидела такая же розовощёкая девочка... только никак не пяти лет, а едва ли двух-трёх.

– Ты какой травой меня накачал, пыльный мешок! – закричала Жизнь, повернувшись к Времени и уже занеся ладонь для пощёчины. – Если ты думаешь, что это шутка...

– Ты смотри, – только и ответил Время, отступая в сторону.

И Жизнь смотрела. Как расшумевшегося ребёнка у бабушки забрал отец – высокий парень с подкупающе белозубой улыбкой. Как на них с восхищением смотрела его молодая жена, попутно строя дочери «козу». Как люди подходили один за другим к художнице, и улыбались, и плакали, и благодарили, и просили автографы. Как какой-то мужчина долго ждал, пока станет посвободнее, а потом всё же не утерпел и попросил её оставить свой телефон на его визитке. Тут у него в кармане взвыла сигнализация от машины, и ему пришлось уйти, но Жизнь видела, что на следующий день они поедут в кафе, а через два месяца он скажет, что наконец-то понял, зачем ему трёхкомнатная квартира...

Тут Жизнь что-то щёлкнуло по затылку. Обернувшись, она увидела парящую под потолком умершую девчущку. Та раскачивалась на люстре, словно обезьянка, и плевалась косточками от вишни. В основном она целила в маленькую племянницу. Та пыталась их поймать, конечно же, безуспешно. Но, когда малая заревела с досады, бесплотная девчущка вынула из волос цветок и вручила той. А потом выудила из кармана хлопушку и, хорошенько прицелившись в лепнину на потолке, выстрелила.

...Разумеется, призрачного конфетти никто, кроме малой, не видел. Но на душе у собравшихся потеплело, и кто-то прокомментировал одну из картин так: «Кажется, это называется счастье».

Обратная дорога оказалась намного короче. А может, Жизнь просто осмысливала увиденное.

Закрыв лабиринт, Время неловко сказал, засунув руки в карманы:

– Как-то так.

– Не всем так везёт, – устало ответила Жизнь. Слишком много эмоций на неё сегодня навалилось.

– Не всем, – согласился Время. – Но у всех есть надежда. И возможность делать собственную судьбу.

– Я домой, – вздохнула Жизнь.

– Я провожу, – откликнулся Время. «На руках бы отнёс...», – подумалось ему. Шли они молча.

Уже на берегу Жизнь спросила:

– Почему ты только сейчас показал мне всё это? Я бы так не сходила с ума раньше... Я же каждую смерть через себя пропускаю вот здесь, – и она приложила руку к сердцу. – Каждой букашки крохотной, не то что...

«Дурак потому что», – подумал Время. Вслух же сказал:

– Теперь буду показывать каждый раз. Будем лечить твоё сердце. Не зря же меня зовут лекарем.

Жизнь помолчала, кивнула и без единого всплеска исчезла в пучине океана.

Время долго смотрел на водную гладь. А потом вытянул вперёд ладони, и вода начала спадать, испаряться, туманом подниматься в небо...

На обнажившееся дно он ступил, как приговорённый на раскалённые угли.

...Смерть пнула россыпь ледяных осколков, и они, зазвеневав, покатались под ноги блуждавшей в нирване Вечности. Всегда собранная и строгая, с матерью Смерть позволяла себе немного расслабиться.

Поскольку ледяной звон не помог, Смерть с размаху ударила косой о стены пещеры. Звук хлестнул казацкой нагайкой, и Вечность недовольно открыла глаза.

– Приходит тут с рабочим инструментом, шумит... никакого понятия о приличиях, – заворчала мать.

– Теперь мне легче стало работать. Сестра начала постигать азы философии, – заявила дочь, поудобнее усаживаясь верхом на ледяной скульптуре оленя и с наслаждением откидывая капюшон. Вечность не пугал взгляд Смерти, она и сама могла напугать любого. – Время всё ещё не смеет её коснуться – боится, что в его руках Жизнь

обратится прахом... Чудной! Что с ней только не делали: жгли, топили, сквозь медные трубы прогоняли – а сестричке и горя нет! Кончится тем, что она его сама где-нибудь в тёмном уголке зажмёт...

– Бабочка играет с огнём... Знаешь, что-то в этом есть. По крайней мере, это забавное зрелище. В сумерках, с задёрнутыми шторами, наблюдать за полётом мотылька вокруг свечи на подоконнике...

– Экая ты стала сентиментальная, – неодобрительно бросила Смерть. – Стареешь?

Вечность улыбнулась краешками губ.

– Это просто сумерки, милая. Ясное утро и светлый день позади. Над Землёй сгущаются сумерки. Но до темноты ещё далеко. До ночи мы ещё не раз сможем любоваться полётом бабочек и колыханием огоньков...

– И сыграть в шахматы, – довольно невежливо перебила её Смерть, доставая из-за пазухи коробку с фигурами. Доска давно была расчерчена на ледяном полу.

Вечность оживилась, подвигаясь поближе.

– Когда-нибудь, – бормотала Смерть, разводя пешек и королей по местам, – когда-нибудь я выйду на пенсию, отдам косу на переплавку, и о былых временах будет напоминать только эта вечная игра...

Вот такая вышла сказка. Где-то смешная, где-то не очень. Надеюсь, тебе снился под неё добрый сон...

На твоём лице сейчас такое беззащитное, почти детское выражение. Я ни за что не скажу тебе этого вслух – ты же смертельно обидишься. Но пока ты лежишь у меня на коленях, а мои руки по-прежнему перебирают твои волосы, хотя тело давно уже просит сменить позу – можно...

Это – наше с тобой время. Наши с тобой жизни, свившиеся – на время ль? на вечность ли? – меж собой. Сколько секунд и дней в мешочке Ёжика – нам не дано знать. Но у нас есть надежда. И возможность делать собственную судьбу.

Ты смешно дёргаешь головой – и открываешь глаза. Сонно спрашиваешь:

– Я спал? Такой сон был забавный...

– Знаю, милый. Я рассказывала тебе сказку...

– Иди ко мне, моя сказочница, – шепчешь ты, и я наконец-то могу с наслаждением потянуться. А потом закрываю глаза.

2016

Пьяный Астероид

(маленький фрагмент из незаконченного)

А-а-а!.. Я раскалываюсь на кусочки, счас, кажется, совсем расколось... О-ох, просто-таки трещу по швам, то бишь по граням своим... А вы чего ржёте? Пьяного астероида никогда не видели? Дак я не один, у нас тут все пьют, весь Пояс. А чего, лучше, как этот хулиган – Марс? Вот он трезвенник, даже по праздникам ни грамульки не выпьет. Зато форменный хулиган, забияка и задавака. Проходу всем астероидам не даёт, у кого что глянется – то и хапнет себе. И ещё издевается: вы, мол, благодарить меня должны за охрану и защиту. Охррранничек... А как Юпитер рывкнет, так сразу прячется за Пояс и астероидом прикидывается. Да каждый раз на буйного соседа батьке не нажалуешься...

О-ох, но я ему сейчас готов позавидовать. Где тут была уранова микстура припрятана, Чёрная дыра её побери...

Нашёл! Минуточку... Уф! Ну вот, теперь Космос стал таким, каким ему и положено, а не выплясывающим кордебалеты нарождающейся планеты. Ой, что-то я стихами заговорил, не к добру это...

Так! А чем это я вчера занимался-то? После тридцати галлонов звездянки немудрено и пол-Системы разнести...

Не-е... вроде всё цело. Все на месте, живы-здоровы и на своих местах (а чего им сделается-то, тушам эдаким!).

Так, так... а *это* что такое? Очередной кусок космического льда, только на боку у него какие-то непонятные иероглифы. Почему-то они кажутся знакомыми... Ну-ка поближе... Чёрные дыры Галактики! Это же я писал!!!

Я тебя ненавижу! Чтоб ты сгорела, погасла, взорвалась и разлетелась на мелкие-мелкие кусочки!!! Чтоб духу не осталось от твоих лучей – ласковых, манящих, волшебных... сжигающих в прах. Один из них я держу сейчас и выжигаю им строчки – пьяный бред отчаявшегося неудачника. Настойку из них я пью, чтобы забыться, отключиться... но в каждом выпитом глотке чувствую прикосновение частички тебя – и нет спасения в пьянстве...

Я тебя ненавижу. Я себя ненавижу. Я уже двести раз проклял то мгновение, когда очутился в твоей проклятой Системе. Когда впервые увидел тебя... Как только Вселенная не перевернулась вверх тормашками – это до сих пор загадка.

Я видел много звёзд. Огромных и маленьких, ярких, сверкающих, пульсирующих... Ты не лучшая среди них. Так, одна из многих. (Я всё-таки понимаю это!) Тем досаднее сходить с ума. Смотреть на тебя с безопасного расстояния – до боли, до помрачения, до слепоты... Вблизи ты убиваешь. Будь проклято это расстояние, ненавижу его безопасно, ненавижу свою трусость и слабость, ненавижу всё, что нас разделяет!!! Кто ты – и кто я.

Ты Королева. Так зовут тебя всерьёз и в шутку, и на то есть все основания. Я же... я дико, катастрофически, невыносимо мал! Это не помешало мне избороздить добрую половину Космоса – бродяжничество всегда доставляло мне удовольствие. Но ты сделала меня осёдлым. Я променял безбрежные неведомые просторы на добровольную каторгу, на склоки и клязусы соседей – чтоб только видеть тебя... Я смешон, Королева! Я гожусь лишь в шуты! Когда тебе прискучит Меркурий, скажи об этом – я с успехом заменю его.

Ты не скажешь. И это самое мерзкое. Потому что ты не знаешь об этом. И не узнаешь. Это гарантировано. Не хватало ещё получить порцию ледяного презрения от жгучей звёздочки. А потом убираться куда-нибудь от стыда подальше и никогда-никогда больше её не видеть... Ой! Нет! Ни за что! Пускай весь этот бред остаётся при мне. Может, я взорвусь от напряжения. Это будет очень даже хорошо. Это будет просто замечательно...

Но мне оно, к сожалению, не светит.

Беру глыбу и с чувством разбиваю о собственный гранёный бок. И ещё раз. И ещё. Вот так, пока не брызнут осколки градом. Это ж надо было *так* напиться...

Нет, так не пойдёт. Надо хотя бы представиться. Астероид Чёрный. Это имечко такое. Потому что я чёрный и блестящий. А ещё я с острыми гранями, не чета иным развалюхам. Моя мамаша – большущая чёрная глыба – взяла и врезалась в какую-то планетку. То ли траекторию не рассчитала, то ли ещё что – теперь и не разберёшь. А оболочка планеты оказалась жутко твёрдой, так что от мамы во все стороны брызги полетели. Вот так и появились на свет мои братишки и я сам.

И ведь что смешно: нас много было, штук, наверное, двадцать пять, а таким точёным-гранёным только я оказался. А ещё... самым маленьким из всех. 5 километров в диаметре. 5 километров в Космосе! Вы хоть понимаете, что это такое? Это ты никто, пустое место, чуть побольше сгустка космической пыли. И права у тебя на уровне этого сгустка. Ибо кто крупный, тот и диктует условия. Его видно, его слышно, он *вес* имеет! И размер соответствующий.

Мои братишки очень скоро этот закон прочухали и сделали вполне логичные выводы. Они как раз обнаружили планету, у которой было мало спутников, и решили занять вакансии. А я, значит, своим видом портил общее впечатление, и потому предложен мне был богатый выбор: провалиться в объятия ближайшей Чёрной дыры или отправиться к комете в задницу. Желательно не ближайшей, а находящейся отсюда парсеках так в пяти-шести и непрерывно удаляющейся ещё дальше.

Пожелал я родственничкам всего хорошего – выразил надежду, что притяжение планеты сплющит их всех в бесформенный ком, – да и драпанул на всей скорости во Вселенную.

Ах, до чего мне понравилось это занятие! Сколько всего интересного, красочного, занятного и... мерзкого можно увидеть, путешествуя! Каких только историй не наслушаешься, на каких только чудиков не нагладишься... Даже иногда становилось жалко планеты, которые вынуждены вращаться по своей орбите и никуда с неё сдвинуться не могут.

Планеты, кометы, спутники, астероиды, глыбы, гигантские камни, застывшие неопознанные тела... Коварные Чёрные дыры, карликовые звёзды, загадочные белые пятна... Космос огромен и прекрасен. И скажи мне тогда кто, что всё это заманчивое великолепие я променяю на прозябание в какой-то захудалой отдельно взятой Системке – счёл бы это забавной шуткой.

Но когда, пленившись загадочным названием одной из Галактик – Млечный Путь, – я наконец свернул туда... очень скоро мне стало не до смеха.

А начиналось всё обыденно и забавно. Влетаю я на крутом вираже в очередное скопище планет, которое почему-то гордо именуется системой. Какая в Чёрную дыру система, когда полный хаос везде, расстояние между центром и телами вокруг не просчитано, сляпано всё абы как, среди планет тоже ни иерархии, ни сочетаемости в размерах нет... Посреди два гиганта торчат, а в обе стороны от них планетки поменьше пристроились. Заприметил я и кучку собратьев, но связываться с ними не стал – а ну как они недалеко от моих незабвенных братцев ушли? Звезду местную я тогда вообще толком не разглядел – я ж на окраину системную прилетел, как водится.

А там такая сладкая парочка – планета и спутник. И уж так-то тесно они прижались друг к дружке, что я не удержался от глупой шутки:

– Эй, ребята, а с ориентацией у вас всё в порядке?..

Отреагировал хмурый спутник:

– Ты аккуратней словами разбрасывайся. А то я оправдаю своё имя и обеспечу тебе перевозку на тот свет, даже платы не потребовав.

– Что же это за имечко такое у тебя страшное? – спрашиваю.

– Харон, – отвечает тот.

Оп-ля! И что тут такого криминального? Очередной набор букв, как и у всех, не слишком-то благозвучный...

– Так у людей перевозчика звали, который после смерти души перевозил... уж не помню – куда.

– После смерти перевозить уже некого и некуда! – возражаю я. – И что это за новое явление Вселенной – люди? Сколько шатаюсь по Космосу, про таких не слыхивал. Познакомьте. Надеюсь, они не опасны?

– Не люди, а люди, – поправляет меня планета. – Или человеки... По-разному назвать можно, а уж какие они – это ты лучше с Землёй поговори. Чать, её творения... Побаловалась в своё время, до сих пор ошибки молодости расхлёбывает...

Любопытство всегда было моим коньком, а тут явно крылось что-то оригинальное. Чтобы планеты творили кого-то внутри себя – это довольно редкое явление. За все мои странствия на такую оказию я наткнулся лишь пару раз. Но как-то не особо это мне тогда понравилось. Вылетали какие-то фиолетовые мохнатые шпендики из планеты в железной чушке, крутились в этой чушке по орбите... Забавно, и только. Но жутко интересно, какими будут местные шпендики. Обожаю диковинки.

И я решил остаться. Передохнуть немного у Плутона с Хароном, потому как люди обретались в третьей от центра планетке, а до неё ещё добраться надо. А в пути я всё-таки здорово устал...

Валерий НЕМИРОВ

Дурака Работа любит

«Дурак» и «Работа» – с заглавной буквы. Так же как Тоска, Скука, Лень, Чёрный Омут, Романтика, Мечта, Любовь, Негасимый Огонёк, Вера, Великий Скептик и другие персонажи книги дочери президента «Королевство Сердце».

Конечно, не президента Медведева или Обамы, а президента клуба любителей фантастики «Контакт» Николая Калашникова Надежды. И выпущена книга под эгидой клуба и библиотеки имени Гоголя, о чём свидетельствует значок «Контакта» на обложке.

Надежда Калашникова, восемнадцати лет от роду, своей первой публикацией удостоилась в десять лет. Это была «сказочка» «Как заяц

зиму победил» (так написано в анонсе). «Королевство Сердце» – большая сказка с таким притчевым зачином, что пальчики оближешь: «Жили-были старик со старухой, их звали Покой и Серость. Дочка у них была, Скука. Дочка маленькая была, но родители в ней души не чаяли, и росла она не по дням, а по часам. Порядочно вымахала, только ума не прибавилось. Да оно и верно: откуда у скуки мозги. Вот выросла, значит, Скука, скучно ей стало в родительском доме. Она и говорит: «Пойду по городам и сёлам, людей посмотрю, себя покажу. Авось не так скучно будет». Родители пытались чадо своё отговорить, но Скуке если что в голову втемяшилось, того топором не вышибешь. Отправилась Скука странствовать.

Где её носило – неизвестно. Вот раз идёт она по городской ярмарке, видит – в сторонке Дурак стоит и глаза на всё пялит. И на Скуку тоже. А надо сказать, что Скука одевалась очень ярко, пёстро и красилась так, что штукатурка сыпалась. Дураку это понравилось. И Скуке Дурак тоже очень приглянулся. Подошла она к нему, разговор завязали. Повёл Дурак Скуку к себе. Пробыла она с ним день, пробыла она с ним ночь... А наутро опять скучно стало, простилась с Дураком и ушла – куда глаза глядят, куда ноги несут. А Дурак с той поры совсем рассудком повредился. Ходит, как неприкаянный, и всё кричит: «Скука! Скука!» Люди на него косятся, кто-то предлагает: женись, мол, всё пройдёт, вон девушка какая хорошая есть у нас. Работой зовут... Дурак только руками-ногами машет и кричит пуще прежнего».

Сразу видно, что Надежда Николаевна – девушка начитанная, любит поиграть смыслами, заключёнными в поговорках и в так называемых «общих» понятиях. Собственно, поговорка, вынесенная в заголовок, представляет одну из главных сюжетных линий сказки. Работа любит Дурака, а он, дурак, любит Скуку.

Что касается названия сказки – «Королевство Сердце» – то тут всё прозрачно: все её вышеназванные персонажи живут в любом человеческом сердце, борясь друг с другом. В сказке Надежды Калашниковой Госка, Скука, Страх, который чернее тучи, Серость, Обида-на-Весь-Свет, Равнодушие под рукой самой могущественной силы – Лени – захватывают королевство Сердце. Но не тут-то было: за дело взялись Негасимый Огонёк, Вера и Работа, сумевшие поддержать Мечту, Романтику, Юмор, который от переживаний норовит стать чёрным. И, конечно, победили. Так всегда бывает в сказке.

Вот такая оптимистическая книга получилась у Надежды Калашниковой. Молодость и оптимизм в ней просто кипят. Это уже чувствуется по тому, что, начав с притчи, Надежда ближе к концу пускается в разудалую фантазию, где её строгие персонажи совсем не гнушаются молодёжного слэнга, сыплют, как подростки, приколами.

Наверное, поэтому именно молодой аудитории прежде всего адресуется книга «Королевство Сердце». Хотя и я прочитал не без Удовольствия (есть и такой персонаж) и без Скуки.

Кузнецкий рабочий. – 2009. – 2 июля. – № 74. – С. 11.

Оксана ЗАХАРЕНКО

История двух заносчивых котят

Совершенно недавно свет увидело новое творение Надежды Калашниковой «Пушистая сказка». (В 2009 году вышла первая книжка молодого автора – сказка «Королевство Сердце»).

Перво-наперво следует предупредить читателя, что сюжет проникает в разум в сумбурном порядке. То есть в беспорядке. Много движений, поворотов, героев, терзаний содержит новая сказка, хоть объёма она небольшого. Временами забываешь, кто победил, а кому хвост ободрали.

Скромного объёма книжка рассказывает нам историю, в которой рыжий кот, страстно желающий, чтоб его признали самым-самым, по некоторой пушистой причине с кличкой Снежинка, переступает через личные кошачьи принципы. Буквально становится другим человеком. В нашем случае – котом. Когтя (так зовут главного героя), доказывая своё превосходство, умеет впутываться в такие истории, что «ни в одну нормальную кошачью голову не пришло бы подобное. Даже после целого бутылка валерьянки».

Компания у рыжего котятры своеобразная. Барбос с «дедовской» кличкой Шавыч, который, как настоящий друг, поможет нашему задиру в трудную минуту. Ещё серый и ободранный кот Шпик, смешливая и ужасно плодовитая кошка Тесёмка, романтический спаниэль Ноэль и целая куча подрастающего поколения. Отдельно от этих разношёрстных приятелей живёт мадама Снежинка, она же Снежка и Конопушка. Как и сущая фифа, она морщит розовый носик и закатывает голубые глазки. Кошечка тоже не из тихонь: влезла в авантюру – попала в лапы ко льву. Царь зверей решил жениться на «вредной кошонке».

Вокруг этих двух заносчивых котят и завязывается история. Всё как у людей: она – ехидная дамочка, способная подколоть и обидеть любого зазнавшегося паренька. Он – отчаянный и лихой забияка, которому нужно только всеобщее признание и постоянные победы. Но, как и всегда, есть поворотная точка. Кошечка пропадает, и вчерашний задира не может забыть до недавнего времени ехидного, а теперь милого взгляда Снежинки. Более-менее знакомый сюжет.

Как водится в фольклоре, мир разделён на две части: светлая и добрая деревенька противостоит злему и тёмному лесу. У нас всё так,

да не совсем. Есть «большой, тёмный и страшный Лес», но он лишь с виду такой. А там обычный мир со своей иерархией, законами и менталитетом. Между прочим, беспорядков здесь никто не чинил до тех пор, пока глава леса Медведь не заболел. Тут и началась анархия благодаря вечным обидчикам – лисе в компании волка.

Но, в конце концов, Коготок и Шавыч спасли пушистую вредину и восстановили порядок в Лесу. Но это далеко не всё. Масса серьёзных и любопытных вещей ждёт читателей. Цитировать можно. Что мы сейчас и сделаем. Стереотипное «с женщинами без крайней нужды лучше не спорить», также следующий факт: «Когда у человека горе, он становится более восприимчивым и понять может много чего такого, на что в иное время внимания бы не обратил». «Это и так понятно» – скажут многие. Но ведь лучшие книги – которые говорят то, что мы уже знаем. Или вот: «Когда желудок полон блаженства, оно вполне может собрать манатки и перебраться в душу». Не замечали за собой приливов доброты на сытый желудок? «Живы будем – хлеба добудем. И косточку сахарную найдём» – жизнеутверждающе. И на десерт дела амурные: «Подогревают только слабые и дохленькие чувства, а сильные сами кого хочешь и подогреют, и сожгут...»

Не сказать, что сказка пушистыми лапами пройдёт по вашему сердцу. Лапки-то с коготками. Да и не для маленьких детишек она.

История насыщенная, так сказать, концентрированная. Любители обязательно найдутся.

Кузнецкий рабочий. – 2011. – 18 августа. – № 96. – С. 10.

Надежда КАЛАШНИКОВА

«Пищу, какой бы хотела видеть жизнь»

У молодой писательницы студентки КузГПА Надежды Калашниковой уже несколько изданных произведений – сказок. Первая сказка «Как заяц зиму победил» опубликована в 2001 году, «Королевство Сердце» увидело свет в 2009 году, а в нынешнем вышла «Пушистая сказка». Готов к публикации сборник рассказов «По зелёной жёрдочке». Она не придумывает забавные истории и не сочиняет глупых рассказиков. У Нади своя философия, особое отношение к жизни.

– Первый шаг, первое слово – мы всегда что-то делаем в первый раз. А когда было написано твоё первое произведение?

– Лет в 9-10. Это, конечно, была сказка. Что ещё может писать ребёнок? Насмотрелась мультиков, вот и написала. Потом пробовала поэзию, но поняла, что это совсем не моё.

– Многие в твоём возрасте пытаются схватить кусок пирога побольше – хотят сразу написать что-то масштабное и важное. А ты

выбрала скромный жанр, с которым многие распрощались в детстве. Почему?

– Просто интересно. В сказке животные выступают в роли людей, совершают человеческие поступки. Это иносказание. И ещё мне интересны история и альтернативная история. В будущем хотелось бы написать что-то подобное.

– К некоторым вдохновение приходит внезапно, и тогда они хватаются за ручку и начинают записывать, другие же годами обдумывают план произведения. Как пишешь ты?

– Бывает, начнёшь писать, получится всего листочек, отложишь и забудешь. Найдёшь его через полгода, думаешь: «Стоило бы закончить». Иногда на лекциях пишу, когда скучно – строчка лекции, строчка произведения. Есть какие-то мысли, их надо вытолкнуть, избавиться – не дают покоя. Писать – для меня удовольствие.

– Есть ли прототипы у твоих героев? Может быть, ты кому-нибудь из них симпатизируешь больше, чем остальным?

– Например, «Королевство Сердце» – про меня. Только финал изменила в более счастливую сторону. В жизни всё сложилось хуже. А любимый герой, наверное, Негасимый Огонёк из этой сказки. Он на самом деле мне помог. А «Пушистая сказка» списана с моей пушистой кошки. Её хозяйка – я, естественно. Ну а лев и другие просто выдуманы.

– В твоих сказках много «остреньких» словечек. Сленговых, проще говоря. Не думаешь ли ты, что такой язык не для литературы?

– У меня всё цензурное. Так разговаривает молодёжь. А литературный язык классики... Трудно читать, написано непонятно и неправдоподобно. Вообще не нравится то, что вкладывают в понятие классики: не подходит к жизни совершенно. Представляется такой толстый томик с золотыми буквами.

– Тогда какое определение классики дала бы ты?

– Вечные проблемы. Жизнь и смерть, добро и зло. Хотя классика классике рознь. Смотря какая классика и как написано. Например, Пушкина и Лермонтова я могу перечитывать постоянно. Иногда несколько томов залпом прочтёшь, а бывает, книжку на пятой странице закроешь – это касается не только классики. К школьной программе, которая знакомит с ней детей, отношусь плохо. По-моему, у людей вырабатывается стойкое отвращение к тому, что туда напичкано.

– В таком случае нравится ли фантастика с драконами, превращениями и полётами на метлах?

– Тут тоже всё неоднозначно. Как-то раз я решила – хватит с меня серьёзных книг, начиталась. Собралась взяться за Стругацких, думала, отдохну, развеюсь. А получилось совсем наоборот. Космос, планеты, бластеры, но столько изнанки человеческой. Это было нечто.

– Есть ли у тебя любимое произведение, к которому ты постоянно обращаешься?

– Трудно назвать одно. Скорее три. Это «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Трудно быть богом» братьев Стругацких и «Око силы» Андрея Валентинова. Их можно не перечитывать полностью, достаточно открыть томик на середине. Вообще к ним можно и не возвращаться. Просто знаешь, что там есть что-то близкое и нужное, что помогает.

– К публикации готовится твоя версия «Красной Шапочки». Это старая сказка на новый лад?

– Моя «Красная Шапочка» – это, так сказать, «гоблинский» перевод. На свой лад захотелось переделать, более взрослый. Потому что там есть волк – мой любимый герой. Волк – он с «тёмной» стороны, потому и интересен.

– Время проходит, мировоззрение меняется, может, тебе хочется что-нибудь изменить в своих произведениях?

– Я их перечитываю уже как читатель, а не писатель, так что переделывать не хочется. Бывают, конечно, какие-то шероховатости в плане стиля, но не в концепции.

– И в двух словах – о чём ты пишешь?

– Какой бы хотела видеть жизнь. И какой бы – не хотела.

Беседовала Оксана Захаренко

Кузнецкий рабочий. – 2011. – 1 сентября. – № 102. – С. 12.

Руслана ЛЯШЕВА

(литературный критик,
кандидат филологических наук,
член Союза писателей России,
г. Москва)

Лёгкий жанр сказки не для слабаков

У наших предков-славян была на слуху пословица, дескать, думаешь о смерти, сей рожь. Глубокий смысл заключён в совете уходящему: оставь хлеб и урожай тому, кто станет жить после тебя, поддержи его. Такой смысл заключён в возросшем внимании к детской литературе в мировом сообществе на фоне нарастающего глобального кризиса.

Добрые персонажи настоящих произведений для ребятшек идут с человеком по жизни до самого-самого, так сказать, финиша. Та же «Серая Шейка» – сказочка (1893) Д.Н. Мамина-Сибиряка, о которой недавно вспоминали в связи с юбилеем писателя, 150-летием со дня его рождения, – принесла уральскому прозаику популярность едва ли не большую, нежели знаменитый роман «Приваловские миллионы» (1883). Дети же читали (или им, малышам, читали) «Серую Шейку», «Алёнушкины

сказки» (1894–96), «Емеля-охотник» (1884), «Зимовье на Студёной» (1892) и запоминали имя автора-сказочника, а когда вырастали, не могли пройти мимо взрослых книг полюбившегося сочинителя, уральского цикла романов – «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Дикое счастье» (1884), «На улице» (1886), переиздан под названием «Бурный поток», 1900), «Три конца» (1890).

Напишет ли когда-нибудь Надежда Калашникова, 20-летняя студентка исторического факультета Кузбасской государственной педагогической академии, свой цикл романов о родном крае – промышленном Кузбассе, пока трудно загадывать, а жанр сказки она уже освоила не хуже, чем Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Кстати, первая публикация у Калашниковой-Сибирячки состоялась в 2001 году, когда автору было 10 лет; сказочка «Как заяц зиму победил» вышла в газете «Губернские ведомости» 19 мая, ну да, в тот самый месяц, когда зимы и след простыл. 10-летняя сказочница вместе с зайцем помахала ей вслед ручонкой. Первая книжка тоже не заставила себя долго ждать, сказка «Королевство Сердце» появилась в 2009 году: хороший подарок к 18-летию.

В руках у меня симпатичная светло-зелёного цвета книжка «Пушистая сказка», на обложке которой пушистая кошечка смотрит в зеркало, оттуда на неё взирает лохматый лев; ага – конфликт между дикой природой (лев) и окультуренной природой (кошечка) задан. Как он разрешится? Чтобы это выяснить, малышу надо пробежать 44 страницы текста, если же грамоту ещё не осилил, попросив прочитать старшую сестрёнку или бабушку. На сей раз публикацию обеспечил родной город Надежды – Новокузнецк (2011), точнее – Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н.В. Гоголя и Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». Короче, народная книга знакомит любознательных детей с миром через взаимоотношения зверюшек и птичек (очень похоже, естественно, на человеческие – дружба, любовь, хвастовство, и всё остальное и прочее); так им понятнее.

Шестилетняя Таня упрашивала маму и папу, чтобы они подарили ей сестрёнку или братика, ну хотя бы щеночка или котёночка. На день рождения «подарили Танечке белого котёнка. Собственно, цвет и решил дело: мама сказала: «Ах, какая лапочка!», а папе ничего не оставалось как согласиться. Ибо с женщинами без крайней нужды лучше не спорить». Все любимые игрушки вместе с куклой Барби оказались в пыльном углу и с завистью подсчитывали, «сколько раз за пять минут котёнок взлетит в воздух, то есть на руки. И сколько царاپин на этих руках останется, потому как Снежинка оказалась на редкость свободолюбивой особой. Танька ходила, как пацан, вся в царапках».

Через два года и хозяйка подросла, и Снежинка превратилась в изящную молодую особу с рыжими крапинками на спине (природа

словно написала на Белоснежке загадочные иероглифы). «Двор у них на удивление дружный и приветливый. Замечательный просто двор. Коготок (хвастунишка-кот) полгорода, наверное, облазил, а может, и больше. Городишко-то маленький, захолустный. Но каждый раз возвращался обратно, снова убеждаясь, что нигде, ну решительно нигде нету такой душистой и разлапистой липы – так удобно отдыхать на её шершавом изогнутом стволе, свесив лапы...» Друзья Коготка – «барбос Шавыч, ободранный кот Шпик, смешливая и ужасно плодовитая кошка Тесёмка, романтический спаниэль Ноэль и ещё целая куча подрастающего поколения. Мелочь пузатая, в общем».

Снежинка «была домашней кошечкой. Во двор она выходила редко, он её пугал... предпочитала поглядывать на мир с удобного окошечка на третьем этаже, под самой крышей».

Поглядывала она так-то, что на белом свете делается. «А там как раз Коготок смертельные трюки канатоходца откалывал. Кошка даже умываться перестала». Этот придурок, мол, раздражает, вечно куда-то лезет, всё ему неймётся. Она решила, что выскажет ему всё, что думает.

«– А-а, рыжий, – зевнула Конопушка. – Ну что валяемся-то, как половая тряпка? Давай, отмочи чего-нибудь... Ты же себя только тогда и чувствуешь хорошо, как дурью маешься».

Она сидела на узеньком карнизе, а Коготок лежал на козырьке подъезда и блаженно жмурился от солнышка. Но от этих слов блаженство мигом куда-то улетучилось.

Он обиженно протянул: «Почему это дурью?» Та фыркнула: «А как же ещё обозвать твои пляски на проводе?»

Сюжет далее стал развиваться по классическому образцу, почти как в трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта», то есть зародившаяся в споре любовь развивалась, преодолевая препятствия; но в детской сказке о Пушистике препятствия были преодолены, и героев ждал счастливый финал. Коварный попугай заманил Снежинку в лес, где сбежавший из зоопарка Лев решил на ней жениться и заключил строптивную невесту в пещеру-темницу. Дворовые друзья – влюбленный Коготок и степенный Шавыч – не побоялись отправиться в лес на розыски пропавшей любимицы Тани.

Здесь Лиса не угрожала напрямую невольнице, как в «Серой Шейке», где она была не прочь полакомиться уточкой; здесь хитрая бестия шестерила перед царём зверей, она-то рассчитывала, что лев заменит приболевшего Медведя и станет хозяином тайги, вот и угождала всячески коварными советами. Но любовь и дружба, убеждает читателей-мальшей «Пушистая сказка», всё преодолеет и восстановит справедливость. Так и получилось. Коготок и Шавыч с помощью выздоровевшего Медведя освободили из пещеры Снежинку и благополучно вернулись с ней в

любимый двор, к привычной жизни. По жанру сказки положено всех страдальцев утешить, поэтому даже тосковавшему по Африке Льву помогли вернуться на родину; Таня постаралась, уговорила папу, и тот устроил возвращение царя зверей в свою стихию.

Всё, в общем, вернулось на круги своя. Медведь выздоровел и живо навёл порядок в лесу, обнаглевшие Волки присмирели, Лиса стала лебезить перед хозяином, ей было не привыкать это делать; предатель-попугай был всеми осуждён – нравственно, конечно! – за провокацию и прощён. Больше всех сказка осчастливила девочку Таню, вернув ей любимицу, и кота Коготка, покорённого изяществом Снежинки и позабывшего про хвостовство.

Творчество новой сказочницы Надежды Калашниковой из Кузбасса наводит на мысль, что нынешние дети не без помощи интернета и компьютера преуспели в изящной словесности. Пока дедушки спали-спали вместо того, чтобы писать сказки, продвинутые детишки не стали ждать милости от воспитателей и сами освоили любимый жанр. В клубе любителей фантастики «Контакт» кроме Надежды Калашниковой-Сибирячки немало и других сказочников. Как бы вундеркинды не вытеснили нерасторопных дяденек и тётенок из литературы вообще! Очень даже может быть, если те вовремя не спохватятся.

Молоко. – 2012. – № 12.

Надежда КАЛАШНИКОВА «ПОБЕДИТЬ МОЖНО ДОБРОТОЙ»

Надежда Калашникова – молодая новокузнецкая писательница, член КЛФ «Контакт». В 2014 году она стала лауреатом Губернаторской премии в области культуры и искусства (единственная в том году по литературе). У Надежды вышло в свет несколько книжек, выпущенных издательством «Ник без компани». В прошлом творческом сезоне клуб проводил литературный конкурс «Время для драконов», в котором наш молодой автор по итогам читательского голосования заняла первое место.

– Как родилось желание писать? Оно было естественным, органичным, выросло из школьных сочинений или из общего контекста клубной активности, или был ещё какой-то стимул, какой-то сильный толчок?

– Клубная активность тут явно не причём, потому что на клуб я тогда ещё не ходила. Первый раз я пришла на «Контакт», дай бог памяти, на курсе втором или первом института. Может быть, смешно прозвучит, но желание писать возникло из привычки вести дневниковые записи.

– То есть ты вела и ведёшь дневники?

– Скорее, раньше вела. Сейчас такая необходимость немного ушла в прошлое. Может быть, от нехватки времени, может быть, уже такой

потребности нет. У подростка-то более раздробленная личность, чем у взрослого.

– И ты свою личность собирала этими записями?

– Да, предпринимала какие-то усилия, когда особо поговорить не с кем, а проблем у человека, как всегда, вагон и маленькая тележка.

– Происходило, таким образом, упорядочивание...

– Да, в процессе такой работы мысли понемногу становятся на место. «Лучший собеседник – это ты сам». По крайней мере, должен быть хорошим собеседником. Первое, что я написала, сказку «Королевство Сердце», которая выросла целиком из дневников, там все чувства названы своими именами в прямом смысле. Материала для психолога выше крыши (смеётся). Это была первая попытка высказаться на бумаге, довольно удачная, потом потянулись остальные...

– В твоих эссе прослеживается очень чёткая ступень. До двенадцатого года ты писала в одном ключе. А с 2013 года, начиная с эссе о Мадонне, всё немножко иначе. Это было какое-то другое состояние?

– Все эти эссе, на самом деле, просто выдержки из моих дневников, там, где я рассуждала о литературе, кино или чём-то подобном. Потому что мои личные проблемы вряд ли кому-то интересны, а мысли о культурном пространстве ещё могут кого-то зацепить. Но это всё-таки формат дневниковых записей, чуть приглаженных, но не более. А текст, где речь идёт о Мадонне, сразу писался с расчётом на читателей, на аудиторию. Поэтому стиль и отличается. Да и... за столько лет должен быть какой-то прогресс, а?.. (смеётся).

– Существует ли, по-твоему, воздействие книги на читателя? Если человек под воздействием книги меняется, то как это выражается? Есть ли книги, которые на тебя оказали влияние?

– Первый вопрос: безоговорочно да, естественно. Любимых книжек очень много. Я могу долго об этом говорить. Это произведения и Толкина, и Валентинова, и многие другие. Очень люблю два романа наших «контактовских» писателей: «Перекрёсток волков» Ольги Белоусовой и «Прогулки по крышам» Натальи Колесовой.

Но в первую очередь, конечно, это Стругацкие «Трудно быть богом».

– Те самые, с кем ты так яростно спорила в одном из эссе.

– Потому и спорила, что заставили о многом задуматься. Нужно начать с того, что, когда я взяла в руки эту книгу, я хотела отдохнуть, расслабиться. Фантастика же! Мне больше в этом отношении представлялись звездолёты, космолёты, планеты... Расслабилась девочка, ага. С этих космических высот унесло в самую грязь, в цинизм истории и в изнанку грязного человеческого белья в самую глубину. Получилась достаточно жёсткая встряска. Книжка, к которой меньше всего возвращаюсь, но повлиявшая не меньше прочих. Один из самых

впечатляющих эпизодов – когда дон Кондор говорит Румате: всё, чем мы сейчас тут занимаемся – даже не семена сажаем, а почву рыхлим для этих семян. Но нам не дано увидеть результаты своих действий! И то, что сейчас пытаешься делать ты, даст плоды неизвестно когда. Мне, как писателю, это оказалось близко, поскольку я тоже как-то хочу повлиять своими сказками, памятуя известное «чувства добрые я лирой пробуждал...», и я тоже не вижу этого эффекта. А результат-то хочется! Потрогать, пощупать, увидеть!.. Особенно трудно это было принять подростку: кровь горит, хочется всего и сразу, а тебе говорят: зажди через столетие-другое. Впрочем, от иллюзий лучше избавляться вовремя...

– На очереди Толкин? С Толкиным явно немножко другая ситуация. Атмосфера его книг, пожалуй, должна больше соответствовать твоему внутреннему пространству.

– Наверное, да. Там много и приключений, и колоритных характеров, внутренней красоты героев, благородства, всего того, чего очень не хватает, наверное, в обычной жизни. И основной посыл таков: сила не всегда преобладает, и не всегда побеждают силой. Если на весах положить большую гирьку напротив маленькой, далеко не факт, что перевесит большая. Может и меньшая оказаться тяжелее. Если ты считаешь себя «маленьким человеком», это не значит, что вправе сложить руки, поскольку от тебя ничего не зависит, потому что все вокруг большие и страшные. Только вот в той же книге самые «крутые» персонажи стояли и курили где-то в сторонке, пока двое неприметных героев шли к цели и всё-таки дошли.

– Какими качествами, по-твоему, должен обладать человек, чтобы суметь победить грубую, наглую, агрессивную силу, имея в виду героев Толкина или тех героев фанфика, о которых пишешь ты?

– Добротой, наверное. И большим желанием что-то сделать, преодолеть.

– Настойчивость, убежденность в своей правоте, последовательность?

– Ну-у, последовательность – это не всегда. Любого порой шатает и отбрасывает. Но потом всё равно стоит подняться, отряхнуться и ползти к своему Ородруину дальше...

– Хорошо. О какой книжке ты ещё хотела бы рассказать?

– «Око силы» Андрея Валентинова. Я историей в своё время увлекалась, даже отучилась на историка (смеётся). Там затронута тема гражданской войны, а этот исторический период меня сильно интересовал. С другими войнами всё более или менее ясно: приходит враг, его бьют, вопросов нет. Когда страна раскалывается на два лагеря и вчерашние соседи и друзья начинают убивать друг друга – вот это мой мозг отказывался воспринимать... После «Ока силы» я окончательно убедилась: нет ни красных, ни белых, ни правых, ни виноватых. Есть одна большая трагедия. И там герои тоже постепенно приходят к этому пониманию и

начинают искать какой-то выход из положения. Хотя сами они обычные люди, примерно, как толкиновские хоббиты. И вывод моральный примерно тот же: если так называемый маленький человек вооружён чёткими знаниями, большим желанием, убеждённостью, то он может совершить много дел. Песчинка, попав на жернова, оставит на них зарубинку. Жернова-то она не остановит, но всё же подпортит хоть немного. Одна-две песчинки... а если это будет поток песка?! Глядишь, жернова и встанут к чёртовой матери. Но это мечта, конечно...

– Поломать жернова истории?

– Не истории – системы, перемалывающей и подминающей под себя всё, что в неё не укладывается. Историю-то зачем ломать?

– Литературное творчество для тебя в большей степени что: возможность уйти внутрь себя, способ уединиться или, наоборот, выйти во внешний мир, на аудиторию, способ что-то рассказать, доказать читателю или что-то третье?

– Первое и второе, а потому третье. Всё сразу. Когда пишешь текст, вдумываешься, уходишь в себя, в личную волшебную страну, в своём соку варишься. А когда текст написан, естественно, начинается вторая стадия, потому что он выходит на аудиторию, отправляется к читателю, к людям.

– Это такой способ мобильности внутри себя? То углубляться внутрь, то идти наружу?

– Да, что-то взял внутри себя и понёс во внешний мир. Сжатие – расширение. Физика.

– Физика физиологии.

– Психологии. Разве психика законам физики не подчиняется? Дай боже как!

– Характерная особенность твоих сказок и повествований – твоё рассмотрение таких качеств как достоинство, честь, благородство у твоих героев. В общем, сильно такое этическое начало. Что в окружающей жизни провоцирует твой подобный интерес к рассмотрению вот таких характеров? Может быть, с чем-то подобным ты сталкивалась в жизни?

– Встречный вопрос из любопытства: у каких героев оно так уж сильно?

– Эльфийка, которая стала женой Мелькора, она тщательно выверяла себя месяцами, чтобы принять правоту Мелькора.

– Там очень быстро всё произошло, всего за полгода. А для эльфа полгода это как два дня.

– Может быть. Тем не менее, смотришь и видишь, что это результат внутренних усилий, процессов, когда люди тщательно выверяют свои действия и поступки. Очень сильно и глубоко осмысливают.

– Это осознанность поступков, а честь и достоинство всё же несколько иные понятия, на мой взгляд...

– Мне лично видятся герои баллад, очень хорошо внутри себя отстроенные. И как результат, получаются такие характеры... Даже если честь, достоинство и благородство, которые они проявляют, может быть, и не всегда касаются непосредственно окружающих, это всё равно показывает именно красоту характера.

– Это же важнейшее качества. Тот самый стержень, который составляет основу человека. Не будь его, что останется? Человек развалится на кусочки. Должен же быть какой-то кодекс чести. По крайней мере, о таких героях мне хочется писать и таких людей мне хочется встречать в жизни. И самой соответствовать, насколько получается.

– Кто из литературных героев тебе наиболее близок, включая героев твоих фанфиков? В каких взаимоотношениях ты находишься со своими персонажами? Достаточно ли они самостоятельны, чтобы оказывать на тебя какое-либо влияние, диктовать свою линию поведения?

– Я часто слышу от писателей о том, что планируешь для персонажей один поток событий, а он как-то неожиданно изворачивается и живёт своей жизнью, какой автор совершенно не предполагал. Начинаю чувствовать себя занудой, но у меня такого нет. Я придумываю сюжет, характер персонажа, образ цельный – и он от начала до конца идёт таким путём, какой ему задан. При этом проявляет качества, свойственные данному характеру и укладывающиеся в данный сюжет. А чтобы он начал выкидывать фортеля, от которых у меня глаза бы округлялись – такого нет. Я творец, чёрт побери, или где? (смеётся). Сказано: герой идёт так, значит, он идёт так. Конечно, он может попрыгать на одной ножке, а может побежать на четвереньках – но всё равно пойдёт заданной дорогой, в рамках задуманного.

Любимые мои персонажи... Рыжий Кот Коготок. Это такая квинтэссенция детских любимых героев: весёлых, отважных, которых настигали приключения и путешествия самые неожиданные... В какой-то степени и мой характер отражает. Очень люблю из «Королевства Сердце» трио: Мечту, Любовь и Негасимый Огонёк. Из героев фанфиков больше всего предпочитаю, как ни странно, Элронда, хотя, конечно, он не мой персонаж, а Толкина. С подружкой как-то по этому поводу спорили. Она прочитала «Цену одной песни», и вот ей стало жалко менестреля: выгнали там, бедный-несчастный... Я говорю: а мне Элронда жалко больше! Потому как менестрель свободен и может высказать в своей песне то, что считает нужным. Владыка не может себе такого позволить, потому что он тогда перестанет им быть. Хотя он с песней менестреля согласен так же, если не больше.

– Ему нужно оставаться на своём месте.

– Да, во-первых, оставаться на своём месте, а во-вторых, своему месту соответствовать. А значит, когда он слышит подобную крамолу,

он должен реагировать соответственно, иначе ему у власти не быть. И это куда тяжелее, чем быть изгнанным, на мой взгляд...

Ну, и ещё парочка любимых персонажей: девушка-шут из «Короля и шута» и колдунья из «Мечты дракона». Последняя где-то на десятых ролях, но образ рассказчика и в какой-то степени творца – имеется в виду творение сказочной реальности, разумеется, – мне близок.

– Хотелось бы подражать каким-то литературным героям? Возникало такое ощущение; словно включаешься в пространство некоего персонажа и хочется выстраивать свою жизнь, как некую игру подобного героя литературного произведения?

– Мне кажется, герой обычно опережает автора на полшага, на полкорпуса вперёд. Он как маячок, как некий ориентир, и ты за ним тянешься. Нужны же какие-то идеалы: как жизнь выстраивать, к чему стремиться, на кого быть похожим. В сложной ситуации думать, как бы твой герой в данной ситуации поступил... Ориентиры нужны. Я очень большой жизнелюб, но, как говорится: если тебе не за что отдать жизнь, то тебе незачем жить. «Что человек, когда он занят только сном и едой? Животное, не боле».

– Тема «Ты – царь. Живи один...» Есть ли какая-то зависимость писателя от читателя или писателю достаточно быть отшельником? Если нет, то писатель для читателя в большей степени кто – учитель, наставник, друг, собеседник или кто-то ещё?

– Зависимости нет – гонораров мне, увы, не платят, а жаль!.. (смеётся). А вот сотрудничество, диалог, конечно, есть. Писатель по определению не может быть отшельником. На роль учителя, наставника никак не претендую, меня бы саму кто-нибудь поучил... Друг, собеседник – больше похоже на правду. К примеру, художник рисует картину, вот он кто? Нарисовал, люди приходят, смотрят, любят, восхищаются, радуются, грустят, возмущаются, наконец. И уносят в своей памяти образ как что-то задевшее, зацепившее душу, вдохновившее на что-то.

– Уходят немного изменённые.

– Хорошо бы, но вот в какую сторону...

– Это зависит от художника, в какую сторону будут меняться его зрители.

– Революции своими сказками я не устрою – не те масштабы, да и цели такой не ставлю. Но склонить читателя немного задуматься, вокруг оглянуться, попереживать, да просто развлечься, хорошо отдохнуть – почему нет?

– Твои тексты читаются легко и непринуждённо, умеешь уверенной рукой развернуть пространство событий. А как на самом деле далось и даётся это свойство писать?

– Пишется наиболее свободно, когда находит вдохновение – тогда можно до 4-х утра писать. Это изумительное состояние, тогда большие

куски текста возникают легко, порой можно вещь написать от начала до конца. Один фанфик я так и написала – как начала в полночь, так последнюю точку поставила ближе к утру, только тогда остановилась. И самое приятное, что тексты, созданные под вдохновением, потом практически не нужно править, так, если по мелочи, стилистику. Хотя если говорить о редактуре – я вообще обычно ничего глобально не правлю. Стандартная техническая правка, не более. Не Лев Толстой. Сразу пишу набело.

Так вот, возвращаясь к вдохновению. Когда его нет – а чаще всего так и бывает – сидишь, строчишь – и стираешь, чёртиков на полях рисуешь... Настроил предложение, прочитал, понял, что чепуха – стёр. Написал абзац, он не работает по сюжету – стёр его тоже. Чаще всего, конечно, вдохновение не изволит являться, тогда царапаешь по строчке, пыhtiшь, кряhtiшь, материшься, ходишь туда-сюда по комнате, как неприкаянный... Как будто рожает. Впрочем, сказки – те же дети, плоды, продукты производства.

– Потом вырастают и отправляются гулять?

– Да, когда дело сделано, про него забываешь. Пусть идёт гуляет по миру на суд других: удалось – не удалось, нужно – не нужно. Моё дело написать, а дальше...

– Что означает для тебя сейчас вопрос «жить по-человечески», который мучил тебя шесть лет назад. Есть ли у тебя сейчас определённый ответ на него?

– Уже и не помню, что он когда-то меня мучил...

В первую очередь, это значит быть добрым. Раньше мне периодически казалось, что доброта часто оборачивается слабостью, глупостью; это невыигрышная позиция, когда на тебе ездят все, кому не лень. Сейчас понимаю, что это не так, и она должна лежать в основе человеческого характера, как бы банально это ни звучало. Потому что без неё всё разваливается и теряет смысл.

Второе. Надо быть сильным. А вот в понятие «сила» у меня вложено очень много: это и сила духа, и ум, и навыки, умения, мастерство, ремесло – чем человек владеет, чем он занимается всю жизнь. Чем больше мы умеем, тем проще и интереснее жить и нам, и окружающим. Банальная физическая форма тоже не последнее дело, потому что здоровый человек может принести больше пользы.

– В общем, направленность на какую-то конструктивную деятельность.

– Хорошо, когда каждый в своём деле профессионал. Один пироги печёт, другой сказки пишет, третий ракеты в космос запускает, и все счастливы. Это, конечно, идеал, но стремиться к нему хочется.

– Да, без этого никуда.

– А третье качество, которое вытекает из первых двух – это спокойствие. На мой взгляд, очень ценная вещь. Потому что если человек на самом деле добрый и сильный, то ему не надо суетиться, бегать, прыгать, пальцы веером гнуть: у кого джип круче, у кого денег больше, чья армия грознее... А происходит подобное из-за отсутствия настоящей, реальной силы. Большая сильная собака не гавкает на всю округу, это мелкая шавка будет непрестанно тявкать. Крупного пса из-за ворот не услышишь, но не дай бог зайти во двор, где он сидит!.. Им не надо доказывать свою силу, они уравновешены. Со спокойным человеком куда приятнее и жить, и общаться, и разрешать неизбежные конфликты.

И четвёртое условие, правда, не обязательное, но очень желательное: чувство юмора. С ним легче жить. Обезьяна стала человеком в том момент, когда улыбнулась вместо того, чтобы оскалиться.

– Умение абстрагироваться, дистанцироваться...

– Как в фильме «Тот самый Мюнхгаузен»: «Умное лицо ещё не признак ума, господа. Все глупости совершаются именно с этим выражением лица». Очень люблю «Мюнхгаузена», это моё самое любимое кино.

Повезло в своей жизни наблюдать такого человека, в котором все эти качества хорошо выражены. Пообщавшись с ним, поняла, что доброта не есть синоним слабости или глупости, это совсем не обязательно. Очень хорошо усвоила. Когда об этом читаешь или слышишь – проверить не получится, не поговоришь, не убедишься. Мало ли чего кто сказать может!.. А когда человек по одним с тобой улицам ездит, по одним магазинам ходит, и можно с ним поговорить, руку протянуть, убедиться, что это не фантом – это больше убеждает, чем прочитать про кого-то крутого где-то на 150-м километре.

Вот что означает в моём понимании «жить по-человечески». Как бы только это ещё в своей жизни воплотить... Хорошо хоть, есть какие-то ориентиры.

– Какие вопросы, не прозвучавшие в интервью, были бы для тебя интересны? Какие темы для тебя сейчас актуальны?

– На данный момент меня волнуют два вопроса. Оба довольно банальны. Первый – проблема любви. Что она такое? Есть ли она, нет ли её. Правильная она или неправильная, что с ней делать, что без неё делать, с чем её едят и какими столовыми приборами.

А второй – будущее. Мне в интернете попался конкурс на тему будущего. Там постановка вопроса звучит так: до какого будущего вы хотели бы дожить? Причём рамки оговариваются конкретно и для нас достаточно близко: 60-е годы нашего века. Я сама имею шансы до этого времени дотянуть, хотя бы и на пенсии. Это не трёхтысячный век на фотонных звездолётах. Меня данная тема заинтересовала. Потому что с

нынешним временем всё ясно: мало что устраивает, но к этому привыкаешь и перестаёшь пытаться что-то изменить. Жизнь сурка: проснулся, встал, пошёл на работу, пообщался с кем-то, что-то почитал под вечер... Понимаешь, что завтрашний день принесёт тебе то же самое – и хорошо если не чего-нибудь похуже.

– Что больше тебя волнует в заданной теме: как будущее будет разворачиваться само или как в этом можно принять какое-то участие, можно ли это сдвинуть? В каких аспектах тебе представляется это будущее?

– Понятие будущего, конечно, должно быть структурировано, потому что оно само по себе масштабно. Меня будущее интересует, во-первых, как некая утопия, каким бы хотелось его видеть в идеале. Без привязки к реальности, хотя бы построить на бумаге...

– Отправить воображение в полёт?

– Да. Те же Стругацкие его рисовали, до них товарищ Мор и прочие. Мне тоже хочется нарисовать картинку желаемого, хотя бы в своём воображении.

Второе. Реальное будущее. То есть извечный вопрос «куда мы катимся». Хотя банальнее вопроса трудно выдумать, он всё равно очень остро стоит. Новости посмотришь – не хочется за порог выходить. Я уж молчу про все эти оптимизации, нововведения в образовании – то, что меня касается непосредственно... Это не может не вызывать волнений, опасений и закономерных вопросов: а у страны есть какое-нибудь адекватное будущее? Или постепенная всё ускоряющаяся деградация?..

Третье. Это моё личное будущее. Сейчас у меня такой период в жизни, полный разброда и шатаний, как у витязя на распутье: личное, работа, финансы, творчество то же – ничего непонятно, какие перспективы, куда двигаться... Для меня сейчас эти вопросы очень остры. Когда отмечаешь без году четверть века – какие-то итоги подводишь, дальнейшие планы намечаешь – подступает своего рода кризис среднего возраста, хоть я к нему пока ещё не отношусь...

Какое реальное будущее нас ждёт? Фантастическое произведение я и сама написать могу, а на реальность повлиять – увы. Для этого надо быть Стругацкими, чтобы на твоих книгах выросло целое поколение, которое инициировало перестройку. Однако теперь у этого поколения снова возникли вопросы – и о прошлом, и о настоящем, и о будущем...

Интервью подготовил и провёл художник, поэт, член Круга Чистых
Константин ЕГОРОВ
Новокузнецк. 2015.12.05

<https://kontakt-niknik.livejournal.com>

Из библиографии Надежды КАЛАШНИКОВОЙ

Действительность не лечится : размышляки : (эссе о книгах... и не только) / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2014. – 48 с.

За кулисами улыбки : стихи / Надежда Калашникова ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2017. – 80 с.

Королевство Сердце : сказка / Надежда Калашникова ; ред. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централиз. библ. система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2009. – 60 с.

Королевство Сердце : сказка / Надежда Калашникова ; ред. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – 2-е изд., испр. – Новокузнецк : [б. и.], 2014. – 60 с.

Король и шут и другие сказки для детей от семи до семидесяти / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2014. – 36 с. – Содерж.: Король и шут ; Он ; Я была богом ; Майский снеговик.

Мечта дракона : сказка / Надежда Калашникова ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – 20 с.

По зелёной жёрдочке : рассказы / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централиз. библ. система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2011. – 36 с. – Содерж.: Про Красную Шапочку: как оно всё было на самом деле ; В зоопарке ; Жалоба волков ; Про человечка.

Пушистая сказка / Надежда Калашникова ; Муницип. учреждение Централиз. библ. система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2011. – 44 с.

Цена одной песни : фанфики по вселенной Дж.Р.Р. Толкина / Надежда Калашникова ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор.

клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – 48 с. – Содерж.: Квэнтале о Мелькоре и Лютиэн ; Маленькая эльфийская трилогия (Цена одной песни ; Соблазнить Элронда ; Встреча).

Актёру : [стихи] / Надежда Калашникова // Усятская россыпь. – 2017. – Апрель (№ 14). – С. 51.

В зоопарке : [рассказ] / Надежда Калашникова // **По зелёной жёрдочке** : рассказы / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централиз. библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2011. – С. 21–23 ; *то же* Усятская россыпь. – 2016. – Апрель (№ 13). – С. 46–47.

«Действительность не лечится»... : [размышление после прочтения повести А. и Б. Стругацких «Хищные вещи века»] / Надежда Калашникова // **Хорошего чтения, друзья!** : КЛФ «Контакт» рекомендует / сост. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централиз. библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011. – Вып. 1. – С. 22–26 ; *то же Действительность не лечится* : размышляки : (эссе о книгах... и не только) / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2014. – С. 5–9.

Жалоба волков : [рассказ] / Надежда Калашникова // Пестовская правда. – 2011. – 12 августа (№ 31). – С. 5 ; *то же По зелёной жёрдочке* : рассказы / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централиз. библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2011. – С. 24–25 ; *то же* Интерпресскон-2012. Микро : [подборка рассказов, номинируемых на премию «Интерпресскон» в номинации «Микрорассказ»]. – СПб., 2012 ; *то же* Кузнецкий рабочий. – 2014. – 13 февраля (№ 17). – С. 8 ; *то же* Усятская россыпь. – 2016. – Апрель (№ 13). – С. 46 ; *то же Этот сладкий процесс познания* : новокузнецчане – номинанты премии «Интерпресскон» по разделу «Сверхкороткий рассказ» / сост. Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2017. – С. 31–32.

Земля и Луна : [минисказка] / Надежда Калашникова // Сельские вести. – 2003. – 12 декабря (№ 148–149). – С. 3.

Как заяц зиму победил : [минисказка] / Надежда Калашникова // Губернские ведомости. – 2001. – 19 мая (№ 83). – С. 3 ; *то же* / Надежда Калашникова // Пестовская правда. – 2003. – 27 февраля (№ 8). – С. 7.

Квинталэ о Мелькоре и Лютиэн : [рассказ] / Надежда Калашникова // **Цена одной песни** : фанфики по вселенной Дж.Р.Р. Толкина / Надежда

Калашникова ; Центр. гор. б-ка им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – С. 4–17.

Королевство Сердце : [сказка] / Надежда Калашникова // **Королевство Сердце** : сказка / Надежда Калашникова ; ред. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централиз. библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2009. – 60 с. ; *то же* **Королевство Сердце** : сказка / Надежда Калашникова ; ред. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – 2-е изд., испр. – Новокузнецк : [б. и.], 2014. – 60 с.

Король и шут : [сказка] / Надежда Калашникова // Союз писателей. – 2012. – № 8–9. – С. 44–47 ; № 10. – С. 18–22 ; *то же* **Король и шут** и другие сказки для детей от семи до семидесяти / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2014. – С. 4–25.

Кроссворд «Немного истории» / Надежда Калашникова // Кузнецкий рабочий. – 2014. – 9 октября (№ 116). – С. 7.

Кроссворд / Надежда Калашникова // Кузнецкий рабочий. – 2016. – 5 марта (№ 116). – С. 4.

Майский снеговик : [рассказ] / Надежда Калашникова // Сельские вести. – 2012. – 18 мая (№ 56–57). – С. 6 ; *то же* **Король и шут** и другие сказки для детей от семи до семидесяти / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2014. – С. 30–36.

Маленькая эльфийская трилогия : (Цена одной песни ; Соблазнить Элронда ; Встреча : рассказы) / Надежда Калашникова // **Цена одной песни** : фанфики по вселенной Дж.Р.Р. Толкина / Надежда Калашникова ; Центр. гор. б-ка им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – С. 18–46.

Мечта дракона : сказка / Надежда Калашникова // **Время для драконов** : конкурс КЛФ «Контакт» ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – С. 23–38 ; *то же* **Мечта дракона** : сказка / Надежда Калашникова ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – 20 с.

Молодой Гамлет : [стихи] / Надежда Калашникова // **Заменить ушедшего – собой!** : поэзия «Контакта» / сост. – Николай Калашников ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2016. – С. 25.

Научиться жить по-человечески. Самим : [о романе С. Садова «Адская практика»] / Надежда Калашникова // **Хорошего чтения, друзья!** : КЛФ «Контакт» рекомендует / сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя ; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2016. – Вып. 2. – С.18–20.

Он : [отр. из рассказа] / Надежда Калашникова // **Молодые литераторы Кузбасса** / Департамент культуры и национальной политики Кемеровской обл. – Кемерово, 2015. – С. 10.

Он : [рассказ] / Надежда Калашникова // **Король и шут** и другие сказки для детей от семи до семидесяти / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2014. – С. 25–26 ; *то же* Усытская россыпь. – 2016. – Апрель (№ 13). – С. 47.

Про Красную шапочку: как оно всё было на самом деле : [рассказ] / Надежда Калашникова // **По зелёной жёрдочке** : рассказы / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централиз. библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2011. – С. 4–21 ; *то же* **Пути старых сказок** : старые сказки, легенды и истории языком нашего времени / сост. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централиз. библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2012. – С. 61–78.

Про человечка : [рассказ] / Надежда Калашникова // **По зелёной жёрдочке** : рассказы / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централиз. библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2011. – С. 25–34.

Пушистая сказка / Надежда Калашникова // **Пушистая сказка** / Надежда Калашникова ; Муницип. учреждение Централиз. библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2011. – 44 с.

Русалочка : [рассказ] / Надежда Калашникова // **Семь кругов сказки** : конкурс КЛФ «Контакт» / Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2016. – С. 5–14.

Сказка в сумерках / Надежда Калашникова // **Огни Кузбасса**. – 2018. – № 4. – С. 99–104.

Стишата / Н. Калашникова // **Сельские вести**. – 2003. – 21 марта (№ 33–34). – С. 6.

Счастье на развес : [рассказ] / Надежда Калашникова // **Счастье на развес** : проза «Контакта» / Центр. гор. б-ка им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: «Ник без Compani», 2018. – С. 24–26.

Цена Мадонны : [рассказ-эссе] / Надежда Калашникова // **Найти слова** : рассказы о творчестве / сост. – Калашников Н.Н. ; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2012. – С. 68–70 ; *то же Действительность не лечится* : размышляки : (эссе о книгах... и не только) / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2014. – С. 38–39.

Чай ; Осколки ; «Я каждый день учусь тебя любить...» ; «На холодную сталь – гладкий ласковый шёлк...» ; Расстояние : [стихи] / Надежда Калашникова // **По млечному пути, как по огню** : избранное «Контакта» ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2017. – С. 64–65. – На тит. л.: К 40-летию КЛФ «Контакт».

Шахматы : [рассказ] / Надежда Калашникова // **Тропинка в лесу** : проза «Контакта» / сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя ; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2016. – С. 13–16 ; *то же Усятская россыпь*. – 2016. – Апрель (№ 13). – С. 46–47 ; *то же Двери* : рассказы, «контактовцев», не вошедшие в «Кузнецкую крепость» / сост. – Калашников Н.Н. – Новокузнецк, 2018. – С. 45–48.

Я была богом : [рассказ] / Надежда Калашникова // **Король и шут** и другие сказки для детей от семи до семидесяти / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2014. – С. 27–30.

Каких событий отголоски : сб. стихов : приложение к книге эссе Надежды Калашниковой «Действительность не лечится» / Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2014. – 80 с.

Составил – Калашников Н.Н.

На с. 10, 171, 187, 195 – рисунки Ирины Кублицкой

Кублицкая Ирина Сергеевна родилась 9 июля 1999 года в г. Гомель в семье писателей и люденев Сергея Лифанова и Инны Кублицкой. Учитя в университете им. Франциска Скорины (факультет педагогической психологии). Увлекается рисованием, пишет фэнтэзи, изучает японский язык. Рисунки Ирины, естественно, не иллюстрации к сказкам Надежды, но уж очень близки к ним по внутренней атмосфере.

На первой странице обложки –
картина польского художника сюрреалиста Рафала Олбински «Ирис».

Содержание

Колесова Н. Вместо предисловия.....	4
Королевство Сердце.....	6
Пушистая сказка.....	65
Майский снеговик.....	98
Король и шут.....	104
Про Красную Шапочку: как оно всё было на самом деле	127
Я была богом.....	146
Мечта дракона.....	150
Шахматы.....	167
Русалочка.....	170
Счастье на развес.....	182
Сказка в сумерках.....	184
Пьяный Астероид.....	195
Дурака Работа любит (В.Немиров).....	199
История двух заносчивых котят (О.Захаренко).....	201
«Пишу, какой бы хотела видеть жизнь» (Н.Калашникова)..	202
Лёгкий жанр сказки не для слабаков (Р.Ляшева).....	204
«ПОБЕДИТЬ МОЖНО ДОБРОТОЙ» (Н.Калашникова).....	207
Из библиографии Надежды КАЛАШНИКОВОЙ.....	216

...Зал взорвался от хохота. Судья побагровел, позеленел, потом начал синеть. Дабы его не хватил удар, сердобольный король велел двум стражникам подхватить бедолагу под белые ручки. А сам обратился к шуту:

– Откуда ты взялся? Месяц как умер мой бывший шут, и нового я не нанимал.

– Шутов не нанимают, они сами нанимаются, – ответил нахал. – А точнее – выскакивают из ниоткуда, как черти из коробочки. Давай, король, будем считать, что я – твой персональный чёртик.

Крэн принялся грызть фалангу левого указательного пальца – это у него было признаком думанья. Спору нет, без паяца плохо. Но вот так, с лёту с ветру... В шуты обычно убогие идут, а этот совсем не похож – молоденький такой, светленький... Глаза прозрачные... А ну как он шпион чей? Или подослан его укокошить? Королевская жизнь, она такая – враги за каждым углом мерещатся...

Нет. Всё это мур. Правильно этот тип сказал – шутов не нанимают. Под двуцветным костюмом не прячут отравленный кинжал – а то ещё при прыжке нелепом выпадет.

– Давай будем так считать, – тяжело выдохнул король.

Король и шут

